

КРИМИНАЛЬНАЯ
КЛАССИКА

МАРИО
ПЬЮЗО
КРЕСТНЫЙ
ОТЕЦ

КУЛЬТОВЫЙ
РОМАН XX ВЕКА

Крестный отец

Марио Пьюзо

Крестный отец

«ЭКСМО»

«ФТМ»

1969

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Пьюзо М.

Крестный отец / М. Пьюзо — «Эксмо», «ФТМ»,
1969 — (Крестный отец)

ISBN 978-5-699-87415-6

«Крестный отец» давно стал культовой книгой. Пьюзо увлекательно и достоверно описал жизнь одного из могущественных преступных синдикатов Америки – мафиозного клана дона Корлеоне, дав читателю редкую возможность без риска для жизни заглянуть в святая святых мафии. Клан Корлеоне – могущественнейший во всей Америке. Для общества они торговцы маслом, а на деле сфера их влияния куда больше. Единственное, чем не хочет марать руки дон Корлеоне, – наркотики. Его отказ сильно задевает остальные семьи. Такое стареющему дону простить не могут. Начинается длительная война между кланами. Еще живо понятие родовой мести, поэтому остановить бойню можно лишь пойдя на рискованный шаг. До перемирия доживут не многие, но даже это не сможет гарантировать им возмездие от старых грехов... Роман Пьюзо лег в основу знаменитого фильма, снятого Фрэнсисом Фордом Coppola. Эта картина получила девятнадцать различных наград и по праву считается одной из лучших в мировом кинематографе. «Благодаря блестящей экранизации Фрэнсиса Coppola, эта история получила культовый статус и миллионы поклонников, которые продолжают перечитывать этот роман». Library Journal «Вы не сможете оторваться от этой книги». New York Magazine

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-87415-6

© Пьюзо М., 1969

© Эксмо, 1969

© ФТМ, 1969

Содержание

От переводчика	7
Книга I	9
Глава 1	9
Глава 2	47
Глава 3	62
Глава 4	64
Глава 5	68
Глава 6	71
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Марио Пьюзо

Крестный отец

Посвящается Энтони Клири

Mario Puzo

The Godfather

Copyright © 1969 by Mario Puzo

© Кан М.И., перевод на русский язык, предисловие. Наследники, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2016

От переводчика

Как могло случиться, что роман Марио Пьюзо «Крестный отец», которому, казалось бы, по всем законам жанра место в малопочтенной компании полубульварных гангстерских однодневок, попал в сокровищницу мировой литературы?

Многое объясняет тот факт, что это очень талантливая книга – чтение, от которого трудно оторваться. Многое, но не все. Талант, в сущности, не подлежит анализу, попытки «повесть гармонию алгеброй» заведомо непродуктивны. Просто как актеру бывает присуще некое трудно поддающееся определению, хотя и мгновенно узнаваемое «звездное» качество, так и «Крестному отцу» свойственны несомненные черты супербоевика на все времена – произведения, без которого, что ни говори, история мировой литературы двадцатого века была бы неполной.

В строгом смысле слова эта книга не гангстерский роман, скорее – сага о возникновении и динамике типического явления, перенесенного, правда, на американскую почву с Сицилии, но связанного не только с его этническими носителями, сицилийскими иммигрантами, а ставшего ныне прискорбно неотъемлемой частью современного бытия практически на всей земле. Сама тема ее, таким образом, принадлежит к разряду неслучайных и насущных.

Недаром сделалась нарицательной воровская кличка «Крестный отец» и вошли в русский язык слова «разборка», «разобраться» в том специфическом смысле, какой придает им герой этой книги – точно так же, как и его присловье «сделать кому-то предложение, от которого тот не сможет отказаться». Все это – свидетельства точного попадания, безошибочности авторского выбора.

Жестокая, жесткая, местами неприятная – таков ее предмет, – эта книга, с натуралистически подробными сценами насилия и обнаженной эротики, отличается, при простоте и даже бедности выразительных средств, непреходящей увлекательностью не слишком хитрого сюжета. И дело тут не в гангстерских «подвигах»: в основе этого напряжения – психологическая драма, человеческие судьбы. Необъяснимая привлекательность главы мафиозного клана дон Корлеоне – не только и не столько в обаянии сильного вожака, но, главным образом, – в его человеческих качествах, в теплоте и психологической тонкости его подхода к людям, в неоднозначности одиозной, казалось бы, фигуры.

Не случайно мафиозные кланы именуют себя семействами, а своих главарей – крестными отцами. Личные отношения внутри преступных группировок, в том виде, как их рисует М. Пьюзо, напоминают родственные; дон Корлеоне, вербуя себе приближенных, завоевывает сердца.

Не поверхностная занимательность триллера составляет особенность «Крестного отца». Гангстерский бизнес для его героев – обыкновенных людей, подверженных всем человеческим напастям, скорбям и немощам и вовсе не чуждых иных человеческих достоинств, – серьезное, солидное дело, работа, и заняться ею на американской земле сицилийцев вынудило, по мнению автора, не личное предпочтение, но сила обстоятельств, логика конкурентной борьбы, давление общества. Это оно, на его взгляд, вынуждает пришлых сицилийцев построить свой замкнутый, преступный мир, в котором действуют законы, по-своему неглупые и справедливые. Писатель постоянно сопоставляет различные установления внешнего, легального и потайного, незаконного обществ, как бы взвешивая их на весах беспристрастности – подчас при этом чаша склоняется в пользу последнего.

Государственная мудрость, с которой главарь мафии дон Корлеоне правит своей империей, выгодно отличается от полной несовершенств системы официального правосудия. Система, созданная мафией, как ни парадоксально, менее подвержена коррупции: оплата здесь в большей степени соответствует заслугам.

Не одних злодеев и выроdkов видит в этом преступном мире М. Пьюзо, но, сплошь да рядом, ярких, энергичных, недюжинных людей, приверженных патриархальным семейным традициям, узам дружбы, своеобразному кодексу чести. В языке, которым изъясняются его герои, нет и следа блатного жаргона. (Своеобразие их речи – особая удача автора. Каким-то непостижимым образом их американская речь сохраняет обстоятельную степенность недавних жителей европейской провинции, старомодный слог сицилийских крестьян ощущается в речи этих новых американцев, особенно тех, кто, как главный герой книги, принадлежит к старшему поколению.)

Люди, которые правят миром мафии, каким мы видим его на страницах романа, могут смело потягаться в мудрости и прозорливости с государственными мужами. Картина всеамериканского съезда мафиозных синдикатов выглядит внушительно, как международная конференция; термин «коза ностра», «наше дело», отчеканенный доном Корлеоне, – сегодня такая же часть реальной жизни, как некогда найденный Уинстоном Черчиллем термин «железный занавес». «Разборка», происходящая на съезде, – не мелочная грызня силовиков, но тонкая дипломатия, пугающе похожая в существенных деталях на шаги законной высокой политики.

Сердечность отношений, понимание человеческих свойств, ценность таких категорий, как уважение, а не одни лишь коварство, изворотливость и беспощадность отличают персонажей «Крестного отца». Калейдоскоп характеров представляет читателю панораму сицилийской и американской действительности в исторической перспективе. Перед нами, по существу, – извечные проблемы: любовь и смерть, богатство и бедность, верность и вероломство, разум и безрассудство. Те самые, которыми занимается классическая литература. К ней принадлежит и эта замечательная книга – таков ответ на вопрос, заданный в первой фразе.

М. Кан

Книга I

За всяким большим состоянием кроется преступление.
Бальзак

Глава 1

Америго Бонасера сидел в Третьем отделении уголовного суда города Нью-Йорка, дожидаясь, когда свершится правосудие и возмездие падет на головы обидчиков, которые так жестоко изувечили его дочь и пытались над нею надругаться.

Судья, внушительный, важный, подпернул рукава своей черной мантии, словно бы намерясь собственноручно разделаться с двумя юнцами, стоящими перед судейским столом. Тяжелое лицо его застыло в высокомерном презрении. И все же сквозила во всем этом некая фальшь, Америго Бонасера чуял ее нутром, хотя пока еще не мог осмыслить, в чем дело.

– Вы поступили как последние подонки, – резко сказал судья.

Да, думал Америго Бонасера, да, именно. Скоты. Животные. Юнцы – глянцевого шевелюры модно подстрижены, на умытых, гладких мордах постное смирение – покаянно понурили головы.

Судья продолжал:

– Вы вели себя как звери в лесу – ваше счастье, что вам не удалось обесчестить бедную девушку, не то отправил бы я вас за решетку на двадцать лет. – Он выдержал паузу, мазнул лисьим взглядом из-под сурово насупленных бровей по изжелта-бескровному лицу Америго Бонасеры, нагнулся к столу со стопочкой судебных решений. Потом нахмурился еще сильнее, пожал плечом, как бы преодолевая естественный гнев перед лицом необходимости, и закончил: – Однако, принимая во внимание ваш возраст, вашу не запятнанную прежде репутацию и доброе имя ваших родителей, а также учитывая, что закон, в неизреченной мудрости своей, не призывает нас к мести, я приговариваю каждого из вас к трем годам тюрьмы. Условно.

Лишь сорокалетняя профессиональная привычка управлять своей мимикой дала силы похоронщику Бонасере скрыть прилив негодования и злобы. Его дочка, юная, хорошенькая, еще лежит в больнице со сломанной челюстью, а этим скотам, этим animales, позволяют гулять на свободе? Значит, перед ним ломали комедию. Он смотрел, как сияющие родители сбились тесной кучкой возле своих ненаглядных чад. Еще бы им не сиять, им есть чему радоваться.

Едкая горечь подступила к горлу Бонасеры, рот за стиснутыми зубами наполнился кислой слюной. Он выдернул из нагрудного кармана полотняный белый платок и прижал к губам. Так и стоял, когда те два молодчика, бесстыжие, наглые, с усмешечкой прошли мимо по проходу и даже не взглянули в его сторону. Он пропустил их без единого звука, только крепче зажал себе рот крахмальным платком.

Следом прошли родители – двое мужчин и две женщины, одних лет с Бонасерой, только одеты как коренные американцы. Эти на него поглядели – сконфуженно, но и с вызовом, с каким-то затаенным торжеством.

Не в силах сдерживаться, Бонасера подался вперед к проходу и хрипло прокричал:

– Вы у меня еще поплачете, не мне одному лить слезы – еще наплачетесь от меня, как я наплакался от ваших деток!

Адвокаты, шедшие следом за своими клиентами, подтолкнули их вперед, юнцы, в стремлении заслонить родителей, отступили назад; в проходе образовалась пробка. Огромный судебный пристав проворно двинулся загородить собою выход из того ряда, где стоял Бонасера. Но это оказалось излишним.

Все эти годы, прожитые в Америке, Бонасера веровал в закон и порядок. Того держался, тем и преуспел. И сейчас, хотя у него мутилось сознание от дикой ненависти, ломило в затылке от желания кинуться, купить оружие, застрелить этих двух мерзавцев, Бонасера повернулся к своей ничего не понимающей жене и объяснил:

– Над нами здесь насмеялись.

Он помолчал и, решившись окончательно, уже не думая, во что ему это обойдется, прибавил:

– За правосудием надо идти на поклон к дону Корлеоне.

В Лос-Анджелесе, среди кричащей роскоши гостиничного люкса, Джонни Фонтейн глушил виски, как самый заурядный обманутый муж. Развалясь на красном диване, он пил прямо из горлышка и, чтобы отбить вкус, сосал талую воду, макая лицо в хрустальное ведро с кубиками льда. Было четыре часа утра, и его пьяному воображению мерещилось, как он будет расправляться со своей блудной женой, когда она вернется. Если она вообще вернется. Слишком поздно, а то недурно бы звякнуть первой жене, узнать, как поживают его дочери, – звонить друзьям его что-то не тянуло с тех пор, как дела пошли скверно. Было время, когда им лишь польстило бы, вздумай он позвонить в четыре утра, в восторг пришли бы; теперь нос воротят. А ведь подумать только, до чего близко к сердцу принимали невзгоды Джонни Фонтейна самые блестящие кинозвезды Америки, когда он шел в гору. Даже забавно.

Снова припав к бутылке, он услышал наконец, как жена поворачивает ключ в двери, но не отрывался от горлышка, покуда она не вошла в комнату и не стала перед ним. Такая красивая, с ангельским личиком, томными фиалковыми глазами, хрупкая, тоненькая, с точеной фигуркой. Миллионы мужчин во всем мире влюблялись в лицо Марго Эштон. И платили за то, чтоб увидеть его на экране.

– Где шаталась? – спросил Джонни Фонтейн.

– Так, трахалась на стороне, – сказала она.

Она неверно рассчитала, он был не настолько пьян. Перемахнув через журнальный столик, он сгреб ее за ворот платья. Но когда к нему приблизилось вплотную это волшебное лицо, неповторимые глаза, вся его злость иссякла, он размяк. Она насмешливо скривила губы – и опять просчиталась: Джонни занес кулак.

– Только не по лицу, Джонни, – взвизгнула она, – я же снимаюсь!

И все это сквозь смех.

Удар пришелся ей в солнечное сплетение; она упала. Он навалился сверху, и она задохнулась, обдавая его лицо своим сладостным дыханием. Он осыпал тумаками ее плечи, бока, загорелые шелковистые бедра. Тузил ее, как когда-то давно, уличным сорвиголовой, дубасил нахальных сопляков в «адской кухне» трущобного Нью-Йорка. Больно, зато без серьезных увечий вроде выбитых зубов или сломанной переносицы.

И все же он бил ее вполсилы. Не мог иначе. И она открыто куражилась над ним. Распластанная на полу, так что парчовое платье задралось выше пояса, она хихикала, поддразнивая его:

– Ну, давай, Джонни, иди ко мне. Вставляй ключ в скважину, тебе ведь только того и надо.

Джонни Фонтейн встал. Убить ее мало, эту тварь, неуязвимую за броней своей красоты. Марго перекатилась на живот, упругим прыжком вскочила на ноги и, пританцовывая, кривляясь как девчонка, пропела:

– А вот и не больно, вот и не больно.

Потом серьезно, с печалью в обольстительных глазах, прибавила:

– Балда несчастная, весь живот отдал, прямо как маленький. Эх, Джонни, век тебе оставаться слюнявым телятником, ты и в любви-то смыслишь не больше малолетка. До сих пор воображаешь, будто женщины с мужчинами и впрямь занимаются тем, про что ты мурлыкал в своих песенках. – Она покачала головой. – Бедненький. Ну, будь здоров, Джонни.

Она вышла в спальню, и он услышал, как щелкнул замок.

Джонни сел на пол и закрыл лицо руками. От обиды, от унижения его охватило отчаяние. Но недаром он был выкормыш нью-йоркских трущоб, старая закваска, которая помогла ему когда-то выжить в дремучих джунглях Голливуда, заставила его теперь снять трубку и вызвать такси, чтобы ехать в аэропорт. Один человек еще мог его спасти. Нужно было лететь в Нью-Йорк. К этому человеку – единственному, у кого он найдет силу и мудрость, которых ему сейчас так недостает, и любовь, которой еще можно довериться. К его крестному отцу, дону Корлеоне.

Пекарь Назорин, кругленький и румяный, как его пышные итальянские хлебы, все еще припудренный мукой, обвел грозным взглядом свою жену, дочь Катарину, засидевшуюся в невестах, и Энцо, работника своей пекарни. Энцо успел переодеться в форму военнопленного, не забыв нарукавной повязки с зелеными буквами ВП, и стоял теперь, маялся, боясь опоздать к вечерней поверке на Губернаторов остров. Подобно тысячам пленных итальянцев, которых каждый день отпускали под честное слово на работу к хозяевам-американцам, он жил в вечном страхе, как бы не лишиться этой поблажки. И потому нехитрый фарс, который разыгрывался сейчас, был для него делом серьезным.

– Семейю мою вздумал опозорить? – прорычал Назорин. – Подарочек подкинуть на память моей дочке? Поскольку войне конец и Америка, нетрудно сообразить, даст тебе под зад коленом, чтобы мотал восwoяси на Сицилию блох считать в деревне, – так, что ли?

Энцо, коротконогий крепыш, прижал руку к сердцу, чуть не плача, но все же не теряя головы:

– Padrone, клянусь Святой Девой, не отвечал я злом на вашу доброту. Я люблю вашу дочь, но со всем моим уважением. И со всем уважением вас прошу, отдайте ее за меня. Я не имею права просить, это верно, но, если меня отошлют в Италию, мне уж в Америке не бывать. И я никогда не смогу жениться на Катарине.

Жена Назорина, Филомена, не стала тратить слов понапрасну.

– Брось дуришь, – обратилась она к толстяку мужу. – Тебе известно, что надо делать. Не отпускай Энцо никуда, отправь на Лонг-Айленд к нашей родне, пусть укроют его покуда.

Катарина плакала навзрыд. Уже дебелая, с пробивающимися усиками, она не могла похвастать красотой. Где еще она добудет себе в мужья такого видного парня, как Энцо? Кто другой будет трогать ее за потаенные места так бережно и любовно?

– Вот уеду жить в Италию, будете знать! – крикнула она отцу. – Не оставите Энцо – сама с ним сбегу!

Назорин скосил на нее хитрющие глазки. Лихая штучка эта его дочечка. Видел он, как она норовит прижаться к Энцо сдобным крупом, когда работнику нужно протиснуться за ее спиной к прилавок и выложить в корзины горячие, прямо из печи, батоны. Пора принимать меры, не то – Назорин позволил себе отпустить мысленно скабрeзность, – не то этот мошенник протиснется к ней в печь со своим горячим батоном. Надо оставить Энцо в Америке, добыть ему американское гражданство. И есть лишь один человек, который может обстряпать такое дельце. Крестный отец. Дон Корлеоне.

Каждый из этих троих людей и еще многие другие получили тисненное золотом приглашение пожаловать в последнюю субботу августа 1945 года на свадьбу мисс Констанции Корлеоне. Отец невесты, дон Вито Корлеоне, никогда не забывал своих старых друзей и соседей, хотя сам обитал теперь в огромном особняке на Лонг-Айленде. Туда и соберутся гости, и, уж конечно, веселье затянется на целый день. То-то будет потом что вспомнить! Война с Японией как раз закончилась, и гложущий страх за сыновей, ушедших на фронт, уже не омрачит людям этот праздник. А свадьба – самый подходящий повод дать волю своей радости.

И вот, когда настало это субботнее утро, из города Нью-Йорка потоком хлынули друзья дон Корлеоне, дабы почтить своим присутствием его семейное торжество. Каждый вез с

собою свадебный подарок: плотный конверт, туго набитый банкнотами; чеков не было. Визитная карточка, вложенная в конверт, удостоверяла личность дарителя и меру его уважения к дону Корлеоне. Уважения, поистине заслуженного.

Дон Вито Корлеоне был человеком, к которому обращался за помощью всякий, и никому не случалось уходить от него ни с чем. Он не давал пустых обещаний, не прибегал к жалким отговоркам, что в мире-де есть силы, более могущественные, чем он, – что у него связаны руки. При этом вовсе не обязательно, чтобы он числился у вас в друзьях, неважно даже, если вам нечем было отблагодарить его за помощь. Одно лишь требовалось. Чтобы вы, вы сами объявили себя его другом. И тогда, как бы ни был сир и убог проситель, дон Корлеоне относился к его невзгодам как к своим собственным. И уже не было таких преград, чтобы помешали ему поправить беду. А что за это? Дружба, почетное звание «дон» и изредка – родственно-теплое обращение «Крестный отец». Ну, еще разве что какое-то скромное подношение: бутылка домашнего вина, корзина сдобных, наперченных коржей *taralles*, испеченных специально к его рождественскому столу, – единственно в знак почтения, никоим образом не в виде материальной компенсации. Разумеется, как того требовала простая вежливость, не обходилось без заверений, что вы – его должник и он вправе в любое время рассчитывать на ответную посильную услугу.

Сейчас, в этот знаменательный день – день свадьбы его дочери, – дон Вито Корлеоне стоял в дверях своего приморского особняка на Лонг-Айленде, встречая гостей; всяк из них был хорошо ему знаком, всякий пользовался его доверием. Не один был обязан дону своим житейским благополучием и на этом домашнем празднестве без стеснения называл его «Крестный отец». Здесь все были свои, даже те, кто обслуживал торжество. За стойкой бара занял место старый товарищ, чей свадебный дар составляло не только все, что подавалось из спиртного, но также и собственные профессиональные услуги. Роль официантов исполняли друзья хозяйских сыновей. Угощение, расставленное по столам в саду, готовили супруга дона Корлеоне и ее приятельницы, невестины подружки развесили по громадному парку яркие гирлянды украшений.

Кто бы ни был гость, богач или бедняк, сильный мира сего или скромнейший из скромных, дон Корлеоне каждого принимал с широким радушием, никого не обойдя вниманием. Таково было его отличительное свойство. И гости так дружно восклицали, что смокинг ему к лицу, так ахали на все лады, что неискушенному наблюдателю немудрено было бы принять самого дона Корлеоне за счастливого молодожена.

Рядом с ним стояли в дверях двое из трех его сыновей. На старшего, по имени Сантино, которого все, кроме родного отца, называли Санни, «сын», степенные итальянцы поглядывали косо, молодежь – с восхищением. Для италоамериканца в первом колене он был высок ростом – добрых шесть футов – и казался еще выше из-за пышной копны курчавых волос. Лицо его напоминало грубую маску Купидона: черты правильные, но губы, изогнутые, точно лук, – плотоядно чувственны, крутой подбородок с ямкой странным образом вызывал смутно непристойные ассоциации. Могучий, налитой бычачьей силой, он был – общеизвестный факт – столь щедро одарен природой в части мужских достоинств, что многострадальная жена его страшилась брачного ложа, как безбожник в стародавние времена страшился дыбы. Когда он, как о том шептались люди, захаживал, бывало, в молодые годы в нехорошие заведения, то даже самые прожженные и бесшабашные из *putain*, узрев с невольным содроганием его исполинский орган, требовали себе двойной оплаты.

Теперь, на свадебном пиру, не одна замужня итальяночка, крутобедрая, большеротая, мерила Санни Корлеоне уверенным, оценивающим взглядом. Но сегодня молоденькие гости напрасно тратили время. Сегодня у Санни Корлеоне, несмотря на присутствие жены и трех малых детишек, были другие виды – виды на Люси Манчини, лучшую подругу невесты. О чем подруга невесты, сидящая за столом в саду в вечернем розовом платье и с диадемой из живых

цветов в лоснистых черных волосах, прекрасно знала. Всю эту неделю, пока шли приготовления к свадьбе, она кокетничала с Санни напропалую, а нынче утром у алтаря крепко пожала ему руку. Незамужняя девушка большего не могла себе позволить.

Что ей было за дело, если он никогда не сравняется в величии со своим отцом, не достигнет того же. Зато Санни Корлеоне сильный и храбрый. Зато он щедр и душа его, по общему признанию, не уступает размерами причинной части его тела. Правда, в отличие от своего уравновешенного родителя он вспыльчив и несдержан и потому способен на опрометчивые суждения. И хоть оказывает большую помощь отцу в его делах, многие сомневаются, чтобы дон Корлеоне сделал его своим преемником.

Средний сын, Фредерико – в обиходе Фред или Фредо, – был чадом, о каком всякий итальянец может только молить святых. Почтительный, преданный, во всем послушный воле отца, он в свои тридцать лет все еще жил одним домом с родителями. Коренастый и плотный, он был некрасив, хотя и сохранял фамильные черты сходства с Купидоном: тот же шлем курчавых волос над круглым лицом, тот же крутой изгиб чувственного рта. С тою разницей, что у Фредо ему скорее подходило слово «каменный». Этот хмурый молчун был истинной опорой отцу, ни словом ему не перечил, никогда не досаждал скандальными похождениями с женщинами. Однако при всех своих достоинствах он был лишен той притягательной животной силы, той гипнотической способности подчинять, какая столь необходима вожаку, – вот почему и Фредо тоже не прочили в преемники дона Корлеоне.

Третьего сына, Майкла Корлеоне, рядом с отцом и братьями не было, он сидел за одним из столов в самом глухом уголке сада. Но даже там не мог укрыться от любопытных взглядов.

Майкл Корлеоне был младшим из сыновей дона – и единственным, кто не признавал над собою воли своего всемогущего родителя. Ему, в отличие от других детей в семье, не досталось ни массивных черт лица, ни сходства с Купидоном, а его смоляные гладкие волосы лежали прямыми прядями и не курчавились. Его чистой, оливково-смуглой коже позавидовала бы иная девушка. Да и вообще по тонкости письма красота его не уступала девической, и было время, когда дон тревожился, вырастет ли его младший сын настоящим мужчиной. В семнадцать лет Майкл Корлеоне рассеял отцовскую тревогу.

Сегодня этот младший сын занял место за самым дальним столом, нарочито подчеркивая свое отчуждение от отца и родной семьи. Рядом сидела его девушка, коренная американка, которой до этого случая никто не видел, хотя слышали о ней все. Майкла не приходилось учить хорошим манерам – он представил ее каждому, в том числе и своей родне. Девушка не произвела на них особого впечатления. Тощевата, белобрыса, лицо – не по-женски смышленное, живое, держит себя не по-девичьи свободно. И имя чужое, режет слух: Кей Адамс. Она могла бы сказать, что ее предки обосновались в Америке еще двести лет назад и Адамс здесь вполне обычное имя, – но что им было до того?

Все заметили, что дон почти не обращает внимания на своего третьего сына. До войны Майкл был его любимцем, и, без сомнения, именно ему предполагалось передать в должный час бразды правления семейными делами. Он в полной мере обладал тою спокойной силой, тем умом, какими славился его отец, – врожденной способностью избирать такой способ действий, что люди невольно начинали уважать его. Но разразилась Вторая мировая война, и Майкл Корлеоне пошел добровольцем в морскую пехоту. Пошел наперекор отцу.

Дон Корлеоне вовсе не желал и не собирался допустить, чтобы его младший сын погиб, служа чуждой ему державе. Подмазали врачей, без шума уладили все, что необходимо. Много денег ушло на меры предосторожности. Но Майклу уже сравнялся двадцать один год, и он был сам себе хозяин. Он вступил в армию и отправился воевать за океан. Дослужился до капитанского чина, получил воинские медали. В 1944 году журнал «Лайф» поместил на своих страницах его портрет и фоторепортаж о его подвигах. Один знакомый показал журналу дону Корлеоне (никто из семьи не решился), и дон, пренебрежительно хмыкнув, сказал:

– Такие чудеса проделывает ради чужих.

В начале 1945 года Майкла Корлеоне после тяжелого ранения демобилизовали подчистую, и откуда ему было знать, что это устроил его отец. Недели три он побыл дома, а там, ни у кого не спросив совета, поступил в Дартмутский университет в нью-гэмпширском городке Ханovere и покинул родительский кров. И вот пожаловал опять, чтобы отпраздновать свадьбу своей сестры, а заодно и показать собственную будущую жену – бесцветную, словно застиранный лоскут, молодую американку.

Майкл Корлеоне занимал Кей Адамс, рассказывая ей случаи из жизни наиболее колоритных гостей, приехавших на свадьбу. Ему и самому занято было видеть, как любопытны ей эти диковинные птицы, – его всегда пленял в Кей жадный интерес ко всему новому, еще не изведанному. Ее внимание привлекла горстка мужчин, собравшихся в кружок возле деревянного бочонка с домашним вином. Майкл узнал Америго Бонасеру, пекаря Назорина, Энтони Копполу, Люку Брази. Кей, с присущей ей живой проницательностью, подметила, что эти четверо словно бы чем-то омрачены. Майкл усмехнулся:

– А как же. Это просители. Дожидаются, когда смогут поговорить с отцом с глазу на глаз.

И точно – даже со стороны видно было, как неотступно эти люди провожают глазами донна Корлеоне.

Дон все еще стоял в дверях, встречая гостей, когда на той стороне мощеной площадки в конце аллеи остановился черный седан «Шевроле». Двое на переднем сиденье вытащили блокноты и принялись деловито, не скрываясь, записывать номера других машин, стоящих по всей площадке. Санни повернулся к отцу:

– Из полиции ребята.

Дон Корлеоне пожал плечами:

– Я не распоряжаюсь этой улицей. Пусть делают что хотят, их право.

Лицо Санни – отяжелевший лик Купидона – побагровело от злости.

– Скоты позорные, ни грамма уважения к людям.

Он сбежал с крыльца и зашагал к тому месту, где припарковался черный седан. С угрозой сунул голову внутрь, почти вплотную к лицу водителя, – тот, не отпрянув, хладнокровно открыл бумажник, предъявляя зеленое удостоверение. Санни без единого слова отступил назад. Сплюнул, попав плевком в заднюю дверцу седана, и пошел назад в надежде, что водитель выскочит из машины и устремится следом; но этого не произошло. Санни, дойдя до дверей, сказал отцу:

– Это из ФБР. Все номера переписывают. Наглые твари.

Дон Корлеоне и без него знал, кто эти люди. Самых близких и верных друзей заранее предупредили, чтобы приезжали не на своих машинах.

Дурацкая выходка сына, подсказанная желанием сорвать зло, вызвала у него неодобрение, – а впрочем, она сослужила свою службу. Непрошенные визитеры уверуют, что явились неожиданно и застигли собравшихся врасплох. Поэтому сам дон Корлеоне не сердился. Он давным-давно понял – общество на каждом шагу наносит тебе оскорбления и надо терпеть, утешаясь сознанием, что, если держаться начеку, всегда наступает время, когда самый маленький человек может отомстить тому, на чьей стороне сила. Уверенность в этом удерживала донна от гордыни, питая то смиренномудрие, которое так ценили в нем приближенные.

Но вот в саду за домом грянула музыка. Все званные гости были в сборе. Дон Корлеоне отмахнулся от мысли о незваных гостях и в сопровождении двух своих сыновей направился на свадебный пир.

Многосотенная толпа наводнила огромный парк: одни танцевали на дощатой, украшенной цветами эстраде, другие разместились за длинными столами, уставленными пряной, острой едой, графинами с иссиня-черным домашним вином. Новобрачная, Конни Корлеоне, торжественно восседала за пышным столом на специальном помосте вместе с молодым мужем,

лучшей подругой, шаферами и подружками. Свадьбу справляли по народному обычаю, как исстари ведется в Италии. Невесте это было не по нраву, но ей пришлось уступить: своим выбором она уже и без того расстроила отца.

Новобрачный, Карло Рицци, был только по отцу сицилийцем, мать его родилась на севере Италии, и сыну достались ее пепельные волосы и голубые глаза. Теперь его родители жили в Неваде, а Карло после мелких неладов с законом переехал в Нью-Йорк. Здесь он встретился с Санни Корлеоне и через него познакомился с его сестрой. Дон Корлеоне, естественно, отрядил в Неваду верных людей, и те доложили, что разногласия с полицией возникли у Карло из-за неосторожного, по молодости лет, обращения с оружием – ничего серьезного, протоколы легко изъять, и малый останется чист, как стеклышко. Верные люди заодно доставили дону подробную информацию о легальных игорных домах Невады; дон выслушал эти сведения с большим интересом и не переставал с тех пор размышлять над ними. Секрет успеха дона Корлеоне отчасти в том и состоял, что он из всего умел извлечь выгоду.

Конни Корлеоне была внешне девушка так себе, ее портили худоба и нервозность, грозящая с возрастом перерасти в сварливость. Нынче, впрочем, преображенная свадебным белым убором и предвкушением разлуки с девичеством, сияющая, она глядела чуть ли не красоткой. Ладонь ее под деревянной столешницей покоилась на мускулистой ляжке мужа. Губы, изогнутые, точно лук Купидона, складывались для воздушного поцелуя, предназначенного ему.

Она глядела на мужа влюбленными глазами и не могла наглядеться. Смолodu Карло Рицци подражался на подсобные работы в пустыне. От тяжелого физического труда под открытым небом он накачал себе здоровенные бицепсы, смокинг трещал на его литых плечах. Он упивался обожанием своей нареченной, то и дело подливал ей вина. Ухаживал за ней с показной любезностью, как будто они с нею были участниками театрального представления. И, словно бы невзначай, посматривал на пузатый, плотно набитый конвертами атласный кошель, висящий на правом плече новобрачной. Сколько там? Десять тысяч? Двадцать? Карло Рицци прятал усмешку. Ничего, это только начало. Не с кем-нибудь породнился, с королевской фамилией. Теперь, хочешь не хочешь, о нем должны будут позаботиться.

В толпе гостей щеголеватый юркий парень, хореk с прилизанной головкой, тоже ощупывал взглядом атласный кошель. По чистой привычке Поли Гатто прикидывал, как сподручней было бы слямзить этот жирный кусок. Развлекался от нечего делать, прекрасно понимая, что это пустая блажь, – так мальчишки в мечтах подбивают вражеские танки из пугача. Он перевел свой взгляд на дощатую танцевальную площадку, где его шеф, немолодой и тучный Питер Клеменца, кружил своих юных дам в забористой деревенской тарантелле. Гороподобный, неповоротливый на вид Клеменца, похотливо норовя задеть тугим брюхом грудь своей дамы, если она молода и росточком не вышла, отплясывал так искусно и лихо, что зрители дружно награждали его рукоплесканиями. Степенные матроны хватали его за рукав, напрашиваясь в партнерши. Танцоры помоложе почтительно расступились, очистив ему место, и хлопали в такт исступленному бренчанию мандолины. Наконец Клеменца обессиленно рухнул на стул, и Поли Гатто тотчас поднес ему темно-красного ледяного вина, отер взмокшее античное чело шелковым носовым платком. Клеменца, отдуваясь, точно кит на песке, в два глотка опорожнил стакан.

– Ладно, дела не забывай, – проворчал он вместо благодарности, – не черта на танцы пилиться. Прошвырнись ступай по соседству, глянешь, все ли нормально.

Поли скользнул в толпу.

Четыре музыканта ушли промочить горло. Один из молодых танцоров, Нино Валенти, поднял оставленную мандолину, поставил левую ногу на стул и затянул двусмысленную сицилийскую песенку. Красивое лицо Нино Валенти слегка обрюзгло от беспробудного пьянства, он и сейчас уже успел набраться. Вращая глазами, он со смаком выпевал соленые словечки. Женщины вскрикивали, держась за бока, мужчины дружно подхватывали конец каждого куплета.

Дон Корлеоне, чья старомодная благопристойность вошла в пословицу – хоть, не смущаясь этим, его кубышка-жена радостно взвизгивала наравне с другими, – тактично скрылся в доме. Санни Корлеоне тут же воспользовался удобным случаем и подсел за стол новобрачных к Люси Манчини. Опасаться было нечего. Его жена крутилась на кухне, наводя последнюю красоту на свадебный пирог. Санни шепнул что-то девушке на ухо, она встала. Выждав немного для вида, Санни небрежной походкой последовал за ней сквозь толпу, то и дело останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов с кем-нибудь из гостей.

Их провожали сотни глаз. Лучшая подруга невесты, цветущая, вполне американизированная после трех лет, проведенных в колледже, считалась уже девицей «с прошлым». Во время пробных прогонов брачной церемонии она заигрывала с Санни Корлеоне с лукавым задором, позволительным, как ей представлялось, по отношению к шаферу и партнеру на свадьбе. Теперь, чуть подобрав с земли подол своего розового платья, улыбаясь делано и невинно, Люси Манчини вошла в дом и легко взбежала по лестнице, ведущей к ванной комнате. Зашла туда на минутку. Когда она вновь показалась из-за двери, на верхней площадке стоял Санни Корлеоне, маня ее к себе.

Из закрытого окна угловой комнаты, кабинета дона Корлеоне, Томас Хейген наблюдал за весельем в нарядном, праздничном саду. Позади него вдоль стен тянулись полки, сплошь заставленные книгами по юриспруденции. Хейген состоял при доне стряпчим, а сейчас временно исполнял к тому же обязанности *consiglieri*, или советника, и потому занимал в служебной иерархии семейства Корлеоне первостепенное по ответственности место. Немало крепких орешков разгрызли они с доном, сидя в этой комнате, и теперь, когда Крестный отец покинул гостей и направился в дом, Хейген понял, что свадьба свадьбой, а работа сегодня им предстоит тоже. Дон идет сюда, к нему. Хейген видел, как Санни нагнулся к уху Люси Манчини и какая сценка разыгралась потом. Он скривил губы, решая, стоит ли довести это до сведения дона. Нет, не стоит. Он отвернулся и взял со стола написанный от руки список тех, кто получил разрешение переговорить с доном наедине. Дон Корлеоне вошел в комнату, и Хейген подал ему список. Дон кивнул.

– Оставь Бонасеру напоследок, – сказал он.

Открыв стеклянную дверь, Хейген шагнул прямо в сад, где у бочонка с вином по-прежнему топтались просители. Он подал знак булочнику, пухлому Назорину.

Дон Корлеоне встретил пекаря дружеским объятием. Еще в Италии они вместе играли детьми, росли приятелями. Каждый год на Пасху в дом дона Корлеоне доставлялись неохватные, как колесо телеги, свежие ватрушки, пшеничные пышки с золотистой от яичного желтка корочкой. На Рождество и в дни рождения о преданности Назорина напоминали многослойные торты и пирожные с кремом. Какой бы ни выдался год, скудный или обильный, Назорин исправно и безропотно платил взносы профсоюзу булочников, организованному в годы далекой молодости доном Корлеоне. И ни разу ничего не попросил взамен, разве что карточки на сахар попросил в войну добыть на черном рынке. Что ж, ему давно приспело время предъявить права, заслуженные верной дружбой, и дон Корлеоне не без приятности предвкушал возможность удовлетворить его просьбу.

Хозяин угостил булочника дорогой итальянской сигарой, налил ему янтарной настойки и ободряюще положил руку на плечо. То был пример свойственной дону человечности. Он знал по горькому опыту, сколько требуется мужества, чтобы просить об одолжении.

Пекарь рассказал ему про свою дочь и Энцо. Хороший итальянский паренек, сицилиец, попал в бою к американцам, отправили как пленного на работы в Соединенные Штаты – мальчишка, если рассудить, трудился на победу Америки! Завязалась меж честным Энцо и береженной пуще глазу Катариной чистая любовь – все благородно, по совести, – но тут война закончилась, и его, горемычного, отошлют теперь в Италию, а дочка Назорина с разбитым

сердцем неминуемо зачахнет от тоски. Только Крестный Корлеоне может выручить несчастных влюбленных. На него вся их надежда.

Дон, так и не сняв руку с Назоринова плеча, прохаживался с ним по комнате, понимающе кивая и тем поддерживая в рассказчике решимость. Когда булочник замолчал, дон Корлеоне мягко улыбнулся:

– Дорогой друг, оставь свои тревоги.

Затем подробно изложил порядок необходимых действий. Прежде всего – подать заявление конгрессмену от их округа. Тот внесет на рассмотрение конгресса специальный законопроект, предоставляющий Энцо возможность получить американское гражданство. Законопроект непременно примут. В конгрессе тоже рука руку моет. Дон Корлеоне объяснил, что это будет стоить денег – по нынешним расценкам две тысячи долларов. Он лично обеспечит успех дела и передаст по назначению мзду. Устраивает ли это его друга?

Назорин горячо закивал. Понятно, он и не рассчитывал, что такая услуга достанется ему даром. Шутка сказать – специальное решение конгресса! Не пара пустяков. Едва ли не со слезами на глазах Назорин рассыпался в благодарностях. Дон Корлеоне проводил его до дверей, прибавив, что в пекарню заглянут сведущие люди, оговорят все детали, позаботятся о требуемых бумагах. На пороге они еще раз обнялись, и Назорин скрылся в саду.

Хейген с улыбкой взглянул на дона.

– Недурно Назорин поместил капиталец. И зятек готов, и бессменный помощник у печи, всего-то за две тысячи долларов. Дешевка! – Он помолчал. – Кого пустить на это дело?

Дон Корлеоне нахмурился, соображая:

– Наш конгрессмен, из сицилийцев, не подойдет. Давай – еврея, который от соседнего округа. И соответственно измени домашний адрес Назорина. Я думаю, теперь, после войны, таких случаев будет немало, надо бы завести побольше своих людей в Вашингтоне, чтобы не возникали заторы и не подскочила цена. – Хейген сделал пометку у себя в блокноте. – Да, конгрессмена Лютеко не беспокоить. Прощупай Фишера.

Следующим Хейген ввел человека с очень незатруднительной просьбой. Звали его Энтони Коппола, с его отцом дон Корлеоне горбатился в молодости на сортировочной станции. Коппола открывал свою пиццерию, и ему требовалось пятьсот долларов на первый взнос за специальную печь и прочее оборудование. Кредит, по причинам, в которые никто не стал вдаваться, он получить не мог. Дон сунул руку в карман и вытащил пачку денег. Как выяснилось, маловато. Он досадливо поморщился.

– Дай мне взаймы сто долларов, – сказал он, обращаясь к Тому Хейгену, – я в понедельник буду в банке, отдам.

Проситель стал уверять, что и четырехсот хватит за глаза, но дон похлопал его по плечу и объяснил извиняющимся тоном:

– С эдакой пышной свадьбой и не заметишь, как останешься без наличности.

Он взял деньги, протянутые Хейгеном, приложил к своим и отдал Энтони Копполе.

Хейген смотрел и дивился. Дон постоянно внушал, что если ты проявляешь щедрость, то придай этой щедрости личную окраску. Сколь лестно для Энтони Копполы, когда такой человек, как дон, просит об одолжении ради того, чтобы его выручить деньгами! Коппола знал, понятно, что дон – миллионер, но много ли найдется миллионеров, готовых доставить себе хоть малейшее неудобство ради знакомого в бедственном положении?..

Дон вопросительно поднял голову. Хейген сказал:

– Люка Брази к вам просится, хотя его нет в списке. Желает вас поздравить лично и знает, что на людях нельзя.

По лицу дона впервые прошла тень неудовольствия. Ответ прозвучал уклончиво:

– Это обязательно?

Хейген пожал плечами.

– Вы в нем разбираетесь лучше меня. Могу лишь сказать, что он очень благодарен за это приглашение на свадьбу. Он такого не ожидал. Вероятно, хочет выразить свою признательность.

Дон Корлеоне кивнул и показал жестом, что Люку Брази можно звать.

Кей Адамс, разглядывая в саду гостей, выделила Люку Брази среди других по выражению необузданной свирепости, как бы опалившей его лицо и вьедшейся в самые поры его кожи. Она спросила, кто это. Майкл привез Кей на свадьбу с тайным умыслом постепенно и по возможности безболезненно довести до сознания подружки правду про своего отца. Пока что Кей, судя по всему, принимала дону за обычного бизнесмена – быть может, не слишком разборчивого в выборе средств. Майкл решил подвести ее к истине окольным путем. Он сказал, что в преступном мире Восточного побережья едва ли найдется фигура более страшная, чем Люка Брази. Своеобразие его таланта, по слухам, состоит в умении совершить убийство собственными силами, без сообщников, что автоматически исключает для стражей закона почти всякую возможность выявить и покарать виновного. Майкл выпятил нижнюю губу.

– Не знаю, насколько все это верно. Но я точно знаю, что с отцом он каким-то образом водит дружбу.

Только тут Кей начала догадываться. Еще не веря, еще не всерьез, она спросила:

– Ты что, намекаешь, будто подобный субъект работает на твоего отца?

Кой черт, в конце концов, подумал Майкл. Рубить, так с плеча. Он сказал:

– Лет пятнадцать назад кое-кто затеял перехватить у отца его дело, импорт оливкового масла. Отца пытались убить, он чудом остался в живых. Тогда врагами отца занялся Люка Брази. Говорят, за полмесяца он прикончил шестерых и этим положил конец на шумевшей оливковой войне.

Майкл говорил посмеиваясь, как бы шутя. Кей содрогнулась.

– И в твоего отца действительно стреляли гангстеры?

– Пятнадцать лет назад, – сказал Майкл. – С тех пор все было тихо. – Он начал опасаться, что зашел слишком далеко.

– Отпугнуть меня рассчитываешь, – сказала Кей. – Не хочешь жениться, вот и все. – Она с улыбкой подтолкнула его локтем в бок. – Ловко придумано.

Майкл отвечал ей тоже с улыбкой:

– Ты поразмысли над этим, вот что.

– Нет, он серьезно убил шесть человек? – спросила Кей.

– Если верить газетам – да, – сказал Майкл. – Хотя наверняка ничего не доказано. Но с ним связана и другая история, и о той – ни слова ни из кого не вытянуть. Нечто до такой степени кошмарное, что даже отец наотрез отказывается говорить на эту тему. Хейген знает, но и его не заставишь рассказать. Я как-то спрашиваю смеха ради – до какого же мне надо возраста дожить, чтобы услышать эту историю про Люку? А Том на это – до ста лет. – Майкл пригубил стакан с вином. – Ничего себе должна быть история. Ничего себе личность этот Люка.

Люка Брази и впрямь мог нагнать страху на самого дьявола. Его присутствие набатным колоколом возвещало опасность. Приземистый, ширококостный, с массивным черепом, он носил на лице, как печать, свою звериную свирепость. Карий цвет его глаз таил в себе не больше тепла, чем мертвенно-бурая зыбь болота. Безжизненностью сильнее даже, чем жестокостью, поражали и его резиновые узкие губы, напоминающие цветом сырую телятину.

Черная слава Люки Брази внушала ужас, о его преданности дону Корлеоне слагались легенды. Он один составлял целую опорную глыбу в том фундаменте, на котором воздвиг свою мощь дон Корлеоне. Существо такой породы, как Люка, было редкостью.

Люка Брази не страшился полиции и общества; он не боялся ни бога, ни черта – не боялся и не любил никого из людей. Зато по собственному выбору, по своей доброй воле

боялся и любил дон Корлеоне. Переступив порог комнаты, в которой сидел дон, ужасный Люка Брази одеревенел от почтительности. Запинаясь, он изливался в цветистых поздравлениях – как положено, выразил надежду, что первый из внучат будет мальчик. Затем вручил дону свой подарок новобрачным: конверт, набитый банкнотами.

Так вот чего он добивался! Хейген заметил, какая перемена совершилась за эти минуты с доном Корлеоне. Дон принимал Брази, как король принимает своего подданного, сослужившего ему неоценимую службу: с царственным почетом, но без тени дружеской фамильярности. Каждым движением, каждым словом дон Корлеоне давал Люке Брази почувствовать, что им дорожат. Он не обнаружил ни малейших признаков удивления, что свадебный подарок отдан в руки ему. Он понимал.

Можно было не сомневаться, что в этом конверте окажется больше денег, чем в любом другом. Брази, конечно же, провел не час и не два, стараясь определить, сколько могут преподнести другие. Его подарок должен быть самым щедрым, чтобы видно было, кто чтит донна больше всех, – он потому и вручил конверт не молодым, а лично дону Корлеоне, и дон спустил ему эту вольность, ответив на его речь столь же цветистыми словами благодарности. Хейген глядел, как тает печать свирепости на лице Люки Брази и черты его расправляются от гордости и довольства. Хейген открыл ему дверь; Люка Брази, поцеловав дону руку, вышел. Хейген благоразумно проводил его корректной улыбкой, и квадратный, приземистый убийца вежливо растянул в ответ свои безжизненные резиновые губы.

Когда дверь закрылась, дон Корлеоне тихонько, с облегчением вздохнул. При Люке Брази, единственном из всех людей на свете, ему становилось не по себе. Подобно стихийным силам, человек этот был до конца не подвластен никакой узде. С ним требовалась сугубая осторожность, как в обращении с динамитом. Дон пожал плечами. Что ж, в случае надобности и динамит можно взорвать без вреда. Он выжидающе посмотрел на Хейгена:

– Один Бонасера остался?

Хейген кивнул. Дон Корлеоне задумчиво нахмурил лоб.

– Знаешь, зови его, но сначала давай-ка сюда Сантино. Пусть подучится кой-чему.

В поисках Санни Корлеоне Хейген обошел весь сад. Попросив Бонасеру еще немного подождать, он подошел к столу, где сидел со своей девушкой Майкл Корлеоне.

– Санни не видел? – озабоченно спросил он.

Майкл покачал головой. Вот еще не было печали, подумал Хейген. Если Санни до сих пор прохлаждается с подружкой невесты, беды не оберешься. Жена Санни, родители этой девицы... Может случиться катастрофа. Он в тревоге поспешил к двери, за которой на его глазах полчаса назад скрылся Санни.

Глядя ему вслед, Кей Адамс снова обратилась к Майклу с вопросом:

– Это кто? Ты, когда нас знакомил, сказал – твой брат, но у него фамилия другая, и он уж точно не похож на итальянца.

– Том у нас жил с двенадцати лет. Остался без отца, без матери, шастал по улицам, где-то подцепил заразную глазную болезнь. Санни раз привел его ночевать – ну, он и застрял у нас. Некуда было деваться. Отдельно зажил, только когда женился.

У Кей заблестели глаза.

– Слушай, до чего романтично! Видно, отец у тебя душевный человек. Взять и так просто усыновить беспризорного, когда у самого столько детей.

Майкл не стал спорить, хотя у итальянских иммигрантов считалось, что четверо детей в семье – это мало. Сказал только:

– А Тома никто не усыновлял. Он просто жил с нами.

– Да? Почему же, интересно?

Майкл рассмеялся:

– Отец говорил, что со стороны Тома было бы неуважительно менять фамилию. Неуважительно по отношению к его родителям.

Они увидели, как Хейген подвел к двери отцовского кабинета Санни, затем поманил к себе пальцем Америкго Бонасеру.

– Что это они в такой день пристают к твоему отцу с делами? – спросила Кей.

Майкл фыркнул:

– Да потому, что, по обычаю, в день свадьбы дочери ни один сицилиец не может никому отказать в просьбе. И ни один сицилиец не упустит такого случая.

Вновь подобрав подол своего розового платья, Люси Манчини взбежала выше по ступеням. Тяжелое лицо Санни Корлеоне – лик Купидона, непристойно распаленный вином и похотью, – отпугивало ее, но не к тому ли она сама вела, заигрывая с ним на протяжении всей этой недели? От двух студенческих романов в колледже у нее не осталось никаких ощущений, к тому же и хватило-то каждого всего только на неделю. Второй ее кавалер, когда они поругались, что-то буркнул насчет того, что у нее «чересчур широкие ворота». Люси поняла – и до конца учебного года ни с кем больше не ходила на свидания.

В летние дни, покуда шли приготовления к свадьбе Конни Корлеоне, ее закадычной подруги, она наслушалась, о чем шушукуются вокруг про Санни. Раз как-то, воскресным вечером, на кухне у Корлеоне разоткровенничалась и Сандра, его жена. Простецкая, свойская бабенка, девочкой вывезенная в Америку из Италии, где она родилась. Крепко сбитая и большегрудая и уже, после пяти лет замужества, мать троих детей. В тот вечер Сандра с другими женщинами принялась поддразнивать Конни, расписывая ей ужасы супружеского ложа.

– Боже ты мой, – хихикала Сандра, – я как увидела первый раз у Санни этот телеграфный столб да как представила, что его воткнут в меня, так прямо заголосила, точно резаная. За год у меня все нутро раздрыбло, как переваренные макароны. И когда я узнала, что он других курочек стал топтать, то пошла в церковь и поставила свечку.

Ответом был дружный смех, но у Люси сладко заныло между ногами.

Теперь она бежала к Санни вверх по лестнице, охваченная жаром неодолимого желания. На площадке Санни схватил ее за руку и потянул за собой по коридору в одну из пустующих спален. Дверь за ними закрылась, у Люси подломились колени. Обдав ее прогорклым табачным духом, Санни припал к ее губам. Они с готовностью раскрылись ему навстречу. В ту же минуту его рука, задрвав подол вечернего платья, поднялась к атласным трусикам, сдернула их, и Люси почувствовала, как ее ласкает его большая теплая ладонь. Она обняла его за шею и повисла на нем, пока он расстегивал брюки. Потом подложил руки под ее заголенные ягодицы, приподнял ее, и Люси, подпрыгнув, обхватила его ногами. Его язык был у нее во рту, она втянула его глубже, и Санни отозвался таким яростным движением навстречу, что она стукнулась затылком о дверь. Что-то горячее обожгло ей бедро. Она опустила руку, и пальцы ее сомкнулись вокруг налитого горячей кровью мускула непомерной толщины. Он пульсировал у нее в ладони, точно живое существо, и, чуть не плача от блаженного томления, она направила его в глубь своей изнывающей, влажной плоти. От мощи первого вторжения, от нестерпимого удовольствия у нее захватило дух, ноги невольно закинулись почти что к самой его шее, тело, словно некий колчан, принимало свирепые стрелы его молниеносных толчков, бесчисленных, мучительных, влекущих выше, выше, пока она впервые в жизни не достигла сокрушительной вершины, где и его твердость распалась в пенном извержении на ее бедра. Кольцо ее ног разжалось, медленно сползая вдоль его тела на пол. Они привалились друг к другу, с трудом переводя дыхание.

Наверное, негромкий стук в дверь продолжался уже не первую минуту, но только теперь он дошел до их сознания. Санни, прислонясь к двери на случай, если ее вздумают открыть, поспешно застегнулся. Люси лихорадочно одергивала на себе розовое платье, исподтишка

поглядывая в его сторону, но зря – предмет, принесший ей такую усладу, скрылся под строгой черной тканью. Послышался очень тихий голос Тома Хейгена:

– Санни, ты здесь?

Санни с облегчением выдохнул из себя воздух и подмигнул Люси.

– Да, Том. Чего тебе?

Все так же тихо голос Хейгена произнес:

– Дон требует тебя в кабинет. Сию секунду.

Раздался звук шагов и стих вдали. Санни выждал еще несколько мгновений, больно поцеловал Люси в губы и выскользнул за дверь.

Люси причесала растрепанные волосы, еще раз оправила платье, подтянула чулки. У нее ломило все тело, горели и саднили губы. Она вышла и, не подумав даже зайти в ванную, чтоб смыть клейкую влажность между бедер, сбегала вниз по лестнице прямо в сад и села на прежнее место за стол новобрачных, рядом с невестой. Конни обиженно надула губы:

– Люси, куда ты пропала? Ты что-то прямо как пьяная. Посиди теперь со мной.

Белокурый молодожен, понимая, скаля зубы, налил Люси вина. Люси было все равно. Она поднесла к пересохшим губам пахучую темную жидкость и стала пить. Крепче сжала колени, вновь ощущая на коже клейкую влагу. Каждая жилка в ней дрожала. Глаза поверх бокала жадно выискивали в толпе Санни Корлеоне. Никого больше ей видеть не хотелось. Она лукаво шепнула на ухо Конни:

– Погоди, еще пара часов, и ты тоже узнаешь, что к чему.

Конни хихикнула.

Люси скромненько сложила руки на столе, упиваясь вероломным торжеством, словно похитила сокровище, предназначенное невесте.

Вслед за Хейгеном Америго Бонасера вошел в угловую комнату; дон Корлеоне сидел у огромного письменного стола. Подле окна, глядя в сад, стоял Санни Корлеоне. Дон, впервые за время приема, встретил гостя неласково. Не обнял его, даже не подал руки. Жена Бонасеры была лучшей подругой хозяйки дома, иначе владельцу похоронной конторы не видать бы приглашения на свадьбу, как своих ушей. Сам Америго был в большой немилости у донна Корлеоне.

Проситель повел речь тонко, издалека.

– Извините и не сочтите неучтивостью, что сегодня не приехала моя дочь, крестница вашей супруги. Она все еще лежит в больнице. – Бонасера покосился в сторону Санни и Тома Хейгена, давая понять, что не хочет разговаривать при них. Дон и бровью не повел.

– Да, все мы знаем, какая у вас беда с дочкой. Если я тут могу быть чем-то полезен, только скажите. Как-никак, моя жена ей доводится крестной матерью. Я не забыл, что нам оказана такая честь. – Это был упрек. Похоронщик никогда не называл донна Корлеоне «Крестный отец», как того требовал обычай.

Бескровное лицо Америго сделалось пепельно-серым, он спросил уже без обиняков:

– Могу я говорить с вами наедине?

Дон Корлеоне покачал головой:

– Я этим людям доверяю свою жизнь. Каждый из них мне – как правая рука. Попросить их выйти значило бы нанести им оскорбление.

Похоронщик на секунду прикрыл глаза, потом заговорил, монотонно, негромко, тем голосом, каким обычно обращался со словами утешения к своим клиентам:

– Я растил свою дочь так, как принято в Америке. Я чту Америку. Америка дала мне возможность встать на ноги. Я предоставил дочери свободу, но при этом внушал ей, чтобы никогда не роняла честь семьи. Она завела себе молодого человека, не итальянца. Начала ходить с ним в кино. Возвращалась поздно. И хоть бы раз он зашел в дом, познакомился с родителями. Я со всем этим мирился, слова поперек не сказал – моя вина. Два месяца назад он повез ее гулять. Взял с собой еще одного парня, своего друга. Напоили ее виски, потом вздумали надругаться

над ней. Она не далась. Не допустила над собой позора. Тогда они ее стали избивать. Били, как собаку. Когда я приехал в больницу, у нее были подбиты оба глаза. Ей сломали переносицу. Раздробили челюсть. Пришлось накладывать проволочные шины. Она рыдала, преодолевая боль: «Папа, папочка, за что? За что они меня так?» Я сам плакал вместе с ней.

Слезы мешали Бонасере говорить, хоть его голос до сих пор ничем не выдавал его волнения.

Дон Корлеоне, как бы невольно, сделал сочувственный жест, и Бонасера продолжал – теперь в его голосе слышалось живое человеческое страдание:

– О чем я плакал? Она была мне светом очей, она была ласковая, моя дочка. И красивая. Она верила людям, теперь никогда уже больше не будет верить. И никогда не будет красивой. – Похоронщика трясло, на его землистых щеках проступили безобразные багровые пятна. – Я, как добропорядочный американец, обратился в полицию. Хулиганов арестовали. Потом судили. Улики были неопровержимы, оба признали себя виновными. Судья дал обоим по три года, но условно. В тот же день их выпустили. Я стоял в суде, как дурак, а эти подонки смеялись мне в лицо. И тогда я сказал жене: «Правосудия нам надо искать у дона Корлеоне».

Дон слушал, склонив голову в знак уважения к чужому горю. Но когда он заговорил, в его холодных словах звучало оскорбленное достоинство.

– Зачем же вы обратились в полицию? Почему с самого начала не пришли ко мне?

Бонасера еле слышно отозвался:

– Что я вам буду должен? Скажите, что от меня потребуется. Только сделайте то, что я прошу. – Это прозвучало неприязненно, почти дерзко.

– А что же именно? – серьезно сказал дон Корлеоне.

Бонасера оглянулся на Хейгена и Санни Корлеоне и замотал головой. Дон, не вставая из-за стола, подался всем телом вперед, и Бонасера, помедлив, нагнулся к волосатому уху дона, едва не касаясь его губами. Дон Корлеоне слушал, устремив взор в пространство, бесстрастный и недоступный, словно священник в исповедальне. Прошла долгая минута; Бонасера прошептал последнее слово и выпрямился во весь рост. Дон поднял на него строгий взгляд. Бонасера покраснел, но не отвел глаза.

Наконец дон заговорил:

– Это невозможно. Надо же знать меру.

Бонасера громко, внятно произнес:

– За ценой не постою. Сколько?

Хейген при этих словах дернулся, нервно вскинув голову. Санни Корлеоне в первый раз повернулся от окна и с сардонической усмешкой скрестил руки на груди.

Дон поднялся из-за стола. Его лицо оставалось бесстрастным, но от голоса его стыла кровь.

– Мы с вами знаем друг друга не первый год, – сказал он, – однако до сих пор вы никогда не приходили ко мне за помощью или советом. Я что-то не припомню, когда в последний раз вы приглашали меня к себе на чашку кофе, а ведь вашу единственную дочь крестила моя жена. Будем говорить откровенно. Вы пренебрегали моей дружбой. Вы боялись оказаться мне обязанным.

Бонасера глухо сказал:

– Я не хотел навлекать на себя неприятности.

Дон вскинул вверх ладонь.

– Нет, постойте. Помолчите. Америка представлялась вам раем. Вы открыли солидное дело, вы хорошо зарабатывали, вы решили, что этот мир – тихая обитель, где можно жить-поживать в свое удовольствие. Вы не позаботились о том, чтобы окружить себя надежными друзьями. Да и зачем? Вас охраняла полиция, на страже ваших интересов стоял закон – какие беды могли грозить вам и вашим присным? И для чего вам нужен был дон Корлеоне? Ну что

ж. Мне было больно, но я не привык навязывать свою дружбу тем, кто ее не ценит, – тем, кто относится ко мне с пренебрежением. – Дон помолчал и взглянул на похоронщика с вежливой и насмешливой улыбкой. – И вот теперь вы приходите ко мне и говорите: «Дон Корлеоне, пусть вашими руками свершится правосудие». Причем просите вы меня непочтительно. Вы не предлагаете мне свою дружбу. Вы приходите в мой дом в день свадьбы моей дочери и предлагаете мне совершить убийство, а после прибавляете, – дон Корлеоне с издевкой передразнил Бонасеру: – «Я заплачу вам сколько угодно». Нет-нет, я не обижаюсь – только чем я мог заслужить у вас подобное неуважение к себе?

Из глубины души, истерзанной мукой и страхом, у похоронщика вырвался вопль:

– Америка приютила и обогрела меня. Я хотел быть образцовым гражданином. Хотел, чтобы мое дитя стало дочерью Америки.

Дон дважды одобрительно хлопнул в ладони.

– Прекрасные речи. Великолепно. Раз так, вам не на что жаловаться. Судья вынес свой приговор. Америка сказала свое слово. Навещайте свою дочку в больнице, носите ей цветы и сладости. Они порадуют ее. И сами утешьтесь. В конце концов, беда не так уж велика, ребята молодые, горячие, один к тому же – сынок видного политика. Да, милый Америго, вы всегда были честным человеком. И хотя вы пренебрегли моей дружбой, я должен признать, что на слово Америго Бонасеры можно положиться со спокойной совестью. А потому дайте мне слово, что вы выкинете из головы эти бредни. Это совсем не по-американски. Простите. Забудьте. Мало ли в жизни неудач.

Во всем этом звучала такая злая, ядовитая насмешка – в голосе дона слышалось столько сдержанного гнева, что от незадачливого похоронщика остался лишь сгусток студенистого страха, однако заговорил он и на этот раз храбро:

– Я прошу, чтобы свершилось правосудие.

Дон Корлеоне отрывисто сказал:

– Правосудие уже свершилось на суде.

Бонасера упрямо затряс головой:

– Нет. На суде свершилось правосудие для тех мальчишек. Для меня – нет.

Дон склонил голову, показывая, что сумел оценить всю тонкость такого разграничения.

– В чем же состоит правосудие для вас? – спросил он.

– Око за око, – сказал Бонасера.

– Вы просите большего, – сказал дон. – Ведь ваша дочь осталась жива.

Бонасера с неохотой сказал:

– Пусть они испытают те же страдания, какие доставили ей.

Дон выжидал, что он скажет дальше. Бонасера собрал последние остатки мужества и договорил:

– Сколько мне заплатить вам за это?

То был крик отчаяния.

Дон Корлеоне повернулся спиной к просителю. Это означало, что разговор окончен. Бонасера не шелохнулся.

Тогда со вздохом, как человек, неспособный по доброте сердечной держать зло на друга, когда тот ступил на ложный путь, дон обернулся к похоронщику, который в эту минуту мог бы помериться бледностью с любым из своих покойников. Теперь дон Корлеоне заговорил терпеливо, ласково.

– Отчего вы боитесь искать покровительства прежде всего у меня? – сказал он. – Вы обращаетесь в суд и ждете месяцами. Вы тратитесь на адвокатов, которые отлично знают, что вас так или иначе оставят в дураках. Считаетесь с приговором судьи, а этот судья продажен, как последняя девка с панели. Дело прошлое, но в те годы, когда вам нужны были деньги, вы шли в банк, где с вас драли убийственные проценты, – вы, как нищий, стояли с протянутой

рукой, покуда кто-то вынюхивал, в состоянии ли вы будете вернуть деньги, пока другие совали нос к вам в тарелку, подглядывали за вами в замочную скважину.

Дон на мгновение замолчал, и в его голосе прибавилось строгости.

– Между тем, если бы вы пришли ко мне, я протянул бы вам свой кошелек. Если бы обратились ко мне за правосудием, то обидчики вашей дочери, эти подонки, уже сегодня заливались бы горькими слезами. Если бы, волею злого случая, вы – достойный человек – нажили себе недругов, они бы стали и мне врагами, и тогда, – дон поднял руку, указуя перстом на Бонасеру, – тогда, вы уж поверьте, они бы вас боялись.

Бонасера поник головой и сдавленно прошептал:

– Будьте мне другом. Я принимаю ваши условия.

Дон Корлеоне положил ему руку на плечо.

– Хорошо, – сказал он. – Пусть свершится правосудие. Быть может, настанет день – хоть я и не говорю, что такой день непременно настанет, – когда я призову вас сослужить мне за это службу. А пока примите этот акт правосудия как дар от моей жены, крестной матери вашей дочки.

Когда похоронщик, бормоча слова благодарности, закрыл за собою дверь, дон Корлеоне обратился к Хейгену:

– Поручи это дело Клеменце да скажи, пусть отберет выдержанных ребят, чтобы не слишком увлеклись, почуяв запах крови. Мы, в конце концов, не убийцы – что бы там ни вбил в свою тупую голову этот наперсник мертвецов.

Дон заметил, что его первенец, надежда родительского сердца, опять загляделся в окошко на свадебное веселье. Не будет толку, подумал дон Корлеоне. Раз Сантино упорно не хочет учиться, он никогда не сможет возглавить дела семейства, из него никогда не выйдет дон. Придется искать кого-то другого. И не откладывая. В конце концов, он тоже не вечен.

Из сада в комнату ворвался дружный и восторженный рев, все трое насторожились. Санни Корлеоне припал к окну. Увидел, просиял и быстро двинулся к двери.

– Это Джонни – приехал все-таки на свадьбу, что я говорил!

Хейген подошел к окну.

– Это и правда ваш крестник, – сказал он дону Корлеоне. – Вести его сюда?

– Не надо, – сказал дон. – Пусть порадует гостей. Ко мне еще успеет. – Он улыбнулся Хейгену. – Вот видишь. Он хороший крестный сын.

У Хейгена ревниво екнуло сердце. Он сухо сказал:

– За два года – первый раз. Видно, опять неприятности, нужно выручать.

– А к кому же и идти ему в трудную минуту, если не к крестному отцу, – сказал дон Корлеоне.

Первой увидела, что в сад входит Джонни Фонтейн, невеста, Конни Корлеоне. В ту же секунду с нее слетела вся ее напускная величавость.

– Джон-ни-и! – завизжала она, сорвалась с места и кинулась ему на шею.

Джонни Фонтейн крепко прижал ее к себе, чмокнул в губы и, обняв одной рукой, стоял с нею, пока к нему сбегались остальные. Все это были его старые друзья, с ними вместе он рос на уэст-сайдских улицах. Конни подтащила его к новобрачному. Джонни стало смешно: светловолосый юнец явно обиделся, что уже не он герой дня. Джонни привычно пустил в ход свое обаяние – сердечно тряс ему руку, осушил в его честь стакан вина.

С эстрады, где сидели музыканты, донесся знакомый голос:

– Эй, Джонни, спел бы нам лучше песенку!

Джонни поднял голову: на него с усмешкой глядел сверху Нино Валенти. Джонни вспрыгнул на эстраду и сгреб Нино в охапку. Прежде они были неразлучны – вместе пели, вместе гуляли с девчонками, – а после Джонни устроился петь на радио, и к нему пришла слава. Когда он уехал в Голливуд сниматься в кино, он пару раз звонил Нино – просто так, поболтать – и

обещал договориться, чтобы Нино послушали в одном из местных клубов. Но сделать это так и не собрался. Сейчас при виде Нино, его усмешки, бесшабашной, хмельной, нагловатой, бывшая привязанность к другу охватила Джонни с новой силой.

Нино забренчал на мандолине. Джонни Фонтейн положил ему руку на плечо.

– В честь невесты, – сказал он и, притопнув ногой, стал выпевать соленые слова любовных сицилийских куплетов. Пока он пел, Нино сопровождал куплеты красноречивыми телодвижениями. Польщенная невеста зарумянилась, толпа гостей выражала свое одобрение зычным рыком. К концу все, топоча ногами, оглушительно подхватывали лукавую, двусмысленную припевочку, которой завершался каждый куплет. Потом хлопали не переставая, покуда Джонни не прочистил горло, готовясь запеть новую песенку.

Здесь каждый гордился им. Он был свой, плоть от их плоти – и сделался знаменитым певцом, звездой киноэкрана, самые обольстительные женщины на земле оспаривали его друг у друга. И смотрите – он не зазнался, он проявил должное почтение к своему крестному отцу, перемахнул три тысячи миль и примчался на свадьбу. Он по-прежнему любит старых друзей вроде Нино Валенти. Многие помнили, как Джонни горланил песенки вместе с Нино, когда у обоих еще молоко на губах не обсохло, когда никому и не снилось, что Джонни Фонтейн будет держать у себя на ладони пятьдесят миллионов женских сердец.

Джонни Фонтейн наклонился с эстрады, подхватил невесту и поставил ее между собою и Нино. Певцы пригнулись, обратив лица друг к другу; Нино тронул струны мандолины, она отозвалась нестройно и сипло. То была их старая забава, шуточный поединок за первенство в отваге и любви; голоса их скрестились, точно шпаги, припев выкрикивал то один, то второй, поочередно. С изысканной любезностью Джонни позволил Нино перекрыть его прославленный голос своим и завладеть другой рукой невесты – позволил Нино победно допеть до конца, а сам пристыженно замолк. Под общие крики и бешеные рукоплескания трое на эстраде обнялись. Свадьба молила, требовала новых песен.

И только один человек почуял неладное. Стоя в дверях своего дома, дон Корлеоне подал голос – грубовато, но беззлобно, чтобы ни в коем случае не обидеть гостей:

– Мой крестник оказал нам такую честь, прилетел за тридевять земель, а никто не догадается, что ему следует промочить горло!

К Джонни мгновенно протянулись штук десять полных бокалов. Он отпил по глотку из каждого и бросился к своему крестному отцу. Они обнялись; Джонни шепнул что-то на ухо дону – и дон Корлеоне повел его в дом.

Джонни вошел в кабинет. Том Хейген протянул ему руку. Джонни пожал ее, бросил:

– Как живешь, Том? – однако без следа той неподдельной сердечности, в какой заключался главный секрет его обаяния. Хейгена слегка задела его отчужденность – а впрочем, ему было не привыкать. Он был разящий меч дона Корлеоне, за это приходилось расплачиваться и такую ценой.

Джонни Фонтейн обратился к дону:

– Когда пришло приглашение на свадьбу, я себе сказал – ага, крестный на меня уже не сердится. А то раз пять пытался к вам дозвониться с тех пор, как развелся с женой, но, как ни позвоню, Том отвечает, либо дома нет, либо занят – чего уж там, понятно, что впал в немилость.

Дон разливал по стаканам настойку из янтарной бутылки.

– Что прошлое поминать... Ну, так. Я еще на что-нибудь гожусь для тебя? Или же твоя слава и твои миллионы вознесли тебя в такую высь, что туда не протянешь руку помощи?

Джонни опрокинул себе в рот огненную желтую влагу и подставил дону пустой стакан. Он силился отвечать непринужденно и беспечно:

– Какое там – миллионы, крестный. Я качусь вниз. Эх, правду вы мне говорили. Нечего было бросать жену с детьми и жениться на распутной девке. Поделом вы сердились на меня.

Дон пожал плечами.

– Я за тебя беспокоился, вот и все, – как-никак, ты мой крестник.

Джонни заходил по комнате.

– Я голову потерял из-за этой паскудины. Первая звезда в Голливуде. Хороша, как ангел. А знаете, что она творит, когда кончаются съемки? Если гример удачно сделал ей лицо, она с ним трахается. Если оператор нашел для нее выигрышный ракурс, зазывает к себе в уборную и дает ему. Готова спать с кем ни попадя. Раздает свое тело направо и налево, как раздают чаевые. Грязная тварь – у сатаны на шабаше ей место...

Дон Корлеоне оборвал его:

– Как поживает твоя семья?

Джонни вздохнул.

– Они у меня обеспечены. Когда мы разошлись, я дал на Джинни и девочек больше, чем присудили на процессе. Раз в неделю езжу их проведать. Скучаю без них. Иной раз до того скрутит, что кажется, с ума сойдешь. – Он снова осушил стакан. – А вторая жена смеется надо мной. Не может взять в толк, отчего это я ревную. Я отстал от жизни, я развожу итальянские страсти, а мои песенки – дребедень. Перед отъездом вмазал ей прилично – правда, лицо пожелтел, она сейчас снимается. Намял ей бока, наставил синяков на руках, на ногах – впал в детство, она только хохотала надо мной. – Джонни закурил. – Вот так, крестный, а потому на сегодняшний день, как говорится, жить мне в общем-то нет охоты.

Дон Корлеоне сказал просто:

– Это беды, в которых тебе нельзя помочь. – Он помолчал. Потом спросил: – Что у тебя происходит с голосом?

В мгновение ока от баловня судьбы, который самоуверенно и неотразимо подтрунивал над собою, не осталось и следа. Джонни Фонтейн был сломлен.

– Крестный, я не могу больше петь, у меня что-то с горлом, и доктора не знают что.

Хейген и дон поглядели на него изумленно. Чего-чего, а малодушия за Джонни Фонтейном не водилось никогда. Джонни продолжал:

– Мои две картины принесли большие деньги. Я был звездой первой величины. Теперь меня выпирают из кино. Хозяин студии издавна меня не терпит, и сейчас для него удобное время со мной сквитаться.

Дон Корлеоне стал, повернувшись лицом к крестнику, с угрозой спросил:

– За что же этот человек невзлюбил тебя?

– Я выступал с песнями левых авторов, в поддержку либеральных организаций – помните, вам это всегда не нравилось. Вот и Джеку Вольцу не понравилось. Он навесил на меня ярлык коммуниста, но, вопреки его стараниям, эта кличка ко мне не приклеилась. Потом – уж так получилось – я увел девочку, которую он берегал для себя. Увел всего на одну ночь, а точнее – она меня увела. Что мне еще, черт возьми, оставалось? А теперь меня гонит из дому эта развратная стерва, на которой я женился. Джинни с детьми меня обратно не примут, разве что приползу на коленях. Петь я больше не могу. Что же делать, крестный, что делать?

Лицо дона Корлеоне застыло в ледяном презрении. В нем не было и тени сочувствия.

– Для начала – вести себя как подобает мужчине, – сказал он.

Внезапно черты его исказились от гнева.

– Мужчине, ты понял? – рявкнул он.

Он перегнулся через стол и сгреб Джонни за волосы движением свирепым и любовным.

– Господи боже мой, столько времени провести возле меня и после этого остаться размазней! Ты что, бесполой кукла голливудская, что вздумал хныкать и клянчить о жалости? Бабы истерики закатывать – «Что же делать? Ах, что мне делать?».

Это вышло так неожиданно, так удивительно похоже, что Джонни с Хейгеном покатались со смеху. Дон Корлеоне был доволен. До чего же прикипел к его сердцу этот крестник... Любо-

пытно, подумалось ему, чем бы ответили на подобную выволочку его родные сыновья. Сантино надулся бы и еще долго потом выкидывал коленца. Фредо ходил бы как побитая собака. Майкл повернулся бы с холодной улыбкой, ушел из дому и не показывался несколько месяцев. А вот Джонни – ну до чего милый парень! – уже скалит зубы, собирается с силами, разгадал с первого слова, чего в самом деле хочет крестный.

Дон Корлеоне продолжал:

– Ты уводишь женщину из-под носа у хозяина студии – человека, который сильнее тебя, – и потом жалуешься, что он оттирает тебя от работы. Надо же додуматься! Ты бросаешь семью, оставляешь детей без отца ради того, чтобы жениться на девке, – и плачешь, что тебя не ждут назад с распростертыми объятиями. Тебе жаль ударить девку по лицу, потому что она снимается в кино, – и ты еще удивляешься, что она над тобой смеется. Ты жил как дурак – и, понятное дело, кончил тем, что остался в дураках.

Дон Корлеоне сделал передышку и терпеливо спросил:

– Не хочешь хотя бы на сей раз послушаться моего совета?

Джонни Фонтейн пожал плечами.

– Я не могу жениться снова на Джинни – во всяком случае, на удобных ей условиях. Я играю, я пью, я бываю в холостяцких компаниях и без этого не умею жить. За мной увиваются смазливые бабенки, у меня никогда не хватало сил перед ними устоять. А после тащишься к Джинни и чувствуешь себя распоследним гадом. Согласиться опять тянуть эту лямку – нет уж, ни за что.

Видно было, что терпение у дона Корлеоне вот-вот лопнет, а такое случалось нечасто.

– Да разве тебе кто-нибудь велит жениться снова? Поступай как знаешь. Ты хочешь остаться отцом своим девочкам – это похвально. Если мужчина не стал своим детям настоящим отцом, он не мужчина. Но раз так, сумей настоять, чтобы их мать принимала тебя на твоих условиях. Где сказано, что ты не можешь видеться с ними каждый день? Что ты не можешь поселиться под одной крышей с ними? Где сказано, что ты не имеешь права строить собственную жизнь, считаясь лишь с собственными желаниями?

Джонни Фонтейн усмехнулся.

– Нет, крестный, жен старого итальянского образца теперь мало. Джинни этого не потерпит.

Дон подпустил в свои назидания яду:

– Так ведь ты вел себя как слюнтяй. Одной жене выплатил больше, чем ей присудили. Другой боялся попортить личико, потому что она снимается в кино. Ты подчинялся в своих поступках женщинам, – а женщины, они на этом свете только помеха делу, хотя на том, разумеется, попадут в святые, а мы, мужчины, будем гореть в адском пламени. И еще. Я, знаешь, следил за тобой все эти годы. – Теперь дон говорил серьезно. – Да, ты был примерным крестником, ты ни разу не проявил неуважения ко мне. Ну а как насчет твоих старых друзей? Сегодня тебя повсюду видят с одним, завтра – с другим. Помнишь, тот паренек, итальянец, снимался в таких забавных ролях – на чем-то он раз сорвался, и ты уж не встречаешься с ним, ты же у нас знаменитость. Или другой, закадычный старинный товарищ – вместе бегали в школу, вместе горланили песни. Нино. Он вот пьет сверх меры оттого, что ему в жизни не повезло, но никто не слышал от него ни единой жалобы. Вкалывает себе, возит гравий на грузовой машине, по субботам подрабатывает – поет свои песенки. И никогда не скажет о тебе дурного слова. Ты бы ему не помог немножко? А что? Он славно поет.

Джонни Фонтейн объяснил терпеливо, но слегка утомленно:

– Крестный, у него же просто не те способности. Сносно поет, но звезд-то с неба не хватает.

Дон Корлеоне опустил веки, от глаз его остались узкие щелки.

– Ну а ты, крестничек, – ведь и ты, как оказалось, тоже звезд с неба не хватаешь. Хочешь, пристрою тебя на работу – возить гравий на грузовике вместе с Нино?

Джонни не отозвался, и дон продолжал:

– Дружба – это все. Дружба превышает таланта. Сильнее любого правительства. Дружба значит лишь немногим меньше, чем семья. Никогда это не забывай. Тебе стоило воздвигнуть вокруг себя стену дружбы – и сегодня ты не взывал бы ко мне о помощи. А теперь говори, почему ты не можешь петь? В саду ты пел недурно. Не хуже Нино.

Хейген и Джонни усмехнулись в ответ на эту изощренную колкость. Теперь настала очередь Джонни проявить выдержку и снисходительность:

– Горло у меня стало слабое. Спую две-три песни – и на много часов, а то и дней лишаюсь голоса. На репетициях, на записях не дотягиваю до конца. Голос садится, что-то разладилось с глоткой.

– Так. Стало быть, неполадки с женщинами. Неполадки с голосом. Теперь скажи, в чем суть твоих неурядиц с этой шишкой, этим pezzonovante из Голливуда? Где и как он тебе не дает работать?

До сих пор были слова, теперь начиналось дело.

– Он и вправду большая шишка, – сказал Джонни. – Хозяин киностудии. Советник президента по военной пропаганде средствами кино. Только месяц назад купил права на экранизацию самого шумевшего романа за этот год. Бестселлер, идет нарасхват. Главный герой будто списан с меня. Мне бы даже играть не было надобности – просто быть самим собой. Даже не петь, пожалуй. И не исключено, что мне присудили бы премию Академии. Все знают – я прямо создан для этой роли, я снова оказался бы в обойме. Уже как актер. А Вольц, сукин сын, сводит со мной счеты и не дает мне эту роль. Я вызвался сыграть ее практически даром, по низшей ставке, и все равно он ни в какую. Пустил слух, что если я приду на студию и при всех поцелую его в зад – тогда он, возможно, еще подумает.

Дон Корлеоне нетерпеливым жестом отмахнулся от этой лирической концовки. Разумные люди всегда сумеют найти выход из деловых затруднений. Он потрепал крестника по плечу.

– Ты, я вижу, пал духом. Думаешь, что никому ты не нужен, все от тебя отвернулись, – угадал? И очень сильно похудел. Пьешь, видно, много? Не спишь, глотаешь таблетки? – Он недовольно покрутил головой. – А теперь слушай и подчиняйся, – продолжал он. – Будь добр на месяц остаться в моем доме. Будь добр есть по-человечески, отоспись, приди в себя. Держись при мне – мне в твоём обществе приятно, а ты, быть может, наберешься от своего крестного ума-разума в житейских вопросах – как знать, вдруг и в твоём хваленном Голливуде пригодится. И чтобы никакого пения, никаких попок, никаких женщин. Пройдет месяц – можешь возвращаться в Голливуд, и эта шишка, этот твой pezzonovante, даст тебе работу, о которой ты мечтаешь. Договорились?

Джонни Фонтейну не очень верилось, что дон столь всемогущ. Правда, еще не бывало случая, чтобы его крестный отец посулил что-то сделать и не сделал.

– Этот хмырь – личный друг Эдгара Гувера, – сказал Джонни. – Он вас даже слушать не станет.

– Он деловой человек, – скучным голосом сказал дон. – Я приду к нему с предложением, которое он не сможет отклонить.

– Да и слишком поздно, – сказал Джонни. – Все контракты подписаны, через неделю начинаются съемки. Ничего не выйдет, исключено.

Дон Корлеоне сказал:

– Ступай-ка. Иди к гостям. Друзья тебя ждут не дождутся. Предоставь все мне.

Он подтолкнул Джонни к двери. Хейген, присев к столу, делал пометки в своем блокноте.

Дон тяжело вздохнул.

– Еще осталось что-нибудь?

– Нельзя больше откладывать с Солоццо. На этой неделе вам нужно его принять. – Хейген застыл над календарем с ручкой наготове.

Дон повел плечом.

– Свадьба прошла – теперь давай, когда скажешь.

Из этих слов Хейген сделал два вывода. Главный – что Виргилию Солоццо ответят отказом. И второе – раз дон Корлеоне медлил с ответом, пока не отпразднует свадьбу дочери, значит, он полагает, что этот отказ будет сопряжен с неприятностями.

Хейген осторожно спросил:

– Сказать Клеменце, чтобы разместил в доме часть своих людей?

Дон нетерпеливо поморщился.

– Зачем? Я не давал ответа до свадьбы, потому что такой знаменательный день не должно омрачать ни единое облачко, хотя бы и в отдалении. Кроме того, я хотел заранее знать, о чем он собирается толковать. Теперь это известно. То, что он намерен нам предложить, – *infamita*. Позор и мерзость.

Хейген сказал:

– Так вы ответите отказом? – Дон кивнул, и Хейген прибавил: – Я считаю, это следует обсудить – сообща, на семейном совете, – а потом уже давать ответ.

Дон усмехнулся:

– Считаешь, стало быть. Ладно, обсудим. Когда вернешься назад из Калифорнии. Слетай туда завтра же и расхлебай эту кашу в пользу Джонни. Повидайся с кинovorотилой. А Солоццо передай, что я приму его после твоего приезда из Калифорнии. Что еще?

Хейген доложил безучастно и четко:

– Звонили из больницы. Часы *consiglieri* Аббандандо сочтены, ему не дотянуть до утра. Родным велели приехать проститься.

Последний год, с тех пор как рак приковал к больничной койке Дженко Аббандандо, Хейген исполнял роль *consiglieri*. Теперь он ждал, не скажет ли дон Корлеоне, что эта должность закрепляется за ним постоянно. Обстоятельства складывались скорее неблагоприятно. По традиции столь высокое положение мог занимать лишь стопроцентный, по отцу и матери, итальянец. Уже и то, что эти обязанности были возложены на Хейгена хотя бы временно, привело к осложнениям. Годами он тоже не вышел – всего тридцать пять – слишком молод, предположительно, чтобы набраться опыта и изворотливости, какие требуются хорошему *consiglieri*.

На лице дона он не прочел ничего обнадеживающего.

– Когда моей дочери с мужем уезжать?

Хейген взглянул на свои наручные часы.

– С минуты на минуту разрежут свадебный пирог, потом туда-сюда еще полчаса. – Это навело его на мысль о другом. – Да, насчет вашего зятя. Даем ему что-нибудь значительное, выпускаем в круг семейства?

Ответ прозвучал так неистово, что Хейген оторопел.

– Никогда. – Дон хлопнул ладонью по столу. – Никогда. Подыщешь ему что-нибудь на прокорм – хорошую кормушку. Но никогда не подпускай к делам семейства. Другим скажи то же самое – Санни, Фредо, Клеменце.

Дон помолчал.

– Передай моим сыновьям, что они поедут со мной в больницу к бедняге Дженко, все трое. Хочу, чтобы в последний раз оказали ему уважение. Пусть Фредди возьмет большую машину, и спроси Джонни, может быть, сделает мне особенное одолжение и тоже поедет с нами. – Он перехватил вопросительный взгляд Хейгена. – А ты сегодня же вечером поезжай в Калифорнию. Так что тебе съездить к Дженко будет некогда. Но задержишься до моего возвращения из больницы, у меня к тебе разговор. Все понял?

– Понял, – сказал Хейген. – К какому времени Фредо подать машину?

– Пусть разъедутся гости, – сказал дон Корлеоне. – Дженко меня дождется.

– Сенатор звонил, – сказал Хейген. – Извинялся, что не смог пожаловать лично, но прибавил, что вы поймете. Скорей всего, имеет в виду тех двух красавцев из ФБР, которые торчали напротив вашего дома и записывали номера у машин. Зато подарок прислал, с нарочным.

Дон покивал. Не было смысла рассказывать, что он сам отсоветовал сенатору приезжать.

– Стоящий подарочек?

Германо-ирландские черты Хейгена приняли до странности итальянское выражение, обозначающее высокую степень похвалы.

– Старинное серебро, очень ценная штука. Если ребята надумают продавать – верная тысяча. Повозился сенатор, куда отыскал редкую вещь. Для людей его круга в этом вся соль, а не в том, сколько стоит.

Дон Корлеоне выслушал его с нескрываемым удовольствием – со стороны такой фигуры, как сенатор, это был нешуточный знак внимания. Подобно Люке Брази, сенатор был одной из глыб, на которых покоилось могущество дона Корлеоне, – и, подобно Люке, своим подарком он вновь подтвердил свою неизменную преданность.

Кей Адамс узнала Джонни с первого взгляда, как только он появился в саду. Узнала и искренне удивилась:

– Ваша семья знакома с Джонни Фонтейном? Что ж ты мне раньше не сказал? Теперь я уж точно пойду за тебя замуж, будь уверен.

– Хочешь, и тебя познакомлю, – сказал Майкл.

– Сейчас-то что, – сказала Кей. Она вздохнула. – Три года была в него влюблена. На каждый его концерт приезжала в Нью-Йорк и с каждого уходила охрипшая. Это было что-то бесподобное!

– погоди, познакомишься, – сказал Майкл.

Когда Джонни после второй песенки скрылся вслед за доном Корлеоне в дверях дома, Кей не без ехидства сказала:

– Только не рассказывай мне, будто звезда такой величины, как Джонни Фонтейн, станет просить о каком-то одолжении у твоего отца.

– Джонни – его крестник, – сказал Майкл. – И если бы не мой отец, ему, пожалуй, никогда бы не стать звездой такой величины.

Кей Адамс замурлыкала от восторга:

– Ой, похоже, мне опять предстоит услышать замечательную историю.

Майкл покачал головой:

– В эту историю я тебя посвящать не имею права.

– Ты можешь на меня положиться, – сказала она.

И он рассказал ей. Рассказал, не сбиваясь на шутливый тон. Рассказал скрепя сердце. Не приводя никаких объяснений – отметив лишь, что восемь лет тому назад его отец еще бывал горяч, и поскольку речь шла об интересах его крестника, то счел вопросом собственной чести вмешаться и уладить дело.

Суть истории можно было изложить в двух словах. Восемь лет назад Джонни с невероятным успехом выступил в составе популярного джаз-ансамбля. Он сделался лакомой приманкой на концертах для радиослушателей. К несчастью, руководитель ансамбля, некий Лесс Галли – личность, в среде эстрадников небезызвестная, – связал Джонни на пять лет кабальным контрактом. С начинающими музыкантами так поступали сплошь да рядом. Теперь Лесс Галли имел право выдавать Джонни напрокат, а его деньги – прикарманивать.

Дон Корлеоне лично вступил с ним в переговоры. Он предложил Галли двадцать тысяч долларов, чтобы тот расторг контракт. Галли согласился, но с условием, что половину заработков Джонни он все же оставляет за собой. Это позабавило дона. Он убавил двадцать тысяч

отступного наполовину. Руководитель ансамбля, по всей видимости не слишком искушенный в делах, не связанных с милой его сердцу эстрадой, оказался решительно не способен верно истолковать смысл этой уценки. Он отверг предложение дона.

На другой день дон Корлеоне явился к дельцу от эстрады с личным визитом. Явился в сопровождении двух друзей – Дженко Аббандандо, который состоял при его особе советником, и Люкой Брази. Других свидетелей не было. Дон Корлеоне убедил Лесса Галли подписать бумагу, в которой говорилось, что по получении заверенного чека на десять тысяч долларов означенный Галли отказывается от каких бы то ни было претензий, связанных с деятельностью Джонни Фонтейна. Дон Корлеоне убедил Лесса Галли достаточно веским доводом: приставил к его лбу пистолет и с предельной серьезностью пообещал, что пройдет минута – и на бумаге окажется либо подпись мистера Галли, либо его мозги. Лесс Галли подписал. Дон Корлеоне спрятал в карман пистолет и вручил Галли заверенный чек.

Дальнейший ход событий – уже достояние истории. Джонни Фонтейн и его песни стали величайшей сенсацией Америки. Два голливудских мюзикла с участием Джонни принесли киностудии неслыханные доходы. На его пластинках зарабатывали миллионы. Потом он разошелся с женой, хотя знал и любил ее с детских лет, бросил двоих детей и женился на самой ослепительной и белокурой из голливудских кинозвезд. В недолгом времени он удостоверился, что она торгует собой без стыда и совести. Он начал пить, спускать деньги в игорных домах, гоняться за женщинами. Он лишился голоса. Спрос на его пластинки упал. Киностудия отказалась возобновить с ним контракт. Ему оставалось одно – вернуться к своему крестному отцу. И вот он здесь.

Кей задумчиво сказала:

– А ты не ревнуешь отца? По всему, что ты рассказываешь о нем, видно, как много он делает для других. Поистине доброй души человек. – Она сморщила нос. – Хотя, разумеется, и прибегает к методам, не вполне предусмотренным законом.

Майкл вздохнул.

– Со стороны, пожалуй, так оно и выглядит, но я тебе вот что скажу. Знаешь, как принято у полярных исследователей, – оставлять за собой по дороге к полюсу запасы провианта через определенные отрезки пути? На случай, если когда-нибудь в них возникнет надобность. Так и с добрыми делами отца. Для каждого его должника наступит день, когда раздастся стук в дверь, и уж тогда – изволь раскошеливайся...

Покамест выносили свадебный пирог, пока над ним обмирали и ахали, пока расправлялись с ним, стало уже смеркаться. Пирог, над которым по такому случаю самолично ворожил Назорин, был искусно украшен раковинками из крема – сущее объедение, и новобрачная, перед тем как умчаться со своим белокурым мужем в свадебную поездку, алчно отколупнула несколько штук с остатков пирога. Дон учтиво и расторопно провожал гостей и заодно обратил внимание, что черной закрытой машины с агентами ФБР уже не видно.

Наконец перед домом остался последний автомобиль – длинный черный «Кадиллак», за рулем его сидел Фредди. Дон подошел к машине пружинистой, быстрой походкой, неожиданной для его возраста и телосложения, и сел на переднее сиденье. Санни, Майкл и Джонни Фонтейн разместились сзади. Дон Корлеоне через плечо сказал Майклу:

– Как насчет твоей девушки, доберется она сама в город, ничего?

Майкл кивнул:

– Том сказал, он ее доставит.

Дон Корлеоне удовлетворенно отвернулся – Хейген повсюду успевал.

Еще не отменили талоны на бензин, и Кольцевое шоссе, ведущее на Манхэттен, было пустынно. Не прошло и часа, как «Кадиллак» свернул на улицу, где находилась Французская больница. По дороге дон Корлеоне спросил своего младшего сына, успешно ли продвигаются его занятия. Майкл кивнул. Санни нагнулся к переднему сиденью:

– Джонни говорит, ты взялся уладить его неприятности в Голливуде. Может быть, мне туда смотаться, подсобить?

Дон Корлеоне немногословно ответил:

– Сегодня вечером туда вылетает Том. Помощники не понадобятся, дело несложное.

Санни хохотнул:

– Джонни полагает, что у тебя ничего не выйдет, вот я и подумал, не пригожусь ли.

Дон Корлеоне повернул голову к Джонни Фонтейну.

– Какие у тебя причины сомневаться? Разве твой крестный хоть раз не выполнил обещанное? С каких это пор меня стали считать пустомелей?

Джонни неловко повинулся:

– Крестный, вы поймите – на студии вершит дела очень большой человек, заправский стопроцентный pezzonovante. Его ничем не возьмешь, тут даже деньги бессильны. У него связи. И он меня ненавидит. Я просто не представляю себе, как вы это провернете.

Дон сказал мягко и весело:

– А я тебе говорю, ты получишь эту роль. – Он шутливо толкнул локтем Майкла. – Как, Майкл, не подведем мы моего крестника?

Майкл покачал головой: он ни на секунду не усомнился в отцовском слове.

Когда все шли к дверям больницы, дон Корлеоне тронул сына за руку, и они приотстали от других.

– Окончишь университет, приезжай, поговорим, – сказал дон. – Я кое-что наметил для тебя, думаю, не раскаешься.

Майкл ничего не ответил.

Дон крикнул в сердцах:

– Что я, не знаю, как ты смотришь на вещи? Ничего худого я тебе не предложу. Это кое-что совсем особое. Пока что шагай своей дорогой – ты мужчина, в конце концов. Но закончишь учение – явись ко мне, как подобает сыну.

Родные Дженко Аббандандо, его жена и три дочери, все в черном, сбившись вместе, толклись на белых плитках больничного коридора, точно стайка раскормленных ворон. Увидев, как из лифта выходит дон Корлеоне, они словно бы снялись в безотчетном порыве с белых плиток и подались к нему, ища защиты. Мать, царственно дородная в своем черном платье, и некрасивые толстые дочери. Миссис Аббандандо, клюнув дону в щеку, жалостно всхлипывала:

– Нет, это какая же святая душа – приехать сюда в день свадьбы дочери!

Дон Корлеоне отмахнулся от изъявлений благодарности.

– Разве не долг мой почтить такого друга – друга, который двадцать лет был мне правой рукой?

Он тотчас понял, что женщина, которой вот-вот предстоит сделаться вдовой, не сознает, что нынче ночью ее мужа не станет. Дженко Аббандандо лежал в этой больнице, угасая от рака, уже около года, и жена привыкла воспринимать его смертельную болезнь почти как неотъемлемую часть обычной жизни. Сегодня – просто очередное обострение. Она продолжала лопотать:

– Зайди к мужу, проведай, он о тебе то и дело спрашивает. Сам, бедный, собирался ехать на свадьбу, оказать уважение, да врач запретил. Тогда он стал говорить, что если так, то ты к нему приедешь – и это в такой великий праздник, – я все не верила. Видно, мужчины лучше нас, женщин, понимают, что значит дружба. Заходи же, то-то он обрадуется.

Из отдельной палаты, где лежал Дженко Аббандандо, вышел врач в сопровождении сестры. Врач, молодой, серьезный, имел вид человека, привыкшего с молодых ногтей отдавать приказания, иначе говоря – человека, очень богатого со дня своего появления на свет. Одна из дочерей робко спросила:

– Доктор Кеннеди, теперь нам можно к нему?

Доктор Кеннеди окинул скопище посетителей неприязненным взглядом. Что за народ, неужели им не понятно, что больной там, в палате, умирает – и умирает в невыносимых страданиях? Дали бы уж ему умереть спокойно – так нет.

– Разве что, пожалуй, ближайшим родственникам, – проговорил он с изысканной учтивостью, какая дается хорошим воспитанием. И не без удивления увидел, как жена и дочери больного повернули головы к приземистому плотному мужчине в мешковатом смокинге, будто ожидая от него решающего слова.

Плотный мужчина заговорил. Легкий итальянский акцент сквозил в его голосе.

– Дорогой доктор, – сказал дон Корлеоне, – это верно, что он умирает?

– Да, – сказал доктор Кеннеди.

– Значит, вы для него ничего больше сделать не можете. Теперь мы перейдем от вас эту ношу. Мы утешим его. Мы закроем ему глаза. Похороним его и оплачем, а после не оставим в беде жену его и дочерей.

Правда, сказанная с такою прямою, дошла наконец до сознания миссис Аббандандо, она залилась слезами.

Доктор Кеннеди расправил плечи. Деревня – что с такими вступать в объяснения? При всем том нельзя было не признать, что в речах мужчины есть своя, пусть примитивная, логика. Его роль, роль врача, и в самом деле завершена. Все с тою же безупречной учтивостью он отозвался:

– Подождите, пожалуйста, сестра вас пригласит, она должна сделать кое-что у больного. – И зашагал прочь по коридору, так что полы белого халата разлетались в стороны.

Сестра вернулась в палату; они остались ждать снаружи. Наконец она вновь появилась, распахнув перед ними дверь. Сказала шепотом:

– У него бред, это от более и высокой температуры, постарайтесь не волновать его. Вам разрешается побыть всего несколько минут, исключение – только для супруги.

Когда с ней, входя, поравнялся Джонни Фонтейн, она узнала его и замерла с широко открытыми глазами. Он улыбнулся ей краем рта и прочел в устремленном на него взгляде откровенную готовность. Отметив мысленно, что девочка может пригодиться, Джонни прошел вслед за всеми в палату.

Дженко Аббандандо проделал долгий путь, убегая от смерти, но теперь знал, что она вот-вот настигнет его на больничной койке, где он полулежал в изнеможении. Он истаял, обратился в скелет, от буйной копны его смоляных волос остались жалкие редкие клочья. Дон Корлеоне бодро проговорил:

– Дженко, дружище, вот притащил к тебе на поклон своих сынов – и глянь, какой гость залетел к нам из самого из Голливуда. Узнаешь Джонни?

Умиравший благодарно поднял на дону горячие глаза. Молодые мясистые лапы трясли его костлявую руку. Его жена и дочери выстроились вдоль койки, целовали его в щеку, гладили по другой руке.

Дон накрыл пальцы своего старого товарища ладонью. Он задушевно сказал:

– Давай-ка выздоравливай скорее, и махнем мы с тобой вдвоем в Италию, на родину, в деревню. Сразимся в шары под окнами кабачка, как делали отцы наши и деды.

Умиравший качнул головой. Он подал знак, чтобы все отошли от постели, и крепко вцепился в рукав донна костистой клешней. Он силился что-то сказать. Дон Корлеоне, опустив голову, придвинул стул и сел рядом. Дженко Аббандандо лопотал что-то бессвязное об их детстве... Вдруг черные, точно угли, глаза его воровато блеснули. Он перешел на шепот. Дон придвинулся еще ближе. Он покачал головой, и те, кто стоял в палате, остолбенели: по лицу донна Корлеоне текли слезы. Прерывистый шепот стал громче, заполнил собою палату. В мучительном, нечеловеческом усилии Аббандандо ухитрился оторвать голову от подушки и, блуждая невидящим взглядом, наставил на донна костлявый палец.

– Крестный, – смятенно позвал он. – Крестный отец, молю тебя, спаси меня от смерти. Мои кости были одеты плотью – теперь она сгорает, я слышу, как черви точат мой мозг. Исцели меня, Крестный отец, ты все можешь, осуши слезы моей несчастной жены. В Корлеоне мы с тобою играли детьми, так неужели ты дашь мне умереть в этот час, когда я страшусь, что мне уготован ад за мои прегрешения?

Дон молчал. Аббандандо прибавил:

– Сегодня день свадьбы твоей дочери, ты не можешь мне отказать.

Дон заговорил, размеренно, веско, чтобы каждое слово дошло до цели сквозь кощунственный и бредовый туман.

– Мой старый друг, – сказал он, – это не в моей власти. Будь я всемогущ – поверь, я явил бы больше милосердия, чем господь. Но ты не бойся смерти – не бойся, что попадешь в ад. Каждое утро и каждый вечер в церкви будут служить молебны за упокой твоей души. За тебя будут молиться жена и дети. Как решится бог покарать тебя, когда к нему со всех сторон будут лететь мольбы о прощении?

Вороватое выражение на костистом лице проступило ясней, губы умирающего тронула циничная усмешка.

– А, так вы с ним договорились?

Ответ прозвучал жестко, холодно:

– Ты богохульствуешь. Смирись.

Аббандандо откинулся на подушки. Лихорадочный блеск надежды в его глазах померк. В палату вошла сестра и буднично, привычно принялась выставлять посетителей за дверь. Дон поднялся, но Аббандандо протянул к нему руку.

– Останься, Крестный отец, – сказал он. – Побудь со мной, помоги мне встретить смерть. Вдруг старушка увидит, что подле меня сидишь ты, струхнет да и отвяжется. А не то замолвишь за меня словцо, нажмешь на нужные пружины. А? – Умирающий подмигнул, теперь он определенно валял дурака, подшучивая над доном. – Как-никак, вы с ней в кровном родстве. – И, словно бы испугавшись, что дон может обидеться, схватил его за руку. – Останься, дай мне руку. Мы оставим с носом старую блудню, как столько раз оставляли других. Крестный, не отступайся от меня.

Дон подал знак, чтобы их оставили вдвоем. Все вышли. Дон Корлеоне взял в свои широкие ладони иссохшую руку Джанко Аббандандо. Ласково, твердо он говорил старому другу слова утешения, дожидаясь пришествия смерти. Как будто он и впрямь был властен вырвать жизнь Джанко Аббандандо из лап этого самого коварного и подлого из всех врагов человеческих.

Для Конни Корлеоне день свадьбы завершился благополучно. Карло Рицци выполнил свои супружеские обязанности исправно и со знанием дела, чему немало способствовал интерес к содержимому женина кошелька с подношениями стоимостью свыше двадцати тысяч долларов. Между тем молодая проявила куда больше готовности расстаться с девичеством, нежели с сумкой. Ради обладания этой последней новобрачному пришлось поставить Конни синяк под глазом.

Люси Манчини вернулась домой и ждала, когда ей позвонит Санни, – конечно же, он поспешит назначить ей свиданье. Кончилось тем, что она позвонила сама, ответил женский голос, и она повесила трубку. Откуда ей было знать, что в те роковые полчаса, когда они с Санни уединились, о них уже судили и рядили и уже расплылся слухок, что Санни сыскал себе новую жертву. «Употребил» подружку родной сестры.

Америго Бонасере привиделся той ночью страшный сон. Ему приснилось, будто дон Корлеоне в спецодежде и форменной фуражке, в больших рабочих рукавицах сгружает к дверям его похоронного бюро изрешеченные пулями трупы, покрикивая: «Запомни, Америго, никому

ни слова, да чтоб похоронить без промедления!» Он стонал и ворочался так долго, что жене пришлось растолкать его.

– И что за человек, прости господи, – ворчала она недовольно. – Только после свадьбы кошмарами мается...

Кей Адамс отвозили в нью-йоркскую гостиницу Поли Гатто и Клеменца.

Машину – шикарную, большую – вел Гатто. Клеменца поместился на заднем сиденье, а Кей усадили на переднее, рядом с водителем. Обнаружилось, что оба ее провожатых – невероятно колоритные фигуры. Объяснялись они на бруклинском жаргоне, существующем не столько в жизни, сколько на киноэкране, и вели себя по отношению к ней с подчеркнутой галантностью. Покуда катили в город, Кей непринужденно болтала то с тем, то с другим и диву давалась, как уважительно, с какой неподдельной приязнью они отзываются о Майкле. Зачем же ему понадобилось вселять в нее убеждение, будто он посторонний, чужак в мире своего отца? А вот Клеменца уверяет ее своим одышливым горловым тенорком, будто «сам» считает Майкла самым удачным из своих сыновей и определенно рассчитывает, что после него не кто иной, как Майкл, возглавит семейное дело.

– И что же это за дело? – с невинным видом спросила Кей.

Поли Гатто бросил быстрый взгляд в ее сторону и резко крутанул баранку. Клеменца с заднего сиденья отозвался удивленным голосом:

– Как, разве Майк вам не говорил? Мистер Корлеоне – самый крупный в Америке поставщик оливкового масла из Италии. Теперь война позади, дела пойдут, только держись. Башковитый парень вроде Майка очень даже пригодится.

Когда подъехали к гостинице, Клеменца пожелал непременно проводить ее до столика портье. Она попробовала воспротивиться, и он с подкупающей простотой объяснил:

– Хозяин велел довести вас до самых дверей в целости и сохранности. Я обязан.

Она получила ключ от номера; Клеменца довел ее до лифта, подождал, пока она в него сядет. Кей с улыбкой помахала ему на прощание и приятно удивилась, когда он ответил ей теплой улыбкой. Хорошо, что она не видела, как он опять подошел к портье и спросил:

– Под каким именем она у вас записана?

Портье смерил Клеменцу холодным взглядом. Клеменца щелчком отправил на ту сторону стола зеленый бумажный шарик, который катал в ладонях, – и портье, ловко поймав его, мгновенно ответил:

– Мистер Майкл Корлеоне с супругой.

В машине Поли Гатто сказал:

– Ничего девочка.

Клеменца проворчал:

– Девочка! С Майком путается. – «Если только уже не женаты честь по чести», – прибавил он мысленно. – Ты утречком заезжай за мной пораньше. У Хейгена к нам поручение, надо браться безотлагательно.

Вышло так, что лишь в воскресенье поздно вечером Том Хейген наконец простился с женой и поехал в аэропорт. С бумажкой, дающей право приобретать вне очереди бронированные билеты (знак благодарности от одного из штабных генералов Пентагона), он без труда сел на первый же самолет, вылетающий в Лос-Анджелес.

За плечами был трудный день, но он принес Тому Хейгену удачу. В три часа ночи умер Дженко Аббандандо, и дон Корлеоне, возвратясь из больницы, сообщил, что официально назначает Хейгена своим новым советником, *consigliori*. Это, помимо всего прочего, означало, что отныне Хейген богат, – о том, как он отныне могуществен, говорить не приходилось.

Дон нарушил давний и уважаемый обычай. Испокон веку повелось, что только чистокровный сицилиец мог стать *consigliori*, и то обстоятельство, что Хейген вырос и воспитывался

в семье дона, ничего тут не меняло. Тут кровь решала дело. Лишь коренному сицилийцу, с молоком матери всосавшему требования *omerta*, закона о молчании, круговой поруки, можно было вверить должность советника, ключевую позицию в империи любого дона.

Во главе семейного клана Корлеоне стоял дон, он направлял всю деятельность семейства, определял его политику. Три прослойки, три буфера отделяли дона от тех, кто осуществлял его волю, непосредственно исполнял его приказания. Таким образом, ни один след не мог привести на вершину. При единственном условии. Если не предаст *consiglieri*. В то воскресенье дон Корлеоне отдал с утра подробные распоряжения, как поступить с двумя юнцами, которые покалечили дочь Америкго Бонасеры. Но отдавал он эти распоряжения Тому Хейгену, с глазу на глаз. Днем Хейген – тоже наедине, без свидетелей, – передал эти наставления Клеменце. Клеменца в свою очередь велел Поли Гатто привести приказ в исполнение. Поли Гатто оставалось подобрать нужных людей и в точности выполнить то, что ему велели. Ни Поли Гатто, ни его люди не будут знать, чем вызвано это поручение, от кого оно первоначально исходит. Чтобы установить, что к нему причастен дон, ненадежным должно оказаться каждое звено в этой цепочке – такого никогда еще не случалось, но где гарантия, что такое не случится? Впрочем, и на этот случай средство было предусмотрено. Одно звено, ключевое, должно исчезнуть.

Кроме того, *consiglieri* был действительно тем, что обозначает это слово. То есть советником дона, первым его помощником, второю головой. А также – самым верным соратником и самым близким другом. Это он во время важных деловых поездок вел машину дона, он отлучался с совещания за свежими сигарами для дона, за кофе и бутербродами. Ему было известно все или почти все то же, что знал дон, все до последней ячейки в структуре власти. Лишь он, единственный на свете, имел возможность при желании сокрушить дона. Но случая, чтобы *consiglieri* предал своего дона, – такого случая еще не бывало, по крайней мере на памяти хотя бы одного из влиятельных сицилийских кланов, обосновавшихся в Америке. Это был вариант без будущего. С другой стороны, всякий *consiglieri* знал, что служба верой и правдой принесет ему богатство, власть и почет. А стряется беда, о благополучии жены его и детей будут заботиться не хуже, чем если б он сам был жив-здоров и на свободе. Но это – при службе верой и правдой.

Бывали дела, в которых советнику приходилось выступать от имени дона более открыто и все же следить, чтобы он оставался в тени. Как раз по такому делу Хейген летел сейчас в Калифорнию. Он сознавал, что от того, как он справится с этим поручением, в большой мере зависит его дальнейшая судьба в должности *consiglieri*. С деловой точки зрения вопрос о том, получит ли Джонни Фонтейн заветную роль в новом фильме или не получит, – сущая мелочь для семейства. Куда важнее, скажем, такой вопрос, как встреча с Виргилием Солоццо, которую Хейген назначил на эту пятницу. Но Хейген знал, что в глазах дона оба вопроса равноценны, а для хорошего *consiglieri* этим сказано все.

Мелко дрожал корпус самолета – эта дрожь передавалась Хейгену, уже и без того взбудораженному, и, чтобы успокоить нервы, он спросил у стюардессы мартини. Перед отъездом он получил у дона и Джонни исчерпывающие сведения о том, что представляет собой кинопродюсер Джек Вольц. Из всего сказанного Джонни Хейген заключил, что убедить Джека Вольца ему не удастся ни в коем случае. А между тем дон выполнит то, что обещал Джонни, – в этом Хейген не сомневался ни секунды. Значит, его задача – установить связь с Вольцем и начать переговоры.

Хейген откинул спинку кресла и попробовал сосредоточиться. Итак, что он узнал про Джека Вольца? Этот человек входит в число трех крупнейших кинопродюсеров Голливуда, у него своя студия, с ним связаны контрактами десятки ведущих киноактеров. Он член Консультативного совета по военной информации при президенте Соединенных Штатов, возглавляет в нем отдел кинематографии, то есть, проще говоря, помогает печь картины, прославляющие войну. Бывал зван на обеды в Белом доме. Принимал у себя в Голливуде Эдгара Гувера. Зву-

чит внушительно, да так ли это на поверку? Лишь официальные отношения, не более того. Личного влияния в политических кругах у Вольца никакого, главным образом потому, что он исповедует крайне реакционные убеждения, – а отчасти потому, что одержим манией величия, обожает распоряжаться своей властью, как ему заблагорассудится, не считаясь с тем, что навивает себе при этом полчища врагов.

Хейген вздохнул. Нет, пробовать столкнуться с Джеком Вольцем – гиблое дело. Он открыл портфель; сейчас бы самое время заняться неизбежной писаниной, но он слишком устал. Он спросил себе еще один мартини и задумался о себе, о своей жизни. Он ни о чем не жалел – напротив, ему чертовски повезло. Неважно, какие причины заставили его десять лет назад избрать для себя этот путь, – важно то, что для него это оказался верный путь. Он добился успеха, он счастлив в разумных для взрослого человека пределах, ему интересно живется.

Том Хейген в тридцать пять лет был высок ростом, сухопар, коротко острижен – словом, ничем с виду не примечателен. Он был юрист по образованию и, получив диплом, три года работал по специальности, но теперь содержание его работы было меньше всего связано с ввозом оливкового масла – легальным бизнесом семейства Корлеоне...

А в одиннадцать лет у Тома завелся дружок, его ровесник – Санни Корлеоне. Мать Хейгена лишилась зрения, а когда сыну пошел одиннадцатый год, умерла. Отец, и всегда-то любитель выпить, после этого спился вконец. Он был плотник, работающий человек, за всю жизнь не совершил нечестного поступка. Но своим пьянством он сгубил семью, а вскоре после этого и самого себя. Том Хейген остался сиротой, шлялся по улицам и спал в подворотнях. Его младшую сестренку отдали на воспитание в чужие руки – ну а неблагодарными одиннадцатилетними беспризорниками, которые удирают от дам-благотворительниц, американское общество в 1920 году не занималось. К тому же у Хейгена стали тоже гноиться глаза. Соседи шушукались, что мальчишка небось подцепил болезнь у матери, а раз так, то и от него можно заразиться. Люди его сторонились. Санни Корлеоне от всего своего одиннадцатилетнего, еще не огрубевшего сердца пожалел друга, привел его к себе и властно потребовал, чтобы его приняли в дом. Тома Хейгена накормили горячими спагетти с густой, маслянистой томатной подливкой – ее вкус запомнился ему на всю жизнь – и уложили спать на раскладушке.

Без расспросов, без дальних слов, как нельзя более естественно дон Корлеоне позволил беспризорнику остаться у него в семье. Он самолично сводил мальчишку к врачу, и Тому Хейгену вылечили глаза. Он послал Тома в колледж, а после – на юридическое отделение университета. При этом он выступал по отношению к приемышу скорее в роли опекуна, а не отца. Он никогда не проявлял к нему нежных чувств – однако, как ни странно, считался с Хейгеном больше, чем с родными сыновьями, и ни в чем не навязывал ему своей воли. Так, по юридической части Хейген пошел после колледжа по собственному выбору. Он слышал раз, как дон Корлеоне говорил:

– Один законник с портфелем в руках нагребит больше, чем сто невежд – с автоматами.

Между тем Санни и Фредди по окончании средней школы, к великому неудовольствию дона Корлеоне, выразили твердое желание пойти по родительским стопам. Только Майкл поступил в университет, но на другой же день после объявления войны с Японией ушел добровольцем в морскую пехоту.

Получив адвокатский диплом, Хейген женился на молоденькой итальянке, чьи родители обосновались в штате Нью-Джерси, – и зажил своим домом. Его жена тоже окончила университет, что по тем временам было редкостью для девушки из ее среды. После свадьбы – а свадьбу, понятно, справляли у дона Корлеоне – дон выразил готовность поддержать Хейгена в любом начинании, какое бы тот теперь ни предпринял: обставить его адвокатскую контору и направлять к нему клиентов, а нет – основать для него собственное дело по продаже недвижимого имущества. Хейген в ответ почтительно склонил голову.

– Я хотел бы работать у вас.

Дон удивился, но было видно, что он доволен.

– Ты знаешь, какие я веду дела?

Хейген утвердительно кивнул. Нет, он в ту пору еще не знал по-настоящему, как велико могущество дона. По-настоящему он этого не знал еще целых десять лет, покуда не принял на себя обязанности *consiglieri*, когда заболел Дженко Аббандандо. И все же он утвердительно кивнул тогда и твердо встретил взгляд дона Корлеоне.

– Я хотел бы у вас работать так же, как работают ваши сыновья, – сказал Хейген.

Иначе говоря – с безоговорочной преданностью, безоговорочным признанием верховной родительской власти дона. И дон, впервые с того дня, как Хейген переступил порог его дома, выказал своему приемышу отцовскую ласку – недаром о его умении понять человека уже тогда слагались легенды. Он быстро притянул Хейгена к себе, обнял и после этого обращался с ним почти как с родным сыном, хоть изредка и напоминал ему – или себе, как знать:

– Том, никогда не забывай своих родителей.

Да разве Хейген мог забыть? Его мать, рохля, да еще и с придурью, от общей вялости не обнаруживала ни малейшего чувства к детям, хотя бы ради вида. Отца Хейген не переносил. Самое страшное, что мать перед смертью ослепла: Том воспринял свою глазную болезнь как удар зловещей судьбы. Он был уверен, что тоже лишится зрения. Потом умер отец, и что-то странным образом надломилось в одиннадцатилетнем мозгу Тома Хейгена. Точно загнанный зверек, он шастал по улицам в ожидании своей гибели до того достопамятного дня, когда на него, спящего, наткнулся в углу подъезда Санни и привел к себе домой. Но из года в год потом его преследовал ночами один и тот же страшный сон – что он ослеп, как его мать, и вырос, и бродит слепцом с протянутой рукой, выстукивая дорогу палкой, а следом плетутся его слепенькие дети и просят милостыню, дробно стуча по тротуару своими короткими палками. Он вскакивал, и в этот первый миг полуяви-полусна лицо дона Корлеоне всплывало перед ним – и на душе у него становилось спокойно...

Дон потребовал, чтобы первые три года он занимался не только делами семьи Корлеоне, но и обычной частной практикой. Впоследствии опыт, приобретенный таким образом, оказался поистине бесценен; кроме того, за это время у Хейгена исчезли последние сомнения, стоит ли ему работать у дона Корлеоне. Потом он еще два года проходил выучку, служа в известнейшей фирме адвокатов-криминалистов, где у дона имелись кой-какие связи. Занимаясь уголовным правом, он проявил, по общему признанию, незаурядные способности. И когда окончательно перешел на службу к дону Корлеоне, тот после, за все шесть лет, ни разу не нашел причины к нему придраться.

С тех пор как на Хейгена были возложены временно обязанности *consiglieri*, другие крупные сицилийские кланы стали отзываться о семействе Корлеоне пренебрежительно – «ирландская шатия». Хейгена это позабавило. Однако это же с несомненностью показывало, что для него нет надежды со временем сменить дона и возглавить семейный концерн. Впрочем, какая разница? Он никогда и не ставил себе такой цели, это было бы с его стороны «неуважением» к благодетелю и его кровной родне.

Когда самолет сел в Лос-Анджелесе, было еще темно. В гостинице Хейген взял свой ключ, принял душ, побрился, постоял у окна, глядя, как над городом занимается заря. Он заказал себе в номер завтрак и свежие газеты и, в ожидании встречи с Джеком Вольцем, назначенной на десять утра, передохнул. Добиться этой встречи оказалось неожиданно легко.

Накануне Хейген звонил по телефону всесильному Билли Гоффу из профсоюза работников кино. Памятуя о наставлениях дона Корлеоне, он просил Гоффа устроить ему на завтра свидание с Джеком Вольцем и намекнуть при этом Вольцу, что, если Хейген останется недоволен исходом беседы, на киностудии возможна забастовка. Гофф позвонил через час. Встреча

состоится в десять утра. Намек насчет забастовки Вольц понял, но это на него как будто не произвело впечатления.

– В случае, если дойдет до дела, мне надо будет переговорить с доном лично, – прибавил Гофф.

– Если дойдет до дела, он с вами сам переговорит, – сказал Хейген. И таким образом избежал необходимости связывать себя обещаниями.

В том, что Гофф столь охотно идет навстречу желаниям дона, он не видел ничего удивительного. Строго говоря, вотчиной Корлеоне считался Нью-Йорк, но ведь недаром дон Корлеоне обрел силу в те дни, когда стал оказывать помощь профсоюзным лидерам. Многие из них были у него в долгу и поныне.

А вот то, что встреча назначена на десять утра, – это был дурной признак. Значит, он стоит первым в списке посетителей и не будет приглашен на ленч. Значит, Вольц счел его мелкой сошкой. Стало быть, Гофф не пригрозил ему как следует – наверное, сам получает от Вольца взятки. Все же, думал Хейген, порой делам семейства Корлеоне идет в ущерб привычка дона держаться в тени – посторонним мало что говорит его имя.

Догадки Хейгена подтвердились. Вольц добрых полчаса держал его в приемной. Ну что ж, невелика беда. В приемной было очень шикарно, очень удобно, а напротив Хейгена на лиловом диванчике сидела девочка такой красоты, каких он не видел в жизни. Лет, должно быть, двенадцати, не больше, одетая как взрослая, скромно, хотя и дорого. У девочки были немыслимо золотистые волосы, глубокие и густо-синие, как море, громадные глаза, свежий, алый, как малина, ротик. Рядом сидела женщина, по-видимому ее мать, которая пыталась заставить Хейгена отвести глаза, глядя на него в упор с таким ледяным высокомерием, что впору размахнуться и вlepить ей пощечину... Ангелочек-девочка под присмотром дракона-маменьки, подумал Хейген, перехватив холодный немигающий взгляд.

Наконец вышла полная, очень элегантная дама средних лет и повела его сквозь анфиладу комнат в кабинет продюсера. Вокруг все ласкало глаз: и обстановка, и внешний вид людей, сидящих за работой. Хейген усмехнулся. Все это горе-ловкачи, которые мечтают пролезть в кино и для того пошли сюда на службу, но кончится тем, что большинство из них застрянет тут на всю жизнь, – а кое-кто, поняв, что потерпел неудачу, вернется в свое родное захолустье.

Джек Вольц был рослый мужчина мощного сложения, с тяжелым животом, почти незаметным под безупречного покроя костюмом. Хейген знал его историю. Десятилетним мальчишкой он откатывал в Ист-Сайде порожние пивные бочки, торговал на улицах с лотка. В двадцать лет помогал отцу выжимать все соки из работниц швейной мастерской. В тридцать уехал из Нью-Йорка на Запад, открыл дешевый кинотеатр и начал финансировать фильмы. В сорок восемь лет он стал первым среди королей Голливуда, неотесанный, как и в молодости, ненасытно женолюбивый – лютый волк в незащищенном стаде юных кинозвездочек, отданных ему на расправу. К пятидесяти годам он сделал из себя другого человека. Стал брать уроки правильной речи, научился у своего камердинера-англичанина, как надо одеваться, у своего дворецкого, тоже англичанина, – как держаться в обществе. Овдовев, он женился на актрисе с мировым именем, красивой женщине, которая не любила свою работу. Сейчас ему перевалило за шестьдесят, он был членом президентского Консультативного совета и основал многомиллионный именной фонд содействия развитию киноискусства. Его дочь вышла замуж за английского лорда, сын взял в жены итальянскую принцессу.

Его последней страстью, как о том угодливо растрезвонили на всю Америку репортеры, был собственный конный завод, на который он за один только прошлый год истратил десять миллионов долларов. Он произвел сенсацию, когда за неслыханные деньги – шестьсот тысяч долларов – купил знаменитого английского жеребца по кличке Хартум и объявил, что непревзойденный рысак больше не выйдет на беговую дорожку, а будет оставлен на племя исключительно для его конюшен.

Хейгена он встретил учтиво, сведя свое гладко выбритое, покрытое замечательным ровным загаром лицо в гримасу, изображающую улыбку. Несмотря на все затраты, на все усилия лучших косметологов, годы давали себя знать: это лицо как будто сшили из отдельных лоскутов дубленой кожи. Однако движения его были полны живости – от него, как от дона Корлеоне, тоже исходило ощущение, что он самовластно повелевает миром, в котором живет.

Хейген начал сразу с сути дела. Он явился по поручению своего клиента, друга Джонни Фонтейна. Это весьма влиятельный человек, и, оказав ему небольшую любезность, мистер Вольц может смело рассчитывать на его благодарность и неизменное расположение. А небольшая любезность заключается в том, чтобы пригласить Джонни Фонтейна сниматься в новой военной картине, которую студия намечает запустить в производство на будущей неделе.

Дубленое лицо оставалось бесстрастным, учтивым.

– Какие же услуги берется мне оказать ваш друг? – спросил Вольц. В его голосе прозвучала едва заметная нотка снисходительности.

Хейген пропустил эту нотку мимо ушей. Он объяснил:

– У вас называют неприятности по линии профсоюзов. Мой клиент дает вам полную гарантию, что избавит вас от этих неприятностей. Далее. У вас есть актер – звезда номер один, ваша студия зарабатывает на нем большие деньги, – а между тем он наркоман и только что перешел с марихуаны на героин. Мой друг может поручиться, что героина этот актер больше не достанет. А в будущем, при каких бы то ни было затруднениях, вам достаточно будет позвонить мне, и все уладится.

Джек Вольц слушал, как слушают хвастливую детскую болтовню. Потом спросил в упор, нарочито переходя на стиль разговора, принятый в Ист-Сайде:

– Что, прижать меня надумали?

Хейген невозмутимо сказал:

– Вовсе нет. Я пришел просить за друга об одолжении. И хотел показать, что вы при этом ничего не теряете.

В мгновение ока, словно по команде, лицо Вольца преобразилось в злобную маску. Рот скривился, крашенные густые брови широкой черной полосой сошлись над сверкнувшими глазами. Он перегнулся к Хейгену через стол.

– Вот что, паршивец обтекаемый, можете передать своему боссу – не знаю, как там его, – коротко и ясно. Джонни Фонтейну в этой картине не сниматься никогда. Пускай хоть каждый день ломятся в дверь бандюги из мафии, мне плевать. – Он откинулся назад. – А вам, приятель, один небольшой совет. Есть такой Джон Эдгар Гувер – слышали, надо думать? – Вольц презрительно усмехнулся. – Это мой близкий друг. Стоит мне довести до его сведения, что на меня пытаются оказать нажим, и вам, голубчикам, костей не собрать.

Хейген терпеливо слушал. От такой фигуры, как Вольц, он ожидал большего. Неужели человек, который так глупо себя ведет, смог возглавить компанию, ворочающую сотнями миллионов? Тут есть над чем поразмыслить – тем более что дон подыскивает себе что-нибудь новое для помещения капитала, и, если в киноиндустрии заправляют подобные дубы, может быть, это как раз то, что нужно. Ругань не трогала Хейгена совершенно. Искусству вести переговоры он обучался у самого дона. Никогда не сердись, внушал ему дон. Никогда не угрожай, заставь человека здраво рассуждать. Насколько лучше звучало это «рассуждать» по-сицилийски: «*rajunah*», разбираться. Главное искусство состояло в том, чтобы не замечать ни оскорблений, ни угроз, подставлять левую щеку, когда тебя ударят по правой. Хейгену довелось быть свидетелем того, как дон восемь часов просидел, глотая оскорбления, в усилии урезонить оголтелого гангстера с манией величия, поднявшего вокруг себя много шума. Восемь часов, – а потом дон Корлеоне беспомощно вскинул вверх ладони и, обращаясь к тем, кто сидел за столом, сказал:

– Да нет, этот человек не понимает, когда с ним хотят спокойно разобраться. – И размеренной поступью вышел из комнаты.

Гангстер побелел от страха. За доном побежали вдогонку, вернули его. Переговоры увенчались соглашением, но через два месяца гангстера застрелили в его любимой парикмахерской.

И Хейген начал снова – самым обычным, ровным голосом.

– Взгляните, вот моя визитная карточка, – сказал он. – Я адвокат. Неужели я стану навлекать на себя беду? Разве я вам угрожал хоть словом? Я просто говорю, что готов принять любые ваши условия, чтобы Джонни Фонтейн снимался в этой картине. Я, кажется, уже и так порядочно предложил вам за столь незначительное одолжение. Одолжение, которое, насколько я понимаю, к тому же отвечает и вашим интересам. По словам Джонни, вы сами признаете, что он, как никто другой, подходит для этой роли. Замечу, что иначе мы к вам никогда бы и не обратились. Мало того, если вас беспокоит денежная сторона вопроса, то мой друг берется финансировать постановку фильма. Только, пожалуйста, не поймите меня превратно. Нет так нет. Заставить вас никто не может – и не пытается. Позволю себе прибавить, что мой босс знает о вашей дружбе с мистером Гувером и относится к ней с уважением. С большим уважением.

Вольц черкал по бумаге красной ручкой, вделанной в большое гусиное перо. Услышав про деньги, он оторвался от бумаги и проявил первые признаки интереса.

– По смете эта картина обойдется в пять миллионов, – высокомерно сказал он.

Хейген присвистнул, показывая, что цифра произвела на него впечатление. Потом сказал, очень небрежно:

– У моего босса много друзей, готовых поддержать его в любом начинании.

Только теперь, кажется, Вольц стал принимать его всерьез. Он пробежал глазами визитную карточку Хейгена.

– Что-то я не слыхал о вас, – сказал он. – Большинство крупных адвокатов в Нью-Йорке мне знакомы – вы-то откуда взялись?

– Я представляю одну солидную фирму, – сухо сказал Хейген. – Веду лишь ее дела, никаких прочих. – Он встал. – Ну, не буду больше отнимать у вас время.

Он протянул руку, Вольц пожал ее. Хейген сделал несколько шагов к двери и оглянулся.

– Я полагаю, вам часто приходится иметь дело с незначительными людьми, которые норовят выдать себя за важную персону. В моем случае дело обстоит как раз наоборот. Отчего бы вам не справиться обо мне подробнее у нашего общего знакомого? Если у вас появятся новые соображения, позвоните мне в гостиницу. – Он помолчал. – Возможно, вам это покажется невероятным, но моему клиенту доступно такое, перед чем может спасовать даже мистер Гувер. – Он увидел, как сощурились глаза продюсера. До Вольца наконец-то дошло. – Между прочим, я горячий поклонник ваших картин, – прибавил Хейген самым умильным тоном. – Надеюсь, ничто не помешает вам и дальше творить благое дело. Родина скажет вам спасибо.

Ближе к вечеру Хейгену позвонила секретарша продюсера и сказала, что примерно через час за ним заедет машина и отвезет его к Вольцу за город, обедать. Ехать часа три, но в машине есть холодильник с напитками и легкой закуской. Хейген знал, что Вольц летает домой на собственном самолете. Отчего же его не приглашают лететь? Любезный голосок секретарши продолжал:

– Мистер Вольц предлагает, чтобы вы захватили с собою вещи, и утром вас доставят в аэропорт.

– Хорошо, – сказал Хейген.

Тоже странно. Откуда Вольцу известно, что утром ему лететь назад в Нью-Йорк? Он на мгновение задумался. Скорее всего, Вольц приставил к нему частных сыщиков с заданием собрать о нем как можно больше информации. Но тогда Вольц должен знать, что Хейген действует от лица дона, а следовательно, иметь о доне некоторое представление и теперь

будет настроен подойти к делу серьезно. Глядишь, еще что-нибудь и выгорит, подумал Хейген. Может статься, у Вольца голова работает лучше, чем ему показалось сегодня утром.

Поместье Джека Вольца напоминало прекрасные, как в сказке, декорации роскошного киноевщика. Дом – словно дворец рабовладельца-плантатора, огромный парк, за ним – дорожка для верховой езды, проложенная по жирному чернозему, конюшня, выгон, рассчитанный на целый табун лошадей. Живые изгороди, клумбы, газоны были подстрижены и ухожены, как шевелюра модной кинозвезды.

Вольц встретил Хейгена на застекленной веранде с кондиционером. Продюсер был одет по-домашнему, в синюю шелковую рубашку с отложным воротничком, горчичного цвета брюки, кожаные мягкие сандалии. Сочные цвета и богатая ткань резко оттеняли дубленое грубое лицо. Он взял с подноса два высоких стакана мартини, один подал Хейгену. Держался Вольц заметно приветливей, чем утром. Он обнял Хейгена за плечи.

– До обеда есть еще немного времени, – сказал он. – Пойдемте поглядим на моих лошадок.

По пути к конюшне он сказал:

– Я наводил о вас справки, Том, – зря вы сразу не сказали, что ваш хозяин Корлеоне. Я думал – так, пройдоха средней руки, нанятый Джонни, прискакал взять меня нахрапом. А меня нахрапом не возьмешь. И не потому, что я стремлюсь наживать себе врагов, – это не в моих правилах. А впрочем, не будем сейчас портить себе удовольствие. О делах можно потолковать после обеда.

Как ни странно, Вольц оказался радушным хозяином. Он подробно рассказывал о нововведениях, с помощью которых рассчитывал затмить все конные заводы Америки. Конюшня была целиком построена из огнеупорных материалов, содержалась в идеальной чистоте и под охраной специальной группы частных детективов. Напоследок Вольц подвел его к стойлу, на котором красовалась тяжелая бронзовая доска с надписью: «Хартум».

Даже Хейген своим неискушенным глазом без труда определил, что жеребец, занимающий стойло, великолепен. Вороной масти, весь черный как смоль, лишь на широком лбу – белая звездочка. Карие длинные глаза Хартума мерцали, точно золотистые яблоки, смоляной тугой круп лоснился, как атлас. Вольц с мальчишеской гордостью сказал:

– Лучший скакун в мире. Куплен в Англии в прошлом году за шестьсот кусков. Ручаюсь, что даже русские цари столько не отдавали за одного коня. Но на скачки я его не пушу, он у меня останется на племя. Буду выводить таких рысаков, каких еще не выдывали в Америке. – Он потрепал коня по холке, тихонько приговаривая: «Хартумчик, Хартум».

В его голосе слышалась неподдельная нежность, и жеребец, кажется, почувал ее тоже. Вольц сказал:

– Знаете, я ведь отлично езжу верхом, а первый раз сел в седло, когда мне было пятьдесят. – Он рассмеялся. – Возможно, с моей бабкой в России побаловался какой-нибудь казак и во мне есть казацкая кровь. – Он пощекотал Хартуму брюхо и прибавил завистливо и восхищенно: – Вы взгляните, каким его оснащением природа наградила. Мне бы такое хозяйство...

Они вернулись в дом. За столом прислуживали три лакея под присмотром дворецкого, скатерть была расшита золотом, подавали на серебре, – но сам обед показался Хейгену средним. Вольц, очевидно, жил один и к еде относился равнодушно. Хейген ждал и не заговаривал о деле и, лишь когда они с Вольцем закурили толстые гаванские сигары, спросил:

– Так как же, даете вы Джонни роль?

– Не могу, – сказал Вольц. – Даже при всем желании было бы невозможно занять Джонни в этой картине. Договора со всеми участниками подписаны, и с той недели начинаются съемки. Что-то сейчас перекраивать уже не в моей власти.

Хейген нетерпеливо сказал:

– Мистер Вольц, когда имеешь дело с человеком, который не обязан никому подчиняться, есть одно большое преимущество – с такого рода соображениями можно не считаться. В вашей власти сделать все, что вы пожелаете. – Он попытался сигарой. – Вы не верите, что моему клиенту по силам выполнить свои обещания?

Вольц сухо сказал:

– Я допускаю, что меня ждут неприятности с профсоюзом. Гофф мне насчет этого звонил – да как разговаривал, мерзавец, никогда не подумаешь, что ежегодно огребает у меня сотню тысяч в запечатанном конверте. Допускаю также, что вам удалось бы отвадить от героя моего актера, этого педрилу на ролях настоящего мужчины. Но все это меня мало волнует, а финансировать свои картины я могу сам. Дело в том, что я ненавижу этого поганца Фонтейна. Передайте вашему хозяину – это единственная любезность, в которой я ему вынужден отказать, другую сделаю с удовольствием. Любую другую – пусть только скажет.

«Тогда за каким же ты чертом, подлец, меня тащил сюда в такую даль», – подумал Хейген. Видно, продюсер держал на уме что-то еще.

Хейген холодно сказал:

– Боюсь, вы неверно представляете себе положение вещей. Мистер Корлеоне доводится Джонни Фонтейну крестным отцом. Их связывают очень близкие, освященные церковью отношения. – При этих словах Вольц вежливо склонил голову. Хейген продолжал: – У итальянцев есть шутка – жизнь слишком сурова, без второго отца не обойтись, на этот случай у них и существуют крестные отцы. А поскольку у Джонни отец скончался, мистер Корлеоне особенно глубоко сознает свою ответственность. Что же касается того, чтобы обратиться к вам за какой-то другой услугой, – для этого мистер Корлеоне слишком щепетилен. Он никогда не попросит об одолжении того, кто однажды отказал.

Вольц пожал плечами:

– Жаль. Я все-таки вынужден ответить отказом. Но раз уж вы здесь – во сколько мне обойдется уладить трения по части профсоюза? Плачу наличными. Прямо сейчас.

Кое-что начинало проясняться. Хейген мог уже не ломать себе голову, зачем Вольцу понадобилось так долго с ним возиться, если он все равно решил не давать Джонни роль. И ничего эта встреча изменить не могла. Вольц чувствовал себя в безопасности, власть дон Корлеоне была ему не страшна. В самом деле, что Вольцу бояться дон Корлеоне? С такими связями в высших политических кругах – таким козырем, как знакомство с шефом ФБР, с неограниченными средствами и неограниченной властью в кинопромышленности... Любой здравомыслящий человек – и Хейген в том числе – счел бы, что Вольц правильно оценивает свое положение. Если продюсер согласен нести потери, которые повлечет за собой забастовка, дону к нему подобраться неоткуда. И лишь одно уязвимое место было во всех этих расчетах. Дон Корлеоне обещал своему крестнику, что тот получит роль, а Хейген не помнил, чтобы дон Корлеоне в подобных случаях хоть раз не сдержал обещания.

Хейген спокойно сказал:

– Вы умышленно искажаете смысл моих слов. Вам непременно хочется сделать из меня соучастника вымогательства. Мистер Корлеоне обещает вступить за вас в конфликт с профсоюзом исключительно по дружбе – из признательности, что вы вступились за его подопечного. Вы пускаете в ход свое влияние, он – свое, дружеский обмен любезностями, ничего больше. Однако вы, я вижу, не настроены подойти к делу серьезно. Я лично считаю, что вы совершаете ошибку.

Вольц словно ждал подходящей минуты, чтобы взорваться.

– Я прекрасно все понял, – сказал он. – Узнаю почерк мафии. Все гладко да сладко, а в сущности – угрозы. Будем говорить начистоту. Никогда Джонни Фонтейну не видать этой роли, хотя он прямо-таки рожден для нее. Сыграл бы – и разом бы попал в число великих звезд экрана. Только ему никогда ее не сыграть, потому что я на дух не выношу этого пакостника,

этого подпевалу смутьянов – и намерен вышвырнуть его из кино. И вот почему. Он загубил одну из самых многообещающих моих протеже. Пять лет я школил девочку – уроки пения, уроки танцев, уроки актерского мастерства, истратил сотни тысяч долларов. Мечтал сделать из нее звезду. Буду еще откровенней, чтобы показать вам, что я не бездушный человек, – не все тут сводилось к долларам и центам. Девочка была красива, и притом лучшей в постели я не пробовал, – а уж я их перепробовал по всему свету. Умела высосать мужчину досуха, что твой насос. Но вот является Джонни со своим приторным тенорком и опереточными итальянскими чарами, и девочку поминай как звали. Все променяла на него, а из меня сделала посмешище. В моем положении, мистер Хейген, непозволительно выглядеть смешным. Я должен рассчитаться с Фонтейном.

Вот теперь Хейген был действительно поражен. Чтобы зрелый человек, состоятельный, солидный, мог принимать во внимание такую чепуху, когда решается дело – и дело столь нешуточное? Непостижимо! В мире Хейгена – мире Корлеоне – красота и интимные достоинства женщин не имели никакого отношения к деловым вопросам. Считалось, что это твое частное, личное – кроме, конечно, тех случаев, когда речь шла о браке или семейной чести. Хейген решил сделать последнюю попытку.

– Вы совершенно правы, мистер Вольц, – сказал он. – Но настолько ли существенны ваши претензии? По-моему, вы не отдаете себе отчета, какое важное значение имеет для моего клиента эта, в сущности, пустяковая услуга. Мистер Корлеоне держал Джонни на руках еще грудного, на крестинах. Когда у Джонни умер отец, родительские обязанности взял на себя мистер Корлеоне – и учтите, его называют Крестным отцом многие, очень многие, кто желает выразить ему свое уважение и благодарность за его доброту. Мистер Корлеоне никогда не оставляет своих друзей в беде.

Вольц резким движением поднялся со стула:

– Ну, довольно, поговорили. Не хватало еще, чтобы мне всякая шпана диктовала свои условия. Это я ей диктую условия. Стоит мне поднять трубку – и вы, любезнейший, будете ночевать за решеткой. И если этот ваш громила вздумает прибегнуть к сильным средствам, он быстро убедится, что я ему не эстражник. Да-да, слышали мы и эту историю. Поймите, от вашего мистера Корлеоне мокрого места не останется. Даже если мне придется для этого пустить в ход мои связи в Белом доме.

Болван – ох, что за болван! И как это он ухитрился стать pezzonovante, думал Хейген. Советник президента, хозяин крупнейшей в мире киностудии. Определенно, дону есть смысл вложить деньги в кинобизнес. Причем этот субъект понимает все слова буквально. Не видит, что за ними стоит...

– Благодарю вас за угощение, за приятный вечер, – сказал Хейген. – Вы не могли бы помочь мне добраться в аэропорт? Пожалуй, я не останусь ночевать. – Он взглянул на Вольца с холодной улыбкой. – Мистер Корлеоне предпочитает узнавать дурные новости сразу.

Когда Хейген, дожидаясь машины, стоял у освещенной прожекторами колоннады, он увидел, как в длинный лимузин у подъезда садятся две женщины. Те самые, которых он видел утром в приемной Вольца: мать и двенадцатилетняя дочка, маленькая красотка с золотистыми кудрями. Только теперь прелестно очерченный ротик девочки вспух, расплылся бесформенным красным месивом. Густо-синие глаза заволокло мутию, длинные ножки подламывались и заплетались, как у подбитого жеребенка, когда она сходила по лестнице к открытой дверце лимузина. Мать поддерживала ее, устраивала на сиденье, повелительно шипела ей что-то на ухо. Потом обернулась, украдкой скользнула по Хейгену быстрым взглядом, хищные птичьи глаза ее горели торжеством. Мгновение спустя она тоже скрылась в машине.

Так вот отчего ему не предложили лететь из Лос-Анджелеса самолетом, подумал Хейген. С кинопродюсером летели мать и дочь. Чтобы у Вольца осталось до обеда время отдохнуть и

обработать маленькую девочку, ребенка. И Джонни хочет жить в таком мире? Что ж, остается пожелать ему удачи – впрочем, и Вольцу тоже.

Поли Гатто терпеть не мог браться за работу наспех, в особенности когда работать предстояло кулаками. Он любил все наметить и распределить заранее. Тем более что дела вроде сегодняшнего – хотя, казалось бы, и делом-то не назовешь, так, поучить пару сопляков – могут обернуться серьезной морочкой, если сыграть свою роль неточно. Потягивая пиво, он оглянулся проверить, как у сопливых щенков подвигаются переговоры с девочками у стойки бара.

Всю нехитрую подноготную щенков – их звали Джерри Вагнер и Кевин Мунан – Поли Гатто знал досконально. Обоим лет по двадцать, симпатичные на вид ребята, ладные, высокие, темно-русые. Обоим через две недели возвращаться из города в колледж – влиятельные папаши со связями, да плюс к тому студентам положена отсрочка, так что покамест, до поры до времени, отвертелись от призыва в армию. На том и другом висит условный приговор за попытку изнасиловать дочь Америкго Бонасеры. Сукины дети, мысленно выругался Поли Гатто. От призыва увилить, лакать после полуночи спиртное в баре в нарушение условий приговора, таскаться за дешевками! Сволочи. Сам Поли получил отсрочку от службы в армии по состоянию здоровья, представив на призывную комиссию медицинскую справку, что больной имярек (пол – мужской, цвет кожи – белый, возраст – двадцать шесть лет, семейное положение – холост) проходил курс лечения электрошоком по поводу психического заболевания. Чистейшая липа, естественно, но Поли Гатто считал, что он-то получил освобождение от призыва заслуженно. Оно досталось ему стараниями Клеменцы, после того как Гатто, служа семейству Корлеоне, показал себя в деле. В мокром деле.

От того же Клеменцы теперь он получил наставление, что поучить щенков требуется безотлагательно, до того, как они вернутся с каникул в колледж. Непонятно, какого дьявола понадобилось обязательно делать это в Нью-Йорке, думал Гатто. Вечно этот Клеменца тебе указывает каждый шаг – нет чтобы распорядиться, а дальше – выполняй как знаешь. Вот увянут эти две потаскушки следом за юнцами – и пропадай, как уже сколько раз бывало, задаром целый вечер.

Он услышал, как одна из девчонок расхохоталась:

– Ты что, ошалел? В машину? С тобой? Нет уж, больно надо – загремишь, чего доброго, в больницу, как та бедняжка.

Ее голос звучал самодовольно, злорадно.

Поли Гатто большего и не требовалось. Он допил кружку пива и вышел на улицу. Первый час ночи. Обстановка – как на заказ. Всего в одном еще баре виден свет. Остальные питейные заведения и лавки закрыты. Патрульную машину с полицейскими взял на себя Клеменца. Она не покажется, пока не получит сигнал по радио, – да и тогда тронется к месту происшествия ползком.

Поли прислонился к дверце «Шевроле». На заднем сиденье, почти невидимые, несмотря на свой дюжий рост, сидели двое. Поли сказал:

– Берите их, как выйдут.

Подумаешь, загорелось – скорей, скорей... Клеменца выдал ему две фотографии из полицейского архива, анфас, сказал, в каком баре эти фраеры торчат каждый вечер и клеят девочек у стойки. Поли отобрал из наличного резерва пару «шестерок» поздоровей и обрисовал им, кого придется поучить. А также – в каких пределах. Без ударов по голове, по затылку – без крайностей, одним словом. А так могут не стесняться.

– И притом с условием, – сказал Гатто. – Если эти красавцы пролежат в больнице меньше месяца, то вам, ребятки, снова крутить баранку на грузовиках.

Двое вылезли из машины. В прошлом тот и другой были боксерами, но дальше захудалых спортклубов не пошли, и тут их выручил Санни Корлеоне, предоставил возможность подра-

батывать, давая незаконно деньги в рост. Теперь им жилось сносно. Понятно, оба рады были показать, что помнят добро.

Когда Джерри Вагнер и Кевин Мунан показались из дверей бара, они как раз дозрели до той кондиции, которая устраивала Поли. Девчонка погладила их против шерсти, и юнцы самолюбиво ощетинились. Поли Гатто, лениво опершись о крыло своей машины, фыркнул и ехидно пропел:

– Эй, казанова, красиво тебя отшила та деваха.

Юнцы с готовностью устремились к нему, как будто только того и ждали. На таком сорвать зло – одно удовольствие. Малорослый, щуплый, как хореk, и к тому же нахал – первый лезет. Они налетели на Гатто с разбега, и в тот же миг им сзади скрутили руки те двое. Поли привычно и быстро надел на правую руку кастет, сработанный по особому заказу и усаженный короткими железными шипами. Поли работал точно – он три раза в неделю ходил в спортзал на тренировки. Коротким ударом он размозжил переносицу щенку по имени Вагнер. Тот, что держал Вагнера сзади, слегка приподнял его, и Поли с удобством всадил апперкот в подставленный ему пах. Вагнер обмяк, и руки, державшие его, разжались; он упал. Вся операция заняла секунд пять, не больше.

Теперь настала очередь Кевина Мунана, тем более что он начал подавать голос. Второй из несостоявшихся боксеров удерживал его без труда одной мускулистой увесистой лапой. Другая ручища сдавила Мунану горло так, что он не мог больше издать ни звука.

Поли Гатто юркнул в машину и включил зажигание. Двое тем временем делали из Мунана отбивную котлету. Они трудились с устрашающей старательностью, словно вопрос о времени занимал их меньше всего. Били без суеты, размеренно и методично, в полную силу своих тяжеловесных тел. Каждый удар отзывался тошнотворным чавканьем рассекаемой живой плоти. Гатто мельком увидел лицо Мунана. Оно было неузнаваемо. Двое оставили Мунана лежать на тротуаре и занялись теперь Вагнером. Как раз в это время, с трудом поднимаясь на ноги, Вагнер стал звать на помощь. Кто-то высунулся на крик из бара, теперь надо было поторапливаться. Вагнера сбили с ног, он рухнул на колени. Один из его истязателей вывернул ему руку и поддал ногой в спину. Что-то хрупнуло, и на жуткий вопль Вагнера по всей улице стали распахиваться окна. Теперь двое орудовали очень быстро. Один, зажав голову Вагнера в ладонях, как в тисках, приподнял его с земли. Другой хватил по неподвижной мишени кулаком. Из бара высыпали люди, но никто не пробовал вмешаться. Поли Гатто гаркнул:

– Кончай, линяем отсюда!

Двое верзил вскочили в машину; Поли дал полный газ. Кто-нибудь потом скажет, как выглядела машина, кто-то другой запомнит ее номер, но тем дело и кончится. Номер был краденый, снят с машины из Калифорнии, а черных «Шевроле» в Нью-Йорке самое малое – сто тысяч.

Глава 2

В четверг Хейген с утра поехал в город, в свою адвокатскую контору. Он рассчитывал наверстать упущенное, приведя в порядок бумаги, – внести полную ясность в дела, готовясь к предстоящей в пятницу встрече с Виргилием Солоццо. Встрече такой первостепенной важности, что он просил дону освободить целый вечер, чтобы обсудить деловое предложение, которое, по их сведениям, Солоццо сделает семейному клану Корлеоне. Да – ясность во всем, до последней мелочи, пусть ничто постороннее не мешает ему сосредоточиться на этом предварительном совещании с доном.

Дон не выказал удивления, когда, возвратясь во вторник поздно вечером из Калифорнии, Хейген рассказал, чем кончились его переговоры с Вольцем. Он только настоял, чтобы Хейген не пропустил ни одной подробности, гадливо поморщился, когда он говорил о красивой девочке и ее мамаше. И буркнул «*infamita*» – это слово у него выражало крайнюю степень отвращения. Под конец он задал Хейгену один вопрос:

– Есть в этом человеке настоящая крепость?

Хейген помолчал, стараясь уловить суть вопроса. В своих взглядах, как он успел убедиться за долгие годы, дон был до того не похож на большинство людей, что и слова у него могли иметь иное значение. Есть ли у Вольца характер? Есть сила воли? Да, безусловно, но не об этом спрашивает дон. Хватит ли у продюсера мужества не дать себя запугать? Хватит решимости пойти на тяжелые убытки, которые повлечет за собою простой на студии и скандал, когда его хваленного актера разоблачат как наркомана? Видимо, тоже да. Но и не это опять-таки имеет в виду дон. Наконец Хейген нашел правильное истолкование: достанет ли Джеку Вольцу крепости поставить на карту все – всем рискнуть из мести, из принципа, ради чести?

Хейген улыбнулся. Нечасто он разрешал себе ответить дону шуткой, но сейчас не удержался.

– Вы спрашиваете, сицилиец ли он? – Дон довольно покивал в знак того, что оценил лестный смысл остроты и согласен с ней. – Нет, – сказал Хейген.

И все. Дон раздумывал недолго. Уже в среду он вызвал Хейгена к себе после ленча и отдал нужные распоряжения. Остаток рабочего дня Хейген провел, выполняя их в состоянии, близком к телячьему восторгу. Он ни минуты не сомневался, что дон решил задачу и Вольц завтра же утром позвонит и объявит, что главную роль в его новом фильме о войне получает Джонни Фонтейн...

Зазвонил телефон – но нет, то был голос Америкго Бонасеры. Голос, срывающийся от избытка благодарности. Пусть Хейген передаст дону, что похоронщик – его друг до гробовой доски. Пусть только дон скажет слово – он, Америкго Бонасера, все исполнит. Он жизнь отдаст за Крестного отца, да благословит его бог. Хейген обещал, что передаст.

«Дейли ньюс» не пожалела отвести центральный разворот на фотографии Джерри Вагнера и Кевина Мунана после избиения. Опытный фотограф постарался: в бесформенных грудах на тротуаре не осталось почти ничего человеческого. Каким-то чудом, писала «Дейли ньюс», оба остались в живых, но неизвестно, сколько месяцев пролежат в больнице и сколько пластических операций им придется перенести. Хейген записал себе – сказать Клеменце, чтобы как-то отметил Поли Гатто. Похоже, что малый знает свое дело.

Работа спорилась; Хейген просидел над бумагами три часа, сводя воедино бухгалтерские отчеты о прибылях компании по продаже недвижимости, компании по импорту оливкового масла, строительной фирмы, принадлежащих дону. До сих пор дела там шли ни шатко ни валко, но война кончилась, и отныне каждое из трех предприятий должно было стать богатым источником доходов. Хейген стал уже забывать про Джонни Фонтейна и его проблемы, когда

секретарша сказала, что звонят из Калифорнии. Ощущая вдоль спины холодок предвкушения, Хейген взял трубку.

– Хейген слушает.

Голос, ворвавшийся в телефон, был неузнаваем от ненависти, от неистовой злобы.

– Сволочь вонючая! – визжал Вольц. – Всех вас упрячу за решетку! Последний грош отдам, а вас сгною в тюрьме! Я этого Джонни Фонтейна на всю жизнь оскоплю, слышишь ты, пададь итальянская?

Хейген ласково сказал:

– Я полунемец-полуирландец.

Наступило долгое молчание, потом в телефоне звякнуло – Вольц бросил трубку. Хейген усмехнулся. Ни единым словом Вольц не задел самого дона Корлеоне. Талант не остался без признания.

...Джек Вольц всегда спал один. На его кровати легко поместились бы десять человек, а спальня с успехом годилась, чтобы снимать в ней сцену бала, – и все-таки, с тех пор как умерла его первая жена, он вот уже десять лет спал один. Это не значит, что он обходился без женщин. Он был, несмотря на свои годы, еще полон жизни, но возбудить его теперь могли лишь совсем юные девочки, а сил и охоты ему хватало всего часа на два под вечер.

В этот четверг он почему-то проснулся рано. Светало, но над огромной спальней, словно туман над лугом, еще стлался сумрак. Далеко, в ногах необъятной кровати, виднелся какой-то предмет знакомых очертаний, и Вольц грузно приподнялся на локтях, чтобы получше разглядеть его. По форме предмет напоминал лошадиную голову. Еще не очнувшись, спросонья, Вольц потянулся и зажег свет на ночном столике.

То, что он увидел, сокрушило его, словно приступ внезапного недуга.словно его ударили в грудь тяжелой кувалдой. Сердце остановилось, потом бешено заскакало – и Вольца вырвало прямо на роскошный ковер.

На спинке кровати, в лепешке запекшейся крови, была укреплена воронья, шелковистая голова знаменитого жеребца Хартума. Белыми нитями торчали сухожилия. На морде лежала пена; крупные, как яблоки, с золотым отблеском глаза налились тусклой, мертвой кровью, точно плод гнилью. Вольца обуял животный ужас – от ужаса он стал не своим голосом звать слуг, от ужаса позвонил Хейгену и разразился неистовыми угрозами. Он так бесновался, что не на шутку всполошившийся дворецкий вызвал к нему его личного врача и помощника с киностудии. Но к тому времени, как они приехали, Вольц уже овладел собой.

Он был глубоко потрясен. Кем же надо быть, чтобы обезглавить коня ценой в шестьсот тысяч долларов? Без всяких предупреждений. Без единой попытки сторговаться и избежать этой крайности. Полная беспощадность, полное пренебрежение ко всем и всяческим ценностям выдавали человека, который не чтит иных законов, кроме собственной воли, – иных богов, кроме себя самого. И обладает при этом такой силой и изобретательностью, что никакая охрана ему не препятствие. Ибо к тому времени уже выяснилось, что жеребца сначала накачали снотворным, а потом не спеша отрубили ему топором треугольную тяжелую голову. Ночные сторожа божились, что ничего не слышали. Вольц не верил. Вздор, им можно развязать языки. Их подкупили, и можно выведать, кто с ними расплачивался.

Вольц был человек неглупый, только в высшей степени самоуверенный. Он заблуждался, полагая, что превосходит силой дона Корлеоне. Чтобы разуверить его, просто требовались доказательства. На этот раз он все понял правильно. Что как он ни богат, как ни вхож к президенту Соединенных Штатов, как ни дружен с директором ФБР, но некая серая личность, чье дело – ввозить из Италии оливковое масло, устроит так, что его убьют. Возьмут и убьют! Потому что он не дает Джонни Фонтейну сняться в той роли, которая ему нравится. Это было невероятно. Люди не имеют права так поступать! В мире что-то нарушилось, если люди так

поступают. Это безумие. Это значит, что ты не волен распоряжаться по-своему ни собственными деньгами, ни предприятием, принадлежащим тебе, ни властью, которая тебе дана. Это в сто раз хуже всякого коммунизма. Этого невозможно допустить...

Врач дал ему успокоительную таблетку, она помогла Вольцу унять свои нервы и собраться с мыслями. Больше всего его ошеломило, с какой небрежной легкостью этот Корлеоне погубил коня, прославленного на весь мир, стоящего шестьсот тысяч долларов. Шестьсот тысяч! А ведь это только первый шаг. Вольц содрогнулся. Он подумал о той жизни, которую себе создал. Он богат. К его услугам самые обворожительные женщины в мире, стоит лишь поманить их пальцем и обещать контракт. Его приглашают на свои приемы короли и королевы. У него есть все, чем власть и деньги способны украсить человеческое существование. Надо сойти с ума, чтобы поставить такую жизнь на карту ради пустой прихоти. Ах, добраться бы до этого Корлеоне! Интересно, что полагается по закону за убийство лошади?... Он дико захохотал; врач и слуги уставились на него с испугом. Потом ему пришло в голову другое. Ведь, пожалуй, из-за того, что какой-то наглец посрамил его своей дерзкой выходкой, ему грозит опасность стать посмешищем всей Калифорнии. Это решило дело. Это – и еще мысль, что, может быть, они и не убьют его. Может быть, у них есть в запасе что-нибудь пострашнее, поизощренней.

Вольц начал отдавать приказания. Он привел в действие аппарат своих приближенных. Со слуг и с доктора, под страхом навлечь на себя вечную немилость Вольца, взяли клятву хранить молчание. Прессе сообщили, что знаменитый рысак Хартум стал жертвой болезни, от которой его не уберегли, когда везли из Европы. Останки были тайно преданы земле в поместье Вольца.

Через шесть часов режиссер-постановщик позвонил Джонни Фонтейну и сказал ему, чтобы с понедельника приступал к работе.

В тот вечер Хейген пришел к дону Корлеоне, чтобы подготовить его к завтрашней, очень важной встрече с Виргилием Солоццо. Дон Корлеоне призвал и старшего сына – Санни Корлеоне стоял, лениво прихлебывая виски. Его тяжелое лицо осунулось от усталости. «Все трудится над невестинной подружкой, – подумал Хейген. – Мало мне было забот».

Дон Корлеоне, пытая сигарой «Ди Нобили», расположился в кресле. Коробка этих сигар, благодаря стараниям Хейгена, присутствовала в кабинете неизменно. Он пробовал перевести донна на гаванские, но дон утверждал, что от гаванских у него саднит в горле.

– Все ли нам известно, что требуется? – спросил дон Корлеоне.

Хейген раскрыл папку со своими записями. Ничего компрометирующего – лишь одному ему понятные заметки, чтобы не упустить существенных деталей.

– Солоццо придет просить нашей помощи, – сказал Хейген. – Он будет просить у семьи Корлеоне по крайней мере миллион долларов и обещание в какой-то мере обеспечить защиту от закона. А нам взамен предложит участие в деле, в каких размерах – пока неизвестно. За Солоццо стоит семейство Татталья, они, может статься, тоже в доле. Дело это – наркотики. У Солоццо есть связи в Турции – там выращивают мак. Оттуда Солоццо переправляет его на Сицилию. Это несложно. На Сицилии мак перерабатывают в героин. Для страховки можно изготавливать и всего лишь морфий. Похоже, впрочем, что производить героин на Сицилии совершенно безопасно. Единственная сложность – ввозить наркотики сюда и распространять их. А также – начальные издержки. Миллион долларов наличными под ногами не валяется.

Хейген заметил, что дон Корлеоне поморщился, – он не терпел лирики в деловых разговорах. Том Хейген заторопился дальше:

– Солоццо прозвали Турком. По двум причинам. Первая – он долгое время жил в Турции, и, по слухам, у него там жена и дети. Вторая – говорят, чуть что, хватается за нож, во всяком случае, хватался, когда был молод. Но только в интересах дела и, в общем, когда его действительно ущемят. Ума ему не занимать, и кланяться он никому не будет. Он – человек с

прошлым, дважды сидел в тюрьме, раз в Италии, раз в Штатах, властям известен как торговец наркотиками. Для нас, в случае чего, это плюс. Поскольку его считают главарем, да при таком прошлом, – ему никогда не выступать свидетелем на суде: кто обеспечит ему неприкосновенность? Кроме того, у него здесь, в Америке, есть жена и трое детей, он хороший семьянин. Отсидит любой срок и не выдаст, если будет уверен, что они живут безбедно.

Дон Корлеоне попытался сигарой, спросил:

– Сантино, ты что думаешь?

Хейген предвидел, что ответит Санни. Санни наскучило смотреть на мир из отцовских рук. Ему хотелось самостоятельно вести крупное дело. Вроде того, какое собирается предложить Солоццо.

Санни отхлебнул из стакана.

– Белый порошок – это большие деньги, – сказал он. – Но и опасность большая. Можно загреметь в тюрьму лет на двадцать. Я бы сказал, если держаться в стороне от самих операций, взять на себя только защиту и финансирование, то, пожалуй, неплохая идея.

Хейген одобрительно взглянул на него. Хорошо сыграл. Подчеркнул очевидные преимущества – в его положении это самый правильный ход.

Дон Корлеоне снова пыхнул сигарой.

– А твое мнение, Том?

Хейген настроился говорить с предельной откровенностью. Он уже понял, что дон Корлеоне откажет Солоццо. И хуже всего, думал Хейген, что это один из немногих случаев на его памяти, когда дон Корлеоне предусмотрел не все. Он не заглядывает в будущее.

– Давай, Том, – подбодрил его дон Корлеоне. – Даже *consiglieri*-сицилиец не всегда соглашается с хозяином.

Все трое рассмеялись.

– Я думаю, вам следует принять предложение, – сказал Хейген. – Причины очевидны. И главная – вот в чем. Наркотики обещают больше прибыли, чем любое другое дело. Если мы откажемся, возмутся другие, хотя бы семейство Татталья. При том доходе, который они получают, у них будет все больше влияния и в политике, и в полицейском аппарате. Перевес в силе окажется на их стороне. В дальнейшем они начнут наступать нам на пятки, прибирать к рукам то, чем теперь владеем мы. Это как в мировой политике – раз у одной страны есть оружие, значит, и другая вооружается. Если они окрепнут в финансовом отношении, они станут для нас угрозой. Мы держим в руках игорные дома и профсоюзы, и на сегодня это самое стоящее. Но завтрашний день – за наркотиками. Я считаю, войти в дело необходимо, иначе мы рискуем потерять все, что у нас есть. Не сейчас – но лет через десять неизбежно потеряем.

Казалось, это произвело на дону Корлеоне впечатление. Он запыхтел сигарой и уронил негромко:

– А это, конечно, самое важное.

Он вздохнул и встал на ноги.

– Так в котором часу у нас завтра встреча с этим неверным?

– В десять утра, – с надеждой ответил Хейген. Вдруг дон все-таки решится.

– Будьте оба при этом разговоре, – сказал дон.

Он выпрямился и тронул за руку сына.

– Сантино, выпишь хоть нынче – ты на черта похож. Пожалей себя, не век тебе быть молодым.

Ободренный этим проявлением родительской заботы, Санни задал вопрос, на который не отважился Хейген:

– Пап, так что ты ответишь?

Дон Корлеоне улыбнулся:

– Как знать, послушаем, что он скажет о нашей доле в процентах, о других деталях. Кроме того, я должен основательно обдумать советы, высказанные вами. В конце концов, я не из тех, кто принимает решения второпях. – Уже в дверях он мимоходом заметил, обращаясь к Хейгену: – А у тебя там в записях значится, каким образом Турок кормился до войны? От проституции кормился. Как ныне – семья Татталья. Ты это себе пометь, а то забудешь.

В голосе дон звучала едва уловимая насмешка, и Хейген покраснел. Он умышленно опустил эту частность, на том законном основании, что она не относится к делу, но в глубине души – из опасения, как бы она не повлияла на решение дон. Все знали, сколь чопорен дон Корлеоне в вопросах, связанных с сексом.

«Турок» Солоццо был невысок ростом, мускулист, смуглокож. Он и вправду смахивал на турка – недобрые черные глаза, тонкий кривой нос. Держался он с большим достоинством.

Санни Корлеоне встретил его у дверей и провел в кабинет, где уже ждали Хейген и дон. В жизни не встречал более опасного на вид существа, не считая Люки Брази, подумал Хейген.

Все обменялись любезными рукопожатиями. «Если дон спросит, есть ли настоящая крепость в этом человеке, – думал Хейген, – я бы ответил – да». Даже в доне Корлеоне не чувствуется такой силы. Тем более что сегодня дон явно не в ударе. Он слишком простоват, слишком уж по-крестьянски звучат его приветствия.

Солоццо сразу заговорил о главном. Речь идет о наркотиках. Все уже на мази. Владельцы маковых полей в Турции берутся поставлять ему ежегодно твердое количество сырья. Во Франции под надежным прикрытием налажено производство морфия. На Сицилии – абсолютно надежное производство героина. Ввозить сырье во Францию и на Сицилию вполне безопасно – в мыслимых для подобных случаев пределах. Ввозить готовый товар в Соединенные Штаты – значит терять пять процентов, поскольку, как они оба знают, ФБР-то не подкупишь. И все же доходы предвидятся огромные, а опасности практически никакой.

– Почему вы тогда пришли ко мне? – вежливо осведомился дон. – Чем заслужил я такое великодушие?

Темное лицо Солоццо не изменилось.

– Мне нужны два миллиона долларов, – сказал он. – Наличными. И, что не менее существенно, нужен человек, у которого есть влиятельные друзья на важных должностях. Когда-то кто-то из моих нарочных попадется. Это неизбежно. В прошлом у каждого все будет чисто – за это я ручаюсь. Значит, на суде они, по логике, могут отделаться мягким приговором. Мне нужно, чтобы те, кто влипнет, отсидели с гарантией год или два, не больше. Тогда они будут молчать. Но если им дадут лет по десять-двадцать, кто знает? На свете разные есть люди, есть много слабодушных. Могут и проболтаться, могут навлечь беду на тех, кто важнее их. Для нас покровительство закона – необходимость номер один. Я слышал, дон Корлеоне, что у вас в кармане судей не меньше, чем медяков у чистильщика сапог.

Дон Корлеоне не отозвался на лесть.

– И какова будет доля моего семейства? – спросил он.

Глаза Солоццо сверкнули.

– Пятьдесят процентов, – сказал он. Помолчал и прибавил вкрадчиво: – В первый год это три или четыре миллиона. Дальше ваша доля будет возрастать.

Дон Корлеоне сказал:

– А каков будет процент семьи Татталья?

В первый раз за время разговора у Солоццо забежали глаза.

– К ним отойдет часть моей доли. Мне понадобится их помощь на оперативном уровне.

– Так, – сказал дон Корлеоне. – Я, значит, получаю пятьдесят процентов всего лишь за финансовое содействие и защиту от закона. И никаких забот по части самих операций – я вас правильно понял?

Солоццо склонил голову набок.

– Если у вас два миллиона наличными называются «всего лишь», мне остается только вас поздравить, дон Корлеоне.

Дон сказал миролюбиво:

– Я дал согласие встретиться с вами из уважения к семейству Татталья и потому, что слышал, что вы серьезный человек, также достойный уважения. Я вынужден отказаться от вашего предложения, но хочу объяснить почему. Доходы от вашего предприятия огромны, но и риск огромный. Этот род занятий таков, что, работая с вами, я поставлю под удар другие мои дела. Верно, у меня много друзей на важных политических должностях – очень много, но они отнесутся ко мне далеко не по-дружески, когда узнают, что вместо азартных игр я занимаюсь наркотиками. Азартные игры они считают невинным пороком – вроде пьянства, но наркотики в их глазах – занятие грязное. Нет-нет, не возражайте. Это они так считают, не я. Кто как зарабатывает деньги – меня не касается. Я просто хочу сказать, что ваше предложение слишком опасно. Вот уже десять лет все мое семейство живет спокойно, безбедно. Я не вправе из корысти ставить их благосостояние и жизнь под угрозу.

Недовольство Солоццо можно было заметить лишь по быстрому взгляду, который он метнул в сторону Хейгена и Санни, как бы надеясь на их поддержку. Он спросил:

– Вы беспокоитесь за свои два миллиона?

Дон Корлеоне сухо улыбнулся.

– Нет, – сказал он.

Солоццо сделал еще один заход:

– За сохранность вашего капитала поручится и семья Татталья.

И тут Санни Корлеоне, забыв свое место, забыв о доводах разума, совершил грубый промах.

– То есть Татталья обеспечат нам сохранность капитала и не потребуют за это процентов? – заинтересованно спросил он.

Хейген похолодел. Он заметил, как дон Корлеоне перевел ледяной, зловещий взгляд на сына – как Санни вдруг застыл в недоумении и тревоге. Глаза Солоццо вновь сверкнули, на этот раз удовлетворенно. Он нашел брешь в крепости Корлеоне. Когда дон Корлеоне заговорил снова, стало ясно, что он подводит черту под разговором.

– Молодым людям всего мало, – сказал он. – И притом нынешняя молодежь скверно воспитана. Младшие перебивают старших. Они суют нос куда не следует. Но я питаю слабость к своим детям и, как видите, разбаловал их. Итак, синьор Солоццо, мое «нет» – окончательно. Тем не менее от себя лично желаю вам всяческого успеха. Мы можем вести дела, не мешая друг другу. Жалею, что мне пришлось отказать вам.

Солоццо поклонился, пожал руку дону Корлеоне, и Хейген проводил его к машине. Когда Солоццо прощался с Хейгеном, лицо его было бесстрастно.

Хейген вернулся в кабинет. Дон Корлеоне спросил его:

– Что ты думаешь насчет этого человека?

– Он сицилиец, – сдержанно ответил Хейген.

Дон Корлеоне задумчиво кивнул. Потом повернулся к сыну и ласково сказал:

– Сантино, никогда не показывай посторонним, что у тебя на уме. Никогда не раскрывай перед чужими свои карты. Я думаю, у тебя оттого голова плохо работает, что ты слишком закрутился с этой девчонкой. Кончай, пора заниматься делами. А теперь ступай прочь.

Хейген увидел, что отцовский упрек вызвал у Санни сначала удивление, потом злость. Неужто Санни рассчитывал, что дон не узнает о его новой победе? И неужто не понял, какую серьезную оплошность он сейчас допустил? Если так, то Хейген не хотел бы стать *consigliori* у дона Сантино Корлеоне...

Дон Корлеоне подождал, пока Санни уйдет. Потом опустился опять в свое кожаное кресло. Хейген налил ему рюмку анисовой. Дон Корлеоне поднял на него глаза.

– Вызови ко мне Люку Брази, – сказал он.

Прошло три месяца. Хейген торопливо заканчивал работу в своей городской конторе, спеша уйти пораньше, чтобы купить жене и детям рождественские подарки. Его отвлек телефонный звонок. Джонни Фонтейн захлебывался от счастья. Картина отснята, прогоняли (куда прогоняли, подумал Хейген) – рев стоял. Он посылает дону Корлеоне потрясающий подарок к Рождеству – привез бы лично, но ему осталось еще кое-что доделать в фильме. Хейген нетерпеливо слушал. Чары Джонни Фонтейна никогда на него не действовали. В нем только пробудилось любопытство.

– И что же за подарок?

Джонни Фонтейн хмыкнул:

– Не скажу! Хорош подарок, если заранее все известно!

Хейгену сразу сделалось скучно, и он при первой возможности вежливо закончил разговор.

Через десять минут его секретарша доложила, что звонит Конни Корлеоне, – подойдет ли он? Хейген вздохнул. В девушках Конни была славным человечком, но вышла замуж и сделалась несносной. Без конца жалуется на мужа. Приезжает проведать мать и остается на два, на три дня. Да, Карло Рицци определенно оказался нестоящим приобретением. Получил очень приличное доходное местечко и гробит его буквально на глазах. К тому же пьянствует, гуляет на стороне, спускает деньги и, случается, поколачивает жену. Родным Конни об этом не рассказывала, но Хейгену говорила. Интересно, какие новые горести она поведаст ему теперь.

Но, похоже, ее тоже захватило предпраздничное настроение. Она просто хотела спросить, что бы такое, по мнению Хейгена, подарить на Рождество отцу. И Санни с Фредом. И Майку. Матери она уже знает что купить. Хейген посоветовал одно, другое – Конни с ходу все подряд браковала, объявляя неостроумным. В конце концов она все-таки отпустила его душу на покаяние.

Телефон зазвонил снова, и Хейген смахнул бумаги назад в плетенку. К чертям это все. Он уходит. Ему, впрочем, даже в голову не пришло, что можно не брать трубку. Когда секретарша сказала, что звонит Майкл Корлеоне, досада Хейгена сразу прошла. Он всегда любил Майка.

– Том, – сказал Майкл Корлеоне, – я завтра приеду в город, с Кей. Хочу до праздников поговорить с отцом, это важно. Он дома завтра вечером?

– Будь покоен, дома, – ответил Хейген. – На Рождество он никуда не отлучится. Может, я тебе чем-то могу быть полезен?

Выведать что-нибудь у Майкла было не легче, чем у дона Корлеоне.

– Да нет, – сказал он. – На Рождество увидимся, все соберутся в Лонг-Бич, так?

– Так, – ответил Хейген. Майкл повесил трубку. Занятно, слова лишнего не скажет.

Хейген поручил секретарше предупредить его жену, что он немного задержится, но все же поспеет к ужину. Потом вышел на улицу и быстро зашагал в сторону магазинов «Мейси». Кто-то загородил ему дорогу. Хейген поразился: перед ним был Солоццо.

– Не бойтесь, вы мне нужны на два слова, – тихо сказал Солоццо и взял Хейгена за руку.

Дверца машины, стоящей у обочины, распахнулась. Солоццо сказал настойчиво:

– Нам надо поговорить, садитесь.

Хейген вырвал руку. Он еще не успел встревожиться, был лишь раздосадован.

– Я тороплюсь, – сказал он.

За его спиной встали двое. У Хейгена вдруг ослабели ноги.

– Садись в машину, – мягко проговорил Солоццо. – Если бы я хотел убить тебя, ты уже был бы на том свете. Доверься мне.

Довериться? Солоццо?.. Хейген влез в машину.

Майкл Корлеоне сказал Хейгену неправду. Он уже был в Нью-Йорке, в двух шагах от конторы Хейгена, и звонил из отеля «Пенсильвания». Он положил трубку, и Кей Адамс зага-сила свою сигарету.

– Ну и силен же ты врать, Майк!

Майкл присел рядом на кровать.

– Только ради тебя, милая, – если бы мои узнали, что мы в городе, пришлось бы тут же катить к ним. И значит, ни обеда в ресторане, ни театра, а уж о том, чтобы спать сегодня вместе, и говорить нечего. Пока мы не женаты, да у отца в доме – ни-ни.

Он обнял ее и поцеловал в нежные губы. Тихонько опустил вместе с нею на подушки. Кей закрыла глаза, с готовностью отвечая на его ласки. Вот оно, счастье, подумал Майкл. Когда он воевал на Тихом океане, на этих чертовых островах, в грязи, в крови, он мечтал о такой девушке, как Кей Адамс. Красивой, как Кей. О хрупком теле с молочно-белой кожей, наэлектризованном страстью. Она открыла глаза и притянула его голову к себе для поцелуя. Они ласкали друг друга, покуда не настало время идти обедать, а потом – в театр.

После обеда они прошли мимо ярко освещенных магазинов, где в праздничном оживлении толпились покупатели.

– Что тебе подарить на Рождество? – спросил Майкл.

Она взяла его под руку.

– Себя, больше ничего. Как думаешь, одобрит твой отец такую невестку?

Майкл сказал мягко:

– Это-то ладно. Вопрос в том, одобрят ли такого зятя твои родители.

Кей пожала плечами:

– Мне это все равно.

– Я подумывал даже, не сменить ли мне фамилию – официально, хотя, если что-нибудь произойдет, это в общем-то не спасение. Ну а ты твердо решила, что хочешь стать Корлеоне?

– Да, – сказала она без улыбки.

Они тесней прижались друг к другу. Пожениться решили на рождественской неделе – тихо, без шума: взять в свидетели двух друзей, расписаться в ратуше, и все. Майкл только хотел непременно сказать отцу. Отец, объяснил он, возражать не станет, лишь бы от него ничего не скрывали. Насчет своих Кей сомневалась. Пожалуй, будет разумнее поставить их уже перед фактом.

– Решат, конечно, что я беременна, – сказала она.

– Думаешь, мои не решат? – фыркнул Майкл.

Оба молчали о том, что Майклу придется порвать с семьей. Правда, Майкл и без того отдалился от родных, но все же обоих слегка угнетало сознание вины. Пока не закончится учение, они собирались встречаться по субботам и воскресеньям, проводить вместе летние каникулы. Чем не счастливая семейная жизнь...

В театре шел мюзикл «Карусель», чувствительная история про хвастливого мошенника, – наблюдая ее, они с улыбкой переглядывались в отдельных местах.

Когда они вышли из театра, на улице похолодало. Кей зябко прижалась к Майклу.

– Вот поженимся, начнешь меня бить, а после «звезду украдешь мне в подарок» – так там пели?

Майкл рассмеялся.

– Я стану преподавать математику... – Потом спросил: – Хочешь, не пойдем в гостиницу, а сперва перекусим?

Кей качнула головой, со значением посмотрев ему в глаза. Майкла неизменно трогала в ней эта готовность предаться любви. Он усмехнулся, глядя на нее сверху вниз, и они поцеловались прямо на студенном ветру. Все же Майклу хотелось есть. Ладно – он закажет бутерброды в номер.

В вестибюле Майкл подтолкнул Кей к газетному киоску.

– Купи газеты, а я пока возьму ключ.

Он стал в очередь – после войны в отелях все еще не хватало прислуги. Наконец получил ключ, нетерпеливо огляделся. Кей стояла у киоска, держа в руках газету. Он подошел. Она подняла голову, и он увидел, что она плачет.

– Майк! – сказала она. – Ох, Майк!..

Он выхватил газету у нее из рук. В глаза бросилась фотография: его отец лежит на мостовой, головой в луже крови. Рядом, сидя на обочине тротуара, рыдает Фредди, его брат. Майкл оледенел. Ни горя, ни страха не было – только холодная ярость.

Он сказал Кей:

– Езжай наверх.

Но пришлось отвести ее к лифту. Они поднялись вместе, молча. В номере Майкл сел на кровать и развернул газету. Взглянул на заголовки:

«СТРЕЛЯЛИ В ВИТО КОРЛЕОНЕ».

**«ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ГЛАВАРЬ
РЭКЕТИРОВ ТЯЖЕЛО РАНЕН».**

**«ВРАЧИ ДЕЛАЮТ ОПЕРАЦИЮ ПОД
УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ ПОЛИЦИИ».**

«ВОЗМОЖНА КРОВАВАЯ РЕЗНЯ».

У Майкла вдруг задрожали ноги. Он сказал:

– Отец жив, эти сволочи не прикончили его.

Он перечитал заметку. Стреляли в пять часов вечера. Значит, пока они с Кей были в постели, обедали, ходили в театр, отец его был на волосок от смерти. Майкл заскрипел зубами, как от боли.

Кей спросила:

– Поедем в больницу?

Майкл мотнул головой.

– Сначала я позвоню домой. В него стреляли отчаянные люди – когда они узнают, что он жив, то пойдут на все. Можно ждать чего угодно.

Оба номера в доме были заняты, и Майкл дозвонился лишь минут через двадцать. Голос Санни сказал:

– Слушаю.

– Санни, это я, – сказал Майкл.

Санни вздохнул с облегчением:

– Фу, черт, мы за тебя перепугались, старик! Где ты есть? Я послал людей в этот твой городишко проверить, как ты там.

– Как отец? – спросил Майкл. – Это серьезно?

– Очень. Пять раз стреляли. Но он держится. – В голосе Санни слышалась гордость. – Врачи говорят, что выживет. Слушай, я сейчас занят, не могу разговаривать. Ты где?

– В Нью-Йорке, – ответил Майкл. – Том разве не сказал, что я приеду?

Санни запнулся.

– Они схватили Тома. Понял, почему я беспокоился за тебя? Здесь его жена. Она еще не в курсе, полиция тоже. И пусть, покамест. Эти скоты знали, на что шли. Жми сюда и помалкивай, ясно?

– Ясно, – отозвался Майкл. – Известно тебе, чья это работа?

– А как же, – ответил Санни. – Погоди, вот явится Люка Брази, и тогда все они, считай, – убоина. Козыри пока что у нас.

– Через час приеду, – сказал Майкл. – Я на такси.

Он повесил трубку. Уже три часа продают газеты. Вероятно, и по радио передавали, в последних известиях. Неужели Люка еще не знает? Это вопрос, над которым стоит задуматься. Куда пропал Люка Брази? Об этом спрашивал сейчас себя Хейген. Этот же вопрос тревожил Санни Корлеоне.

Без четверти пять дон Корлеоне кончил просматривать счета, представленные ему управляющим компанией по импорту оливкового масла. Он надел пиджак и легонько постучал пальцем по макушке Фредди, который сидел, уткнувшись в газету.

– Пусть Гатто подает машину со стоянки, – сказал он. – Я через несколько минут буду готов. Едем домой.

Фредди недовольно буркнул:

– Я сам пойду за машиной. Поли болен – звонил, что опять простудился.

Дон Корлеоне задумчиво сказал:

– Третий раз за этот месяц. Видимо, надо искать взамен кого-нибудь покрепче. Скажи Тому.

Фред возразил отцу:

– Да нет, Поли нормальный парень. Каждый ведь может заболеть. Подумаешь, большое дело – подать машину.

Он вышел. Дон Корлеоне смотрел из окна, как его сын переходит Девятую авеню и идет к автомобильной стоянке. Дон задержался, чтобы позвонить Хейгену, но в его конторе никто не ответил. Тогда он позвонил к себе домой в Лонг-Бич, но и там не подошли к телефону. Досадно. Дон снова глянул в окно. Машина уже стояла у подъезда. Фредди, скрестив руки на груди, прислонился к крылу и глазел на предпраздничную толчею у магазинов. Дон застегнул пиджак. Управляющий подал ему пальто, дон Корлеоне проворчал «спасибо» и стал спускаться по лестнице – контора была на втором этаже.

По-зимнему рано смеркалось. Фредди стоял, небрежно опираясь на крыло мощного «Бьюика». Увидев, что отец выходит из подъезда, он обошел машину и сел за руль. Дон Корлеоне открыл было дверцу со стороны тротуара, но передумал и направился к фруктовому базарчику на углу позади. С недавних пор это стало у него привычкой, ему нравилось видеть зимой огромные спелые фрукты, желтые персики и апельсины, которые лакомо лоснились на зеленых лотках. Хозяин услужливо подскочил к нему. Дон Корлеоне не дотрагивался до фруктов. Он показывал пальцем. Только раз хозяин возразил ему, показав, что у выбранного персика с другой стороны гнилой бочок. Дон Корлеоне взял пакет с фруктами в левую руку, вынул правой бумажку в пять долларов, расплатился. Получил сдачу, и в ту минуту, как повернулся к машине, из-за угла появились двое. Дон Корлеоне мгновенно понял, что должно произойти.

Они были в черных пальто, в черных шляпах, низко надвинутых на глаза, – свидетелям после не опознать. Но они не рассчитали: реакция у дона Корлеоне была молниеносная. Он выронил пакет и кинулся к машине с проворством, почти невероятным при его грузной фигуре, крича на бегу:

– Фредо! Фредо!

Лишь тогда двое выхватили автоматы и открыли стрельбу.

Первая пуля попала дону Корлеоне в спину. Ощущение было такое, словно его хватили между лопаток молотком, – но он все же усилием воли бросил свое тело к машине. Две другие пули угодили ему в ягодицы, и он рухнул посреди улицы. Двое, перепрыгивая через рассыпанные под ногами фрукты, уже приближались, чтобы прикончить его. Но тут на крик отца – прошло секунд пять, не больше – выскочил из машины Фредерико Корлеоне. Неизвестные наспех выстрелили в лежащего еще два раза. Одна пуля попала в руку, не задев кость, другая – в икру правой ноги. Эти раны, сравнительно легкие, обильно кровоточили – дон лежал в луже крови. И теперь он потерял сознание.

Фредди услышал, как отец зовет его – тем именем, которым звал в детстве, – услышал два первых выстрела. Он выскочил из машины и остолбенел, забыл даже вытащить свой автомат. Убийцы могли пристрелить его в два счета. Но у них тоже сдали нервы. Они наверняка знали, что сын их жертвы вооружен, – к тому же вся операция слишком затянулась. Они скрылись за углом, и Фредди остался на улице один с истекающим кровью отцом. Прохожие попрятались в подъезды, кто-то бросился наземь, другие испуганно сбились в кучки.

Фредди так и не взял в руки оружие. Его словно оглушило. Он бессмысленно уставился на отца, лежащего ничком в темной луже крови, – она казалась Фредди черным озером. Он был в шоке, на него точно столбняк напал. Отовсюду начали стекаться люди, поднялась суета; кто-то, увидев, что Фредди оседает вниз, оттащил его к тротуару и усадил на обочину. Вокруг дона Корлеоне собралась толпа, круг распался, когда в людскую гущу, завывая сиреной, вползла первая полицейская машина. Следом примчалась машина газеты «Дейли ньюс» с радиостановкой – наружу почти что на ходу выпрыгнул фотограф и принялся щелкать камерой над окровавленным доном Корлеоне. Прибыла «Скорая помощь». Фотограф занялся Фредди Корлеоне, который сидел и плакал навзрыд, – странно и немного смешно было видеть, как он размазывает слезы и сопли по грубому толстогубому лицу, по мясистому носу. В толпе зашныряли агенты в штатском, подъехали новые полицейские машины. Какой-то детектив, присев на корточки возле Фредди, задавал ему вопросы, но Фредди, все еще в шоке, не отвечал. Агент запустил руку в карман его пиджака и вытащил оттуда бумажник. Кинул взгляд на водительские права и свистнул своему напарнику. Мгновение, и полицейские в штатском отрезали Фредди от толпы. Первый агент вынул из его наплечной кобуры автомат. Фредди подняли на ноги и затолкали в машину без опознавательных знаков. Машина тронулась, за нею следом – автомобиль «Дейли ньюс». Фотограф щелкал и щелкал – все и всех подряд.

Сразу после покушения к Санни Корлеоне пять раз за полчаса позвонили по телефону. Первым был детектив Джон Филипс, он состоял на жалованье у семьи Корлеоне и вместе с другими агентами в штатском находился в машине, которая первой подоспела к месту происшествия. Не называя себя, он спросил:

– Вы узнаете мой голос?

– Ага, – отозвался Санни. Он как раз задремал, когда жена позвала его к телефону.

Филипс сказал скороговоркой:

– Кто-то стрелял в вашего отца возле его конторы. Пятнадцать минут назад. Он жив, но тяжело ранен, его забрали во Французскую больницу. Ваш брат Фредди сейчас в полицейском отделении в Челси. Когда его отпустят, позовите к нему врача. Я теперь еду в больницу – на случай, если мистер Корлеоне сможет давать показания. Буду держать вас в курсе дел.

Сандра, жена Санни, сидя по другую сторону стола, увидела, что лицо мужа наливается кровью. Глаза его остекленели.

– Что? – прошептала она.

Санни нетерпеливо отмахнулся от нее и отвернулся, заслоняя собою трубку:

– Это точно, что он жив?

– Точно, – ответил агент. – Много было крови, но, по-моему, пострадал не так сильно, как кажется.

– Спасибо, – сказал Санни. – С меня тысяча долларов. Завтра в восемь утра будьте дома, вам принесут.

Он навис над столом, охватив ладонями телефонный аппарат. Усилием воли заставил себя усидеть на месте. Он знал, что главная его слабость – необузданность в гневе, а сейчас был как раз тот случай, когда уступить гневу означало погибнуть. Первым делом нужно было связаться с Томом Хейгеном. Не успел он протянуть руку к трубке, как телефон затрезвонил снова. Звонил букмекер, откупивший у семейства право содержать тотализатор в том районе, где находилась контора дона. Звонил сказать, что дон убит, застрелен на улице. После первых же вопросов выяснилось, что человек, от которого букмекер получил эти сведения, к потерпевшему близко не подходил, и Санни отмел их как не стоящие внимания. Информация, поступившая от Филиппа, внушала больше доверия. И сразу же раздался третий звонок. Это был репортер из «Дейли ньюс». Едва он назвался, как Санни Корлеоне швырнул трубку.

Он набрал номер Хейгена, подошла его жена. Санни спросил:

– Том уже дома?

Она ответила:

– Нет. – Прибавив, что он будет минут через двадцать, она ждет его к ужину.

– Пусть позвонит мне, – сказал Санни.

Он старался трезво оценить обстановку. Старался представить себе, как поступил бы на его месте отец. С первой минуты было ясно, что покушение – дело рук Солоццо, но никогда Солоццо не посмел бы замахнуться на человека такого масштаба, как дон, если б не заручился чьей-то очень сильной поддержкой. Он не успел додумать до конца – телефон зазвонил в четвертый раз. Мягко, почти нежно голос в трубке спросил:

– Это Сантино Корлеоне?

– Ну, – ответил Санни.

– Том Хейген у нас, – сказал голос. – Часа через три мы его отпустим, он передаст наши предложения. А пока не торопись, выслушай сначала, что он скажет. Не надо лишних неприятностей. Что сделано, то сделано. Будем здраво смотреть на вещи. Не стоит терять голову – все знают, ты человек горячий, так уж держи себя в руках.

В голосе звучала насмешка. Скорее всего, звонил сам Солоццо, но сказать наверняка было трудно. Санни отозвался глухо, нарочито убитым голосом:

– Хорошо, подожду. – И услышал, как на другом конце положили трубку.

Он взглянул на свои массивные наручные часы с золотым браслетом, заметил точное время разговора, записал его на белой клеенке.

Посидел у кухонного стола в молчании, мучительно морща лоб.

– Что, Санни? – спросила его жена.

Он ответил ровным голосом:

– В отца стреляли. – Увидел ужас на ее лице и грубовато прибавил: – Не плачь, он жив. И больше ничего не случится, будь покойна.

Он не стал говорить ей про Хейгена. И тогда телефон зазвонил в пятый раз.

Это был Клеменца. Одышливый голос толстяка с хрипом вырвался из трубки.

– Слышал про отца? – спросил он.

– Слышал, – ответил Санни. – Но он жив.

Последовала долгая пауза, потом Клеменца голосом, изменившимся от волнения, проговорил:

– Слава тебе, господи, слава богу. – Но тотчас же спохватился в тревоге: – Ты точно знаешь? Я слышал, он скончался прямо на улице.

– Он жив, – сказал Санни. Он напряженно вслушивался в звучание каждого слова Клеменцы. Похоже, взволнован искренне, но ведь по долгу службы толстяку положено быть хорошим актером.

– Теперь тебе действовать, Санни, – сказал Клеменца. – Какие будут распоряжения?

– Езжай сюда, – сказал Санни, – к отцовскому дому. И захвати с собой Поли Гатто.

– Это все? – спросил Клеменца. – А не послать людей в больницу и к вам туда?

– Нет. Мне нужен только ты и Поли Гатто, – сказал Санни.

Наступило долгое молчание. Клеменца начинал понимать. На всякий случай Санни подпустил в голос естественности:

– Где его носит, между прочим, этого Поли? Чем он был занят, черт возьми?

Одышливый свист в трубке умолк. Теперь Клеменца заговорил, сам взвешивая каждое свое слово:

– Ему нездоровилось – простыл немного и остался дома. Он и вообще всю эту зиму прихварывает.

Санни немедленно насторожился:

– Сколько же раз он за последние месяцы не выходил на работу?

– Раза три-четыре. Я предлагал прислать замену, но Фредди каждый раз говорил, не надо. Причин особо-то остерегаться не было – сам знаешь, десять лет все шло гладко.

– Ну да, – сказал Санни. – Так. Значит, жду тебя в доме у отца. И обязательно привези Поли. Заезжай за ним по дороге. Болен, здоров – неважно. Ты понял? – И, не дожидаясь ответа, бросил трубку.

Его жена беззвучно плакала. Он молча поглядел на нее, сказал жестко:

– Будет спрашивать кто-нибудь из наших, пусть звонят мне к отцу, по его личному номеру. Чужие позвонят – ты ничего не знаешь. Если жена Тома – скажи, он занят по службе, задержится немного. – Он помедлил. – К нам без меня подъедет народ... – Встретил ее испуганный взгляд и продолжал нетерпеливо: – Пугаться нечего, просто пускай побудут у нас в доме. Ты делай, что они тебе скажут. В случае чего звони в кабинет к отцу, только по пустякам не нужно. И не тревожься, кончай бояться.

Он вышел из дома.

Совсем стемнело, по пятакчу перед домами гулял резкий декабрьский ветер. Санни ступил во мрак без опасений. Все восемь домов в полукольце парковой аллеи принадлежали дону Корлеоне. Два первых дома при въезде по обе стороны снимали верные люди Корлеоне с семьями; квартиры на первом этаже сдавали холостякам, тоже своим, проверенным. Из шести остальных домов, завершающих полукруг, в одном жил Том Хейген с семьей, в другом – Санни, в третьем, самом скромном и маленьком, – дон Корлеоне. Три последних дома дон бесплатно предоставил друзьям, которые отслужили свое, – в случае надобности они бы съехали по первому требованию. Безобидный пятак в парке был на самом деле неприступен, словно крепость.

На каждом из восьми домов был установлен прожектор, заливающий светом пространство вокруг, – ни затаиться, ни спрятаться. Санни перешел на другую сторону и открыл своим ключом дверь отцовского дома.

Он крикнул:

– Ма, ты где?

Из кухни вышла его мать, за нею следом тянулся аромат жарящегося перца. Не дав ей сказать ни слова, Санни взял ее за руку и усадил на стул.

– Мне только что звонили, – сказал он. – Ты только не волнуйся. Папа в больнице, он ранен. Оденься и соберись, поедешь к нему. Сейчас скажу, тебе подадут машину. Хорошо?

Мать поглядела на него в упор.

– В него стреляли? – спросила она по-итальянски.

Санни кивнул. Его мать на мгновение набожно склонила голову. Потом вернулась на кухню, Санни пошел за ней. Смотрел, как она тушит газ под сковородкой с недожаренным перцем, как выходит, поднимается по лестнице в спальню. Он подцепил со сковородки несколько перцев, взял из корзинки на столе ломоть хлеба и, роняя с пальцев горячие капли оливкового масла, соорудил себе громоздкое подобие бутерброда. Затем прошел в просторную угловую комнату, служившую его отцу кабинетом, отомкнул ящик конторки и вынул телефонный аппарат. Это был личный телефон дона Корлеоне, записанный на вымышленное имя по вымышленному адресу. В первую очередь он позвонил Люке Брази. Никто не отвечал. Тогда он позвонил в Бруклин, человеку, беззаветно преданному дону Корлеоне, – второму, буферному саро regime. По имени Тессио. Санни сказал ему, что случилось и что требуется сделать. Он должен отобрать полсотни абсолютно надежных людей. Одних послать на охрану больницы, других – в Лонг-Бич, есть работа.

– Что, и Клеменцу зацепили? – спросил Тессио.

– Я пока не хочу использовать людей Клеменцы, – ответил Санни.

Тессио понял с полуслова, помолчал, потом сказал:

– Извини меня, Санни, я с тобой говорю, как говорил бы твой отец. Не нужно пороть горячку. Я лично не верю, что Клеменца способен продать.

– Ну что ж, спасибо, – сказал Санни. – Я тоже так не думаю, но приходится соблюдать осторожность. Я не прав?

– Прав, – согласился Тессио.

– И вот еще что, – продолжал Санни. – Майк, мой братишка, сейчас в Хановере, штат Нью-Гэмпшир, в университете. Пошли за ним кого-нибудь из наших, кто в Бостоне, пусть доставят его сюда – посидит с нами, покуда не кончится эта заваруха. Я ему позвоню, предупрежу. Тоже хочу подстраховаться, мало ли что.

– Понял, – сказал Тессио. – Сейчас только запущу всю эту механику и сам приеду. Ладно? Ты ведь ребят моих знаешь в лицо?

– Узнаю. – Санни повесил трубку.

Он подошел к маленькому стенному сейфу и открыл его. Вынул синюю кожаную книжечку с алфавитом. Открыл ее на нужной букве и листал, пока не наткнулся на запись, которую искал: «Рей Фаррел. \$5000 к Рождеству». Дальше шел номер телефона. Санни набрал его, спросил:

– Это Фаррел?

Мужской голос на другом конце провода отозвался:

– Я.

– Говорит Сантино Корлеоне, – сказал Санни. – Я к вам с просьбой об одной услуге, и притом дело срочное, не терпит отлагательства. Проверьте для меня два телефона – кому звонили оттуда и кто звонил туда за последние три месяца? – Он продиктовал Фаррелу домашние телефоны Поли Гатто и Клеменцы. Потом прибавил: – Это очень важно. Управитесь до полуночи, будет вам лишний повод повеселиться на Рождество.

Теперь – думать и думать, но прежде нужно было еще раз попробовать дозвониться Люке Брази. Опять не отвечают. Он отогнал от себя тревогу. Как только Люка услышит последние известия, он явится. Санни откинулся на спинку вращающегося кресла. Через час в доме будет не протолкнуться, и каждому приверженцу семейства необходимо будет дать конкретное задание, но лишь теперь, когда у него наконец было время поразмыслить, он осознал, какое нешуточное заварилось дело. За десять лет это был первый вызов семье Корлеоне, ее власти. Покушение организовал Солоццо, это ясно, но Солоццо никогда бы не посмел нанести такой удар, если бы за ним не стоял по крайней мере один из пяти самых могущественных семейных кланов Нью-Йорка. И скорее всего – семья Татталья. А это значит – либо крупномасштабная война, либо немедленная капитуляция на условиях Солоццо. Санни мрачно усмехнулся.

Коварный Турок все рассчитал, только ему не повезло. Дон Корлеоне остался жив, так что предстоит война. Имея в резерве Люку Брази, связи и мощь семейства Корлеоне, исход ее предвидеть нетрудно. И тотчас Санни с новой силой кольнула тревога. Где же все-таки Люка Брази?

Глава 3

В машине было, считая водителя, четыре человека. Хейгена посадили сзади, между теми двоими, что возникли у него за спиной на улице. Солоццо уселся впереди. Человек, сидевший справа от Хейгена, повернулся и нахлобучил ему шляпу на самые глаза; Хейген больше ничего не видел.

– И чтобы мне мизинцем не шелохнул, – прибавил человек.

Ехали недолго, минут двадцать, и, когда вышли из машины, Хейген не понял, где они, – уже стемнело. Его повели в полуподвал, усадили на кухонный стул с прямой спинкой. Солоццо сел за стол напротив. Что-то хищное, ястребиное с особой четкостью проступило в его смуглом лице.

– Не бойся, – сказал он. – Я знаю, ты к силовым структурам в семействе Корлеоне не причастен. Мне надо, чтобы ты помог и своим, и мне помог бы.

Хейген закурил; у него тряслись руки. Кто-то принес бутылку водки, плеснул в кофейную чашку, подал ему. Хейген жадно глотнул жгучую влагу. Дрожь унялась, прошла слабость в ногах.

– Твоего босса нет в живых, – сказал Солоццо. И осекся – у Хейгена из глаз брызнули слезы. Солоццо продолжал: – Его уложили на улице, прямо возле конторы. Я взял тебя сразу, как только мне дали знать об этом. Ты мне поможешь наладить мирные отношения с Санни.

Хейген молчал. Он сам изумился глубине своего горя. К отчаянию примешивался страх смерти. Солоццо вновь заговорил:

– Санни принял бы тогда мое предложение. Верно? Ты сам знаешь, это дело стоящее. За наркотиками будущее. Сулят такие деньги, что каждый года за два имеет шанс разбогатеть. Ваш дон отстал от жизни, время его прошло, а он того и не заметил. Что горевать – он мертв, его не вернешь. Я готов снова пойти на переговоры, а ты убедишь Санни ответить мне согласием.

Хейген сказал:

– Это пустой номер. Санни будет вам мстить до последнего вздоха...

Солоццо перебил его:

– Это сгоряча, на первых порах. Ты его должен образумить. Меня поддерживают Татталья и те, кто с ними. Другие семейства Нью-Йорка пойдут на все, чтобы избежать открытой войны между нами, – пострадает их дело, а значит, и они сами. Если мы с Санни договоримся, ни один семейный синдикат в Америке не станет вмешиваться – даже самые закадычные друзья дона.

Хейген молча рассматривал свои ногти. Солоццо настойчиво продолжал:

– Дон потерял былую хватку. В прежние дни мне бы его не застичнуть врасплох. Другие семейства не доверяли ему, потому что он назначил своим *consigliori* тебя, а ведь ты не сицилиец, даже не итальянец. Если дойдет до большой войны, то семейству Корлеоне конец, и проиграет каждый – я в том числе. Для меня связи семьи Корлеоне в мире политики важнее всяких денег. Поговори с Санни, поговори с *saroperegimes*, и ты поможешь предотвратить кровопролитие.

Хейген подставил свою чашку, ему налили еще.

– Попробую, – сказал он. – Но только Санни с трудом поддается убеждению. А Люку Брази не остановит даже Санни. Вам следует остерегаться Люки. Да и мне тоже, если я стану вашим ходатаем, следует его остерегаться.

Солоццо сказал спокойно:

– Люку я беру на себя. Ты на себя бери Санни и двух других сынков дона. Слушай, скажи им, что сегодня и Фредди мог схлопотать наравне со своим папашей, но моим людям было строго-настрого заказано его мочить. Зачем зря обострять отношения? Скажи им – это мне Фредди обязан тем, что жив остался.

К Хейгену вернулась способность думать. Только сейчас он действительно поверил, что Солоццо не собирается убивать его или держать заложником. Страх схлынул, сменясь безмерным облегчением, и Хейген покраснел от стыда. Солоццо наблюдал за ним с легкой понимающей усмешкой. Хейген напряженно соображал, как быть. Если он откажется выступить в роли адвоката Солоццо, его могут прикончить. Но зачем отказываться? Солоццо ждет, что он лишь изложит его предложение, и изложит должным образом, а это и так входит в обязанности всякого порядочного *consigliori*. К тому же если трезво все взвесить, то Солоццо не так уж и не прав. Кровавой бойни между Татталья и Корлеоне следует избежать любой ценой. Пусть семейство Корлеоне проводит в последний путь усопшего – и забудет, и пойдет на соглашение. А настанет время, после когда-нибудь, можно будет и сквитаться с Солоццо.

Хейген поднял глаза – Солоццо, похоже, читал его мысли. Турок улыбался. И вдруг Хейгена словно током ударило: что с Люкой Брази, почему это Солоццо сидит и ухмыляется? Или Люка пошел на сговор с ним? Хейген вспомнил – в тот день, когда дон Корлеоне отказал Солоццо, Люку Брази вызвали вечером к дону в кабинет, и кто знает, о чем они там совещались с глазу на глаз. Но сейчас ему было не до того. Только бы выбраться отсюда в надежное укрытие, в Лонг-Бич, цитадель семейства Корлеоне.

– Я сделаю, что могу, – сказал он Солоццо. – Думаю, в ваших словах есть резон – сам дон Корлеоне благословил бы нас на это при подобных обстоятельствах.

Солоццо серьезно покивал.

– Вот и отлично, – заключил он. – Не люблю кровопролития. Я деловой человек, а за кровь приходится чересчур дорого платить.

Зазвонил телефон, и один из тех, кто сидел за спиной у Хейгена, снял трубку, послушал, отозвался коротко:

– Ладно, передам.

Он подошел к Солоццо и что-то шепнул ему на ухо. Турок побелел, глаза его сверкнули яростью. По спине Хейгена пробежал холодок страха. Солоццо глядел на него, как бы размышляя, и Хейген понял вдруг, что его не отпустят. Что-то случилось, и он опять в двух шагах от смерти.

Солоццо сказал:

– Старик еще жив. Пять пуль всадили в его сицилийскую кожу, а он все живой.

Он пожал плечами, как бы покоряясь судьбе.

– Не повезло, – сказал он Хейгену. – Мне, тебе. Не повезло.

Глава 4

Подъезжая к отцовскому дому в Лонг-Бич, Майкл Корлеоне увидел, что поперек узкого въезда в парк протянута тяжелая цепь. Все восемь прожекторов ярко освещали полукруглое пространство, вдоль изогнутой обочины выстроились не меньше десятка машин.

Присев на цепь, переговаривались двое. Он их не знал.

– Кто такой? – спросил один, с бруклинским выговором.

Майкл назвал. Из ближнего дома вышел человек, взгляделся в него.

– Сын дона, – сказал он. – Я его проведу.

Майкл пошел за ним следом; у дверей отцовского дома стояли еще двое, Майкла с его провожатым пропустили.

Дом был битком набит народом – он никого не знал. В гостиной увидел Терезу, жену Тома Хейгена; она сидела на диване, прямая, неподвижная, и курила. На кофейном столике перед ней стоял стакан виски. На другом конце дивана развалился тучный Клеменца. Лицо сарогегиме ничего не выражало, но по лбу у него струился пот, изжеванная сигара, зажатая в пальцах, почернела от слюны.

Клеменца поднялся навстречу Майклу – сочувственно тряс ему руку, бормоча:

– Твоя мать в больнице у отца – ничего, все обойдется.

Поли Гатто тоже подошел поздороваться. Майкл взглянул на него с новым интересом. Он знал, что Поли – телохранитель отца, но никто еще не говорил ему, что Поли сегодня не вышел на работу, сказавшись больным. Ему бросилось в глаза напряженное выражение смуглого худого лица. Он слышал, что Гатто быстро продвигается вверх, подает надежды, что он парень не промах, умеет работать чисто и понимать с полуслова. Сегодня он сплеховал... Майкл заметил, что по углам толпятся еще какие-то люди, но лиц их не узнавал. Это не были подчиненные Клеменцы. Он сопоставил одно с другим и понял: Клеменца и Гатто были на подозрении. Думая, что Поли присутствовал при покушении, Майкл снова окинул взглядом его мелкие, как у хорька, черты.

– Как Фредди? Ничего? – спросил он.

Отвечал Клеменца:

– Ему сделали укол, спит теперь.

Майкл подошел к жене Хейгена, нагнулся и поцеловал ее в щеку. Они всегда чувствовали симпатию друг к другу.

– Насчет Тома не волнуйся, – шепнул он. – Все будет хорошо. Ты говорила с Санни?

Тереза на миг прижалась к нему и покачала головой. Хрупкая, очень хорошенькая, она была похожа скорее на американку, а не итальянку, и сейчас она была насмерть перепугана. Майкл взял ее за руку, поднял с дивана и повел в отцовский кабинет.

Санни сидел за письменным столом, в одной руке он держал желтый блокнот, в другой – карандаш. При нем был только сарогегиме Тессо, его-то Майкл узнал и сразу понял, чьи это люди в доме, откуда взялась эта новая дворцовая охрана. Тессо тоже держал блокнот и карандаш.

Увидев вошедших, Санни встал из-за стола и обнял жену Хейгена.

– Не бойся, Тереза, – сказал он. – С Томом все в порядке. Они только хотят передать с ним свои предложения, а значит, отпустят. Он же не по оперативной части – он просто наш адвокат. Им проку нет его трогать.

Он отпустил Терезу и, к немалому удивлению Майкла, притянул его к себе и чмокнул в щеку. Майкл отпихнул брата и ухмыльнулся:

– То всю жизнь лупцевал, а то – нате вам, телячьи нежности! – Они вечно дрались мальчишками.

Санни передернул плечами.

– Пойми, старик, я беспокоился, когда обнаружилось, что тебя нет в твоей богом забытой дыре. Мне бы, конечно, начхать, если б тебя уложили, – да матери как скажешь? Хватит того, что про отца пришлось объявить.

– Ну и как она?

– Молодцом, – сказал Санни. – Ей не впервой. Мне тоже. Это ты был тогда сосунком и мало чего смыслил, а вырос уже в мирной обстановке. – Он помолчал и прибавил: – Она у него в больнице. И он выживет.

– Как насчет того, чтобы и нам съездить? – спросил Майкл.

Санни качнул головой.

– Мне в таких обстоятельствах нельзя отлучаться из дому, – сухо сказал он.

Зазвонил телефон. Санни взял трубку, принял к ней с напряженным вниманием. Майкл как бы невзначай шагнул к столу и заглянул в желтый блокнот брата. На листке значились семь имен. Первыми – Солоццо, Филипп Татталья и Джон Татталья. Майкла точно кипятком ошпарило: значит, он прервал Санни и Тессио в тот момент, когда они составляли список людей, которых надо убить.

Санни положил трубку.

– Обождите в гостиной, а? – сказал он, обращаясь к Терезе и Майклу. – Нам с Тессио нужно тут кое-что закончить.

– Что, насчет Тома звонили? – Жена Хейгена спросила это с несвойственной ей резкостью, но и едва не плача от страха. Санни обнял ее за плечи и подвел к двери.

– Слово тебе даю, с ним ничего не случится, – сказал он. – Посиди там пока. Я как что-нибудь узнаю, сразу выйду к тебе.

Он закрыл за ней дверь. Майкл теперь уже сидел в большом кожаном кресле. Санни окинул его быстрым цепким взглядом и вернулся на прежнее место за столом.

– Гляди, Майк, – сказал он. – Будешь тереться возле меня, услышишь такое, что сам будешь не рад.

Майкл закурил.

– А вдруг я пригожусь, – сказал он.

– Э нет, – сказал Санни. – Отец мне век не простит, если я дам тебе ввязаться.

Майкл вскочил.

– Слушай ты, бревно, он же мне отец! Мне что, не положено, если я могу помочь? А я могу. Не обязательно идти палить в народ – я помогу иначе. И хватит обращаться со мной как с маленьким. Я, между прочим, воевал. И меня ранили, не помнишь? Я людей убивал, японцев. Ты чего испугался? Что я в обморок упаду, оттого что ты кого-то хлопнул?

– И вообще – сдавайся, руки вверх, – усмехнулся Санни. – Ладно уж, оставайся, будешь сидеть на телефоне. – Он повернулся к Тессио. – Мне как раз о том звонили, чего нам не хватало. – Он оглянулся на Майкла. – Кто-то их навел на отца. Может быть, Клеменца, а может, и Поли Гатто – что-то очень он кстати прихворнул сегодня. Я теперь уже знаю кто, но поглядим, как ты шевелишь мозгами, ты же у нас образованный. Ну, Майк, кто продал нас Солоццо?

Майкл снова сел, откинулся на спинку кожаного кресла. Не торопясь, перебрал в памяти то, что знал. Клеменца в семейном синдикате Корлеоне занимал должность *sarogregime*. Благодаря дону Корлеоне Клеменца сделался миллионером, больше двадцати лет он дону близкий друг. Ему принадлежит одно из ключевых мест в организации. Что выиграл бы Клеменца, предав своего дона? Деньги? Он очень богат, но ведь, с другой стороны, людям всегда мало. Власть? Хотел сквитаться за старую обиду, за мнимый недостаток внимания? Не мог стерпеть, что должность *consigliori* досталась Тому Хейгену? Или – из деловых соображений, полагая, что Солоццо одержит верх? Нет, невозможно, чтобы Клеменца был предателем. И тотчас Майкл с грустью понял – оттого лишь невозможно, что он не хочет Клеменце смерти. В детстве толстяк

всегда приносил ему подарки, водил гулять, если отец был занят. Нет, все же никак не верится, что это Клеменца предал.

Хоть, впрочем, очень вероятно, что никого Солоццо так не жаждал переманить к себе из стана Корлеоне, как Клеменцу.

Теперь – Поли Гатто. Поли еще не сколотил состояния. Он на хорошем счету, уверенно идет в гору, но до вершины далеко, а пока ему еще служить и служить наравне с другими. А он молод и, значит, спит и видит себя у власти. Да, получается, что Поли... Тут Майкл вспомнил, как они когда-то ходили вместе в шестой класс, и ему захотелось, чтобы это не был Поли.

Он покачал головой.

– Ни тот ни другой, – сказал он.

Сказал так потому, что Санни уже знал ответ. Если бы вопрос решался большинством, он назвал бы виновным Поли Гатто. Санни улыбался ему.

– Успокойся, – сказал он. – Клеменца чист. Это Поли.

Майкл заметил, что Тессио облегченно перевел дыхание. Он сам *sarogegime*, и потому его симпатии на стороне Клеменцы. Кроме того, раз измена не в самых верхах, значит, и положение не столь серьезно. Тессио осторожно спросил:

– Так я могу завтра отпустить своих ребят по домам?

– Послезавтра, – отозвался Санни. – До тех пор пускай об этом никто не знает. А сейчас нам надо с братом лично оговорить кой-какие семейные дела. Ты погоди пока в гостиной, ладно? Список можно потом закончить. Подработаете его вместе с Клеменцей.

– Понятно, – сказал Тессио. Он вышел из кабинета.

– Откуда ты знаешь, что это действительно Поли? – спросил Майк.

Санни сказал:

– У нас свои люди в телефонной компании, они проверили номер Поли, все звонки к нему и от него. Номер Клеменцы – тоже. В этом месяце Поли болел три раза, и каждый раз в эти дни ему звонили из телефона-автомата напротив отцовской конторы. И сегодня звонили. Смотрели, видимо, заменит ли кто-нибудь Поли или он будет сам на работе. Или, возможно, звонили с другой целью. Это роли не играет. – Санни поежился. – Слава богу, что Поли. Нам теперь Клеменца ой как нужен.

– Что – значит, теперь война? – неуверенно спросил Майкл.

Санни недобро сузил глаза.

– Пусть только вернется Том... Да, война – пока отец не решит иначе.

– А не разумней дождаться, пока он сможет что-то решать? – спросил Майкл.

Санни взглянул на него, словно видя в первый раз.

– И как это ты заработал себе боевые медали? Мы под прицелом, парень, надо драться. Я одного боюсь – что они не выпустят Тома.

– Почему? – удивился Майкл.

Санни терпеливо объяснил:

– Тома схватили в расчете, что отца уже нет в живых, а со мной они договорятся, и Том поначалу выступит посредником, передаст нам их условия. Теперь же, поскольку отец жив, им понятно, что переговоры со мной не состоятся, а стало быть, и Том им не понадобится. Могут отпустить, а могут и уничтожить, это уж как Солоццо рассудит. Если убьют, то для острастки – тоже способ оказать на нас давление.

Майкл спросил спокойно:

– Почему Солоццо решил, что с тобой он может договориться?

Санни вспыхнул.

– Несколько месяцев назад, – отозвался он не сразу, – Солоццо явился к нам с предложением войти в дело по сбыту наркотиков. Отец отказался. Но я во время разговора брякнул лишнее, показал ему, что я бы, может, и не прочь. Маху дал, хоть отец крепко-накрепко вко-

лотил в меня, что о разногласиях внутри семейства никогда не должен знать посторонний. Солоццо делает вывод – если убрать отца, то я волей-неволей пойду на сделку насчет наркотиков. Без отца семейство становится по меньшей мере вдвое слабее. Мне все равно пришлось бы биться как рыба об лед, чтобы удержать все то, что собрал под свою руку отец. За наркотиками будущее, значит, никуда нам от них не деться. А что он отца моего прикончил, так это же не из личных побуждений, исключительно в интересах дела. И я, как деловой человек, согласился бы на его предложение. Конечно, близко бы он меня для верности не подпускал – на выстрел, во всяком случае. Хотя он знает, что, прими я его условия, другие семейства никогда не допустят, чтобы я из одной только мести через пару лет развязал с ним войну. К тому же за ним стоит семья Татталья.

– А если б отца все же застрелили, что тогда? – спросил Майкл.

– Солоццо так или иначе покойник, – просто ответил Санни. – Чего бы это мне ни стоило. Пусть против меня поднимутся все Пять семейств Нью-Йорка. Всех Татталья вырежу поголовно. Пусть даже вместе поляжем, мне плевать.

– Отец сыграл бы иначе, – негромко заметил Майкл.

Санни свирепо отмахнулся.

– Знаю, но мне до него далеко. Только скажу тебе вот что – и он, кстати, подтвердил бы это. Когда доходит до боя на короткой дистанции, до настоящей драки, я умею действовать и никому не уступлю. Солоццо это знает, Клеменца и Тессио тоже. Я показал, на что способен, еще когда мне было девятнадцать, когда семейство воевало последний раз, – я и тогда уже был отцу большим подспорьем. Так что теперь мне волноваться нечего. Тем более – при таком раскладе, как сейчас, все козыри у нас в руках. Еще бы только связаться с Люкой.

– Он что, и впрямь такая сила? – с интересом спросил Майкл. – Действительно много может?

Санни кивнул.

– Этот один стоит целой армии. Он у меня пойдет на троицу Татталья. Солоццо я возьму сам.

Майкл, скрывая, что ему не по себе, передвинулся в своем кресле. Сколько он помнил Санни, тот, при всей частенько свойственной ему разухабистой грубости, был, по существу, незлобив и участлив. Душа-человек. Дико было слышать от него такие речи, жутко видеть набросанный на бумаге его рукою список людей, которых он, точно некий новоявленный римский император, обрекал истреблению. Хорошо, что сам он от всего этого в стороне и не обязан теперь, раз отец остался жив, активно участвовать в отмщении. В чем-то поможет, будет отвечать на звонки, передавать указания, исполнять мелкие поручения – и хватит. В остальном Санни с отцом сами справятся, тем более – при поддержке Люки Брази...

Из гостиной донесся пронзительный женский вопль. А, черт, подумал Майкл, да ведь это жена Тома. Он кинулся к двери, распахнул ее. Все, кто находился в гостиной, стояли на ногах. У дивана Том Хейген со смущенным лицом обнимал Терезу. Она плакала навзрыд, и Майкл понял, что она закричала от радости, увидев мужа. Том Хейген отвел руки жены, усадил ее на диван. Он хмуро усмехнулся Майклу:

– Рад тебя видеть, Майк, очень рад, – и прошел в кабинет, не взглянув больше на плачущую жену. «Не зря прожил десять лет в семье Корлеоне, – подумал Майкл со странным приливом гордости. – Дон оставил на нем свой отпечаток так же, как на Санни, – да и на мне, как ни удивительно».

Глава 5

Около четырех часов утра все они собрались в угловом кабинете – Санни, Майкл, Том Хейген, Клеменца и Тессио. Терезу Хейген уговорили пойти домой, в соседний особняк. Поли Гатто все еще ждал в гостиной, не догадываясь, что людям Тессио приказано не спускать с него глаз и не выпускать за порог.

Том Хейген изложил им условия Солоццо. Он сказал, что Солоццо, когда узнал, что дон еще жив, явно намеревался его убить. Хейген усмехнулся, рассказывая об этом.

– Я даже в Верховном суде вряд ли бы так распинаясь, как сегодня перед этим проклятым Турком. Обещал ему, что уломаю семейство принять его предложение, несмотря на то что дон остался жив. Сказал, что запросто обведу тебя, Санни, вокруг пальца. Что мы дружили с тобой еще мальчишками, и – ты уж не сердись – намекнул, что ты не очень страдаешь, что оказался сейчас на месте главы семейства. Прости мне, господи.

Он виновато улыбнулся Санни, и тот показал ему жестом, что понимает, что это неважно.

Майкл, устроившись в кресле у телефона, наблюдал за ними обоими. Когда Хейген вошел в кабинет, Санни бросился обнимать его, и Майкл ревниво подумал, что во многом Том Хейген ближе брату, чем он, и всегда будет ближе.

– Теперь к делу, – сказал Санни. – Начнем с плана действий. Вот взгляните, мы тут с Тессио наметили кое-что. Тессио, передай Клеменце свой список.

– Если мы принимаем план действий, – сказал Майкл, – то здесь должен находиться Фредди.

– От Фредди нам проку чуть, – мрачно проговорил Санни. – Врач сказал, он пережил такое потрясение, что ему требуется полный покой. Я, правда, что-то не понимаю. Фредди был сызмальства крутой. Сломался, наверное, когда при нем подстрелили отца, отец для него всегда был богом. Другого замеса тестю, Майк, чем мы с тобой.

Хейген быстро сказал:

– Хорошо, не будем трогать Фредди. Выключаем его отовсюду, полностью выключаем. Теперь вот что. Санни, покамест все не уляжется, тебе, я считаю, следует сидеть дома. То есть вообще никуда не отлучаться. Здесь ты в безопасности. Не будем недооценивать Солоццо – это истинный pezzonovante, король в своем деле, без дураков. Больница у нас под охраной?

Санни кивнул.

– Посетителям доступ перекрыт полицией, а к палате я приставил своих людей. Ну и как тебе, Том, наш список?

Хейген нахмурился, читая фамилии.

– Черт возьми, Санни, ты руководишься эмоциями. Дон усмотрел бы в данном случае чисто деловые разногласия. Ключевая фигура – Солоццо. Устрани Солоццо, и все образуется. Татталья-то зачем тебе понадобились?

Санни поглядел на обоих sarogregimes. Тессио пожал плечами:

– Да, задача не из простых.

Клеменца вообще не отозвался.

Санни обратился прямо к Клеменце:

– Один вопрос мы можем решить, не обсуждая. Чтобы я Поли здесь больше не видел. Поставь его на первое место в своем списке.

Тучный sarogregime кивнул.

– А что с Люкой? – спросил Хейген. – Солоццо, по-моему, не очень-то его опасается. И это внушает серьезные опасения мне. Если Люка продал нас, дело дрянь. Это первое, что необходимо установить. Кому-нибудь удалось с ним связаться?

– Никому, – отозвался Санни. – Я лично названивал ему весь вечер. Может, у бабы заготовился.

– Нет, – сказал Хейген. – Он никогда не остается ночевать у женщин. Встает и уходит домой. Ты, Майк, звони, куда не ответят.

Майкл послушно снял трубку, набрал номер. Послышались редкие гудки, но к телефону никто не подходил. В конце концов он повесил трубку.

– Продолжай дозваниваться, – сказал Хейген. – Звони каждые пятнадцать минут.

– Слушай, Том, – нетерпеливо сказал Санни, – ты советник, так давай подкинь нам совет. Что будем все-таки делать, как считаешь?

Хейген потянулся за бутылкой, стоящей на столе, налил себе виски.

– Будем вести переговоры с Солоццо, пока твой отец не сможет снова взять на себя дела. На крайний случай можем даже поладить в чем-то. Когда дон встанет на ноги, он без лишнего шума разберется с этой историей, и все семейства примут его сторону.

Санни вскипел:

– Мне, по-твоему, значит, не справиться с Солоццо?

Том Хейген поглядел ему прямо в глаза.

– Санни, в драке ты его одолеешь. У семьи Корлеоне сил на это хватит. Есть Клеменца, есть вот Тессио, и, если дойдет до открытой войны, они тебе хоть тысячу соберут боевиков. Но в конце бойня пойдет по всему Восточному побережью, и другие семейства возложат за это вину на Корлеоне. Наживем себе кругом врагов. А этого твой отец не одобрял никогда.

Майкл, наблюдая за братом, отметил, что он это принял достойно. Но Санни снова обратился к Хейгену с вопросом:

– А предположим, отец не выживет, – что тогда посоветуешь, советник?

Хейген отвечал спокойно:

– Я знаю, ты не согласишься, но тогда я посоветовал бы действительно принять предложение Солоццо и участвовать в сбыте наркотиков. Без политических связей твоего отца, без его личного влияния семейство Корлеоне станет вдвое слабей. С уходом дона другие семейства Нью-Йорка могут прийти к союзу с Татталья и Солоццо – для того хотя бы, чтоб избежать долгой опустошительной войны. Если твой отец умрет, заключаай эту сделку. А дальше – поживешь, увидишь.

Санни побелел от гнева.

– Тебе легко говорить, не в твоего отца стреляли.

Хейген проговорил быстро и гордо:

– Я ему такой же сын, как ты или Майк, – а может, и получше. Я тебе высказал профессиональную точку зрения. Если тебя интересует мое личное мнение, то я бы всю эту нечисть передупил своими руками!

В этом возгласе выплеснулось наружу такое страстное чувство, что Санни сказал, пристыженно и поспешно:

– Ох, Том, прости, ради бога, сорвалось.

Но на самом деле – не сорвалось. Родная кровь есть родная кровь, и тут уж ничего не попишешь.

На минуту Санни как будто впал в задумчивость. Остальные в тягостном молчании ждали. Наконец он вздохнул и спокойно заговорил:

– Хорошо. Воздержимся от резких телодвижений, пока не сможем получить руководящих указаний от дона. Но только уж и ты, Том, сиди здесь. Нечего рисковать понапрасну. Ты, Майк, тоже поосторожнее, хотя не думаю, чтобы даже Солоццо решился распространить военные действия на гражданских лиц, на родственников. Это восстановило бы против него буквально всех. Но ты все равно остерегайся. Тессио, держи пока своих людей в резерве, но пусть они шныряют по городу, вынюхивают, что происходит. Клеменца, как разберешься с

Поли Гатто, давай своих людей сюда в дом и на территорию, на смену ребятам Тессио. Тессио, ты все-таки из больницы своих не забирай. Том, с утра первым делом начинай переговоры с Солоццо и Татталья по телефону либо через посредника. А ты, Майк, возьми завтра пару ребят Клеменцы, езжайте к Люке и дождитесь его или выясни, куда он запропастился, чертов сын. Ведь этот чокнутый, возможно, уже у самого горла Солоццо, если он слышал, что случилось. Никогда не поверю, чтобы он пошел против дона, что б там ни посулил ему Турок.

– Стоит ли так напрямую втягивать Майка? – с неодобрением сказал Хейген.

– Ты прав, – сказал Санни. – Майк, все отменяется. Оставайся сидеть здесь на телефоне, тем более что это мне важнее.

Майкл промолчал. Ему было неловко, даже стыдно, он заметил, с какими нарочито безучастными лицами сидят Клеменца и Тессио, наверняка пряча свое презрение к нему. Он снял трубку, набрал телефон Люки Брази и, прижав трубку к уху, стал слушать редкие гудки.

Глава 6

Питер Клеменца плохо спал в ту ночь. Он рано встал, сам собрал себе завтрак: стакан виноградной водки ггарра, толстый ломоть гемуэзской салями с краюхой свежего итальянского хлеба, который сыздавна и поныне поставляли к его столу прямо на дом. Запил все это горячим кофе из огромной, грубого фаянса кружки, плеснув туда же анисовой. Шаркая по дому в старом купальном халате и красных войлочных шлепанцах, он обдумывал предстоящую в этот день работу. Санни Корлеоне высказался ночью с предельной ясностью: Поли Гатто нужно немедленно убрать. Значит, сегодня.

Клеменца был озабочен. Не потому, что Гатто, его ставленник, оказался предателем. Это не могло возбудить сомнения насчет компетентности сарорегиме в подборе кадров. В конце концов, о Поли все было известно, и все говорило в его пользу. Родился в сицилийской семье, рос по соседству с детьми Корлеоне и даже с одним из сыновей дона учился вместе в школе. Шел по ступенькам служебной лестницы в положенном порядке. Был не единожды проверен и с честью выдержал испытания. И когда полностью доказал, что годен, получил от семейства Корлеоне хорошую кормушку: проценты с ист-сайдского тотализатора и место в откупном списке профсоюзов. Клеменца подозревал, что Поли Гатто, вопреки строжайшему правилу, установленному в семействе Корлеоне, на свой страх и риск подрабатывает на стороне поборами, – но в глазах Клеменцы это только поднимало ему цену. Такое пренебрежение к порядкам считалось свидетельством отваги, отчаянности – так горячий породистый конек норовит сбросить с себя узду.

И притом Поли завязывал отношения с обираемыми, никому не причиняя беспокойства. Подготавливался со скрупулезной тщательностью, осуществлял с минимальными шероховатостями и издержками – пострадавших практически не бывало, а в результате – три тысячи долларов по платежному списку от пошивочного центра в Манхэттене плюс небольшой приварок от посудной фабрики в глухом районе Бруклина. В конце концов, молодому человеку, конечно, требуется больше на карманные расходы. Все это было в порядке вещей. Кто мог бы предвидеть, что Поли Гатто продаст?

Нет, нынче утром Клеменцу волновала именно кадровая проблема. Убрать Поли Гатто было частью будничной, отработанной процедуры. Загвоздка для сарорегиме состояла в том, кем заменить Гатто в организации. Для рядового, «шестерки», это существенное повышение по службе, к такого рода делам нужно подходить серьезно. Выбрать не слюня и не размазню. Надежного – такого, чтобы, если попадетсЯ в руки полиции, держал язык за зубами, – беззаветно приверженного сицилийской omerta, закону о молчании. И еще проблема – какое вознаграждение положить ему за новые обязанности? Сколько раз говорено дону, выдвиженцам из «шестерок» платить следует больше, телохранитель, когда начинается заваруха, первым попадает на линию огня, но дон все отмалчивался. Возможно, будь Поли менее стеснен в деньгах, он не поддался бы посулам коварного Турка.

В конце концов Клеменца свел свой список к трем возможным кандидатурам. Первым значился сборщик податей с чернокожих «банкиров» – содержателей подпольной лотереи в Гарлеме, здоровенный дядя с медвежьими ухватками и медвежьей силищи, наделенный притом недюжинным обаянием и умением как ладить с людьми, так и, в случае надобности, держать их в страхе. И все-таки, пораскинув с полчаса умом, Клеменца вычеркнул его имя. Слишком уж он легко сходился с черными, что выдавало определенный изъян в складе личности. К тому же и заменить его на теперешней должности было бы непросто.

Второе имя – на нем Клеменца совсем уж было остановился по должном размышлении – принадлежало старательному трудяге, который с усердием верой и правдой служил организации. Взял с ростовщиков, орудующих с дозволения семейства в Манхэттене, не поступив-

шие в срок отчисления. Начинал когда-то посыльным у букмекера. Однако для столь значительного повышения еще, пожалуй, не созрел.

В конечном счете Клеменца остановил свой выбор на Рокко Лампоне. Рокко служил семейству Корлеоне недолго, но уже успел выдвинуться. Он воевал в Африке, был ранен и в 1943 году демобилизовался. Молодых в те дни не хватало, и Клеменца, невзирая на увечья Лампоне, который к тому же сильно прихрамывал при ходьбе, все-таки взял его. Использовал для контактов в пошивочном центре и в Управлении по регулированию цен, где сидели чиновники, ведающие распределением продовольственных карточек. После чего на Лампоне легла обязанность всецело обеспечивать беспрепятственное прохождение товара по этим двум каналам на черный рынок. Клеменце он больше всего пришлось по душе своим здравомыслием. Умел понять, что незачем лезть на рожон и прибегать к серьезным мерам там, где есть возможность откупиться крупным штрафом или же сроком в полгода – сущие мелочи в сравнении с тем, что будет заработано. Правильно рассудил, что в данном конкретном случае прибыльнее легонько пригрозить, чем пережать. Действовал как бы под сурдинку, а именно это и требовалось в подобного рода деле.

У Клеменцы отлегло от сердца, как у добросовестного администратора, когда он решит заковыристую служебную задачу. Да, он возьмет себе в подручные Рокко Лампоне. Потому что исполнить задание Клеменца собирался сам, и не оттого только, что неискушенному новичку следовало помочь «размочить биографию», но и затем, чтобы свести личные счета с Поли Гатто. Поли был его ставленник, он продвигал Поли по службе через головы более достойных и преданных – он помог Поли хорошо зарекомендовать себя в работе и всячески содействовал успеху его карьеры. Поли предал не просто семейство Корлеоне, он предал своего *padrone*, своего покровителя Питера Клеменцу. И поплатится за подобное неуважение.

Все прочее было уже на мази. Поли Гатто получил распоряжение заехать за ним в три часа на своей машине, предстоит рядовая работа. Клеменца потянулся к телефону и набрал номер Рокко Лампоне. Он не назвался. Просто сказал:

– Приезжай сегодня ко мне. Есть дело.

С удовлетворением отметил, что в голосе Лампоне, невзирая на ранний час, нет ни удивления, ни сонной заторможенности.

Ответ прозвучал коротко:

– Да, понял.

Что надо человек. Клеменца продолжал:

– Не торопись, время терпит. Успеешь и позавтракать, и пообедать. Но чтобы был не позже двух.

В ответ опять раздалось: «Понятно». Клеменца положил трубку. Он уже оповестил своих, чтобы сменили людей *sarogegime* Тессио в поместье Корлеоне, – стало быть, одна забота с плеч долой. Ребята у него были толковые, он никогда не лез к ним с мелочными наставлениями.

Ну а пока что – можно помыть свой «Кадилак». Клеменца обожал эту машину. Такой покойный, ровный ход, так нежит тело богатая обивка, что он порой в хорошую погоду отсиживался в автомобиле по часу – совсем не то, что сидеть дома. Потом, когда ухаживаешь за машиной, легче думается. Он вспомнил, как отец в Италии любил мыть и чистить щеткой своих осликов.

Клеменца возился с машиной в теплом гараже, он терпеть не мог холода. С Поли держи ухо востро – точно крыса чувствует опасность. Сейчас к тому же, при всей своей лихости, наверняка наложил в штаны из-за того, что дон остался жив. Явится вздрюченный, как осел, которому муравей в зад залез. Впрочем, Клеменце не привыкать было к подобным ситуациям, работа приучила. Первое – это дать правдоподобное объяснение тому, что с ними должен ехать Рокко. Второе – надо придумать, куда и для чего они едут, и так, чтобы Поли поверил.

Конечно, строго говоря, это не столь уж обязательно. Поли можно было убрать и не цацкаясь с ним. Так или иначе – попался, бежать ему некуда. Просто Клеменца уважал чистую работу и не давал себе в этом смысле поблажек, он никогда не предоставлял противной стороне хотя бы долю шанса на преимущество. Мало ли что – ведь в таких делах речь идет, в конце концов, о жизни и смерти.

Питер Клеменца мыл свой небесно-голубой «Кадиллак», а сам тем временем отрабатывал каждое слово своей речи, каждое выражение лица. Он будет резок с Поли, словно тот в чем-то проштрафился. Это собьет с толку Гатто с его звериным чутьем, его подозрительностью – или по крайней мере поселит в нем сомнение. Излишнее дружелюбие только насторожит его. Разумеется, не стоит перегибать палку. Нужно изобразить рассеянного, озабоченного, слегка раздраженного босса... Теперь – Лампоне. Его присутствие бесспорно вызовет тревогу у Поли, тем более что Лампоне предстоит ехать сзади. Сидеть за баранкой, когда у тебя за спиной Лампоне, – значит лишиться возможности оказать сопротивление. Клеменца надраивал свой «Кадиллак» до блеска. Хитрая задача. Очень хитрая. Заколебался на мгновение – не стоит ли прихватить с собой для верности еще человека, но отверг эту идею. Он рассуждал, следуя элементарной логике. С течением лет может сложиться ситуация, когда кому-то из его сообщников окажется выгодно давать против него показания. Если свидетель один, то показания уравниваются. Если сообщников двое, их свидетельства перевесят. Нет, пусть все идет как намечено.

Досадно было, что казнь назначена «публичная». Что тело должны найти. Куда как лучше бы ему исчезнуть. (Обычными местами захоронения служили океан или болота Нью-Джерси на землях, принадлежащих друзьям семейства, иногда трупы уничтожали иными, более изощренными способами.) Однако в данном случае урок должен стать показательным – для устрашения потенциальных предателей и предостережения неприятелю, что в семействе Корлеоне дураков и слюнтяев не прибавилось. Призадумается Солоццо, когда увидит, как быстро разоблачили его осведомителя. Семейство Корлеоне хотя бы отчасти восстановит свою прежнюю репутацию. Их выставили на посмешище тем, что сумели подстрелить дона.

Клеменца вздохнул. Голубой «Кадиллак» уже сверкал, точно огромное яйцо, а он так и не приблизился к решению вопроса. И вдруг его осенило – вот оно, логично и в самую точку. Разом объясняет и присутствие Рокко Лампоне, и зачем им с Поли ехать вместе, и почему так важно действовать тихо.

Он скажет Поли, что им сегодня предстоит подыскать помещение на случай, если семейство решит «залечь на тюфяки».

Когда война между семейными синдикатами обострялась, противники тайно снимали помещение и устраивали там штаб-квартиру, где боевики, «солдаты», спали вповалку на тюфяках, разложенных на полу. Делалось это не столько для того, чтобы уберечь родных, жен и детей, – никто и так никогда не смел поднять руку на «мирное население», непричастное к побоищу. Это таило слишком большую обоюдную опасность. Просто здравый смысл подсказывал зарыться в нору, подальше от вражеских глаз, а может, и от полиции, ежели ей вдруг придет в голову вздорная мысль вмешаться.

Обычно потайное помещение снимал испытанный *caporegime*, завозил в него тюфяки. Отсюда совершались вылазки в город, когда переходили в наступление. Клеменцу первого послали бы с таким заданием, это нормально. И нормально, что он берет себе на подмогу Гатто и Лампоне, – устроиться, обставиться. Кроме того – Клеменца усмехнулся этой мысли, – корыстолюбивый, как выяснилось, Поли сразу начнет сообщать, сколько Солоццо ему отвалит за столь ценные сведения.

Рокко Лампоне приехал загодя, и Клеменца растолковал ему, что им требуется исполнить и каково будет распределение ролей. Лампоне взглянул на него с изумлением и благодарностью – это было заметное повышение, ему давали возможность оказать семейству услугу.

Он почтительно поблагодарил Клеменцу, и тот еще раз похвалил себя за верный выбор. Он потрепал Лампоне по плечу.

– С завтрашнего дня тебе будет перепадать не только на хлеб насущный, но и на масло. Хотя об этом успеем после. Сам знаешь – сейчас семейству не до того, сейчас есть более неотложные заботы.

Лампоне протестующе поднял руку, словно бы говоря, что готов подождать, – он знал, что вознаграждение ему обеспечено.

Клеменца зашел к себе в мастерскую, открыл сейф. Вынул оттуда пистолет и дал его Лампоне.

– Возьмешь этот, – сказал он. – Происхождение установить невозможно. Бросишь его потом в машине рядом с Поли. Сделаем дело – бери жену и детей и двигай с ними во Флориду. На свои деньги – я тебе потом возьму. Отдыхай, грейся на солнышке. Остановитесь в нашем отеле в Майами-Бич, чтоб я знал, где тебя найти в случае надобности.

В дверь мастерской постучались – жена Клеменцы сказала, что приехал Поли Гатто. Его машина у подъезда. Клеменца пошел из гаража, Лампоне – следом. Сароregime плюхнулся на переднее сиденье рядом с Гатто, досадливо буркнул что-то в ответ на приветствие. Придирчиво взглянул на часы, как если бы Гатто опоздал.

Острая мордочка Поли настороженно приглядывалась, принюхивалась в усилии оценить обстановку. Едва заметно покривилась, когда на заднее сиденье сел Лампоне.

– Пересядь направо, Рокко. В зеркале за тобой ничего не видно – здоровый черт.

Лампоне, словно не видя в этой просьбе ничего особенного, с готовностью передвинулся и сел за спиной Клеменцы.

Клеменца желчно процедил, обращаясь к Гатто:

– Санни, псих, перетрухал. Уже собрался залечь на тюфяки. Велено подыскать квартиру в Уэст-Сайде. Поли, вы с Рокко завезете тюфяки и провиант, и чтобы все было в ажуре, когда подвалют солдатики. У тебя нет на примете чего подходящего?

Так и есть, глазки у Гатто загорелись, жадность пересилила. Поли заглотал наживку и, прикидывая, сколько можно слупить с Солоццо за эту информацию, об опасности и думать забыл. Кстати, Лампоне играет свою роль отлично, поглядывает в окно с равнодушным, скупающим видом. Клеменца снова поздравил себя с удачным выбором.

Гатто пожал плечами:

– Надо будет подумать.

– Думать думай, а машину веди, – проворчал Клеменца. – Мне в Нью-Йорк сегодня надо, не завтра.

Поли Гатто был классный водитель, движение к городу в этот час было умеренное, так что доехали засветло, когда только-только начинали спускаться по-зимнему ранние сумерки. Ехали молча. Клеменца показал Поли, как проехать в нужную ему часть района Вашингтон-Хайтс. Оглядел там расположение нескольких жилых домов, потом велел Поли припарковаться невдалеке от Артур-авеню и ждать его. Рокко Лампоне он тоже оставил в машине. Сам же пошел в ресторан Веры Марио, заказал там легкий обед – телятину, салат, – перекинулся словом кое с кем из знакомых. Через час, пройдя пешочком несколько кварталов, вернулся к тому месту, где стояла машина, сел в нее. Гатто и Лампоне ждали.

– Вот гадство, – пробурчал Клеменца. – Обрато вызывают, в Лонг-Бич. Другая срочная работа, загорелось. А с этой, Санни сказал, можно повременить. Рокко, ты живешь в городе, тебя подбросить?

Рокко спокойно отозвался:

– Я оставил машину у вашего дома, а жене она завтра с утра нужна.

– Все правильно. Тогда едем вместе, ничего не поделаешь, – сказал Клеменца.

По дороге назад в Лонг-Бич снова ехали молча. На ответвлении шоссе, ведущем в городок, Клеменца сказал внезапно:

– Поли, останови, я выйду помочиться.

Гатто за время службы порядком поколесил со своим тучным саporegime и знал его слабости. Такая просьба была ему не внове. Машина свернула с шоссе на грунтовую дорогу, уходящую в глубь болот. Клеменца вылез наружу и зашел в придорожные кусты. Постоял, действительно справил малую нужду. Вернулся и, открывая дверцу, как бы затем, чтобы сесть назад, быстро огляделся. На шоссе справа и слева не было видно ни огонька; кромешная тьма.

– Давай, – сказал Клеменца.

Внутри машины грохнул выстрел. Поли Гатто словно бы прыгнул вперед, навалился грудью на баранку, потом сполз на сиденье. Клеменца поспешно отступил, чтобы его не забрызгало кровью вперемешку с осколками черепа.

Рокко Лампоне неловко выбрался с заднего сиденья, все еще держа в руке пистолет. Размахнулся и зашвырнул его в болото. Они с Клеменцей торопливо зашагали к другой машине, которая стояла поблизости, сели в нее. Лампоне пошарил под сиденьем, нашел спрятанный там ключ, включил зажигание и повез Клеменцу домой. Сам он после, вместо того чтобы вернуться тем же кратчайшим путем, проехал по-над дамбой вдоль Джоунз-Бич, свернул на город Меррик и выехал на парковую дорогу Медоубрук, впадающую в Северное шоссе. Оттуда дал крюк к востоку, до ближайшей развязки, и по Лонг-Айлендской скоростной автостраде достиг моста Уайтстоун-Бридж, переехал на другую сторону Ист-Ривер, а уж оттуда, через Бронкс, покатыл к себе в Манхэттен.

Глава 7

Вечером, накануне того дня, когда стреляли в дона Корлеоне, самый сильный, самый верный и грозный из его подданных готовился встретить врага. Несколько месяцев назад Люка Брази установил связь со сторонниками Солоццо. Приказал ему сделать это сам дон Корлеоне. Люка стал завсегдатаем ночных клубов, состоящих в ведении семьи Татталья, свел там знакомство с одной из лучших девиц. Лежа с ней в постели, он ворчал, что в семье Корлеоне его затирают, не ценят по достоинству. Через неделю с Люкой начал заговаривать Бруно Татталья, администратор ночного клуба. Бруно был младший сын Татталья и формально не имел отношения к доходному занятию своего семейства – проституции. При этом не одна девица с нью-йоркской панели прошла выучку в знаменитом цветнике длинноногих «герлс» из ночного клуба Бруно.

Первая встреча по внешней видимости прошла невинно – Татталья предложил Люке место вышибалы в одном из семейных заведений. Его обхаживали около месяца. Люка Брази разыгрывал роль одуревшего от страсти пожилого простака, Бруно Татталья изображал дельца, задумавшего переманить у конкурента ценного работника. Во время одной из бесед Люка сделал вид, что поддается. Он сказал:

– Но только одно условие. Против Крестного отца я не пойду никогда. Я уважаю дона Корлеоне и понимаю, что в делах он, конечно, всегда будет ставить на первое место не меня, а своих сыновей.

Бруно Татталья причислял себя к новому поколению и на представителей старой гвардии вроде Люки Брази, дона Корлеоне и даже родного отца посматривал с пренебрежением, пряча его за преувеличенной почтительностью. Сейчас он сказал:

– Мой отец и не ждет, что вы пойдете против Корлеоне. Да и кому это надо? Сегодня все предпочитают жить в мире, былые времена прошли. Просто если вы подыскиваете другую работу, я могу это передать отцу. Такой человек, как вы, нам всегда пригодится. Занятие у нас серьезное, и, чтобы дело шло гладко, требуются серьезные люди. Так что, если надумаете, скажите.

Люка повел плечом:

– Да мне в общем-то и там неплохо.

На этом и разошлись.

Суть действий Люки Брази сводилась к тому, чтобы создать у Татталья впечатление, будто он знает о прибыльной затее с наркотиками и хочет в ней участвовать самостоятельно. Таким образом ему, возможно, удалось бы что-то услышать о планах Солоццо, если таковые существуют, а кстати, и о том, собирается ли Турок наступать на пятки дону Корлеоне. Два месяца прошли без событий, и Люка доложил дону Корлеоне, что Солоццо как будто принял свое поражение беззлобно. Дон велел ему и дальше вести ту же линию – но уже в качестве побочной работы, не особо усердствуя.

В канун покушения на дона Корлеоне Люка, по своему обыкновению, наведлся в ночной клуб. Почти сразу же к нему за столик подсел Бруно Татталья.

– С вами хочет потолковать один мой знакомый, – сказал он.

– Давай его сюда, – сказал Люка. – Раз твой знакомый, отчего не потолковать.

– Нет, – сказал Бруно. – Он хочет говорить без свидетелей.

– А он кто такой? – спросил Люка.

– Да так, знакомый, – уклонился Бруно Татталья. – Хочет вам предложить кое-что. Вам сегодня попозже неудобно?

– Почему же, удобно, – сказал Люка. – Когда и где?

Татталья понизил голос:

– Клуб закрывается в четыре утра. Хотите, можно здесь, пока будут убирать зал.

«Знают мои привычки, – подумал Люка, – интересовались, стало быть». Вставал он обычно часа в три-четыре дня, завтракал, потом коротал время за картами или иной азартной игрой в компании друзей, состоящих на службе у семейства, или проводил его с женщиной. Мог посмотреть кинофильм по программе для полуночников, а после пропустить стаканчик в ночном клубе. Спать никогда не ложился до рассвета. И потому предложение о встрече в четыре утра было не столь уж диким, как может показаться.

– Ну-ну, – сказал он. – Загляну в четыре.

Он вышел из клуба, взял такси и поехал к себе в меблированную квартиру на Десятой авеню. Он снимал жилье с пансионом у итальянской семьи, с которой состоял в дальнем родстве. От остальной квартиры, построенной анфиладой, его две комнаты отделяла особая дверь. Это устраивало его: с одной стороны – ощущение, что он отчасти живет по-семейному, с другой – какая-то защита от неожиданностей там, где он наиболее уязвим.

Итак, думал Люка, хитрый лис Турок собрался все же высунуть хвост из норы. Если дела основательно продвинутся и Солоццо нынче откроет карты, возможно, все это обернется неплохим рождественским подарком дону Корлеоне. У себя в комнате Люка выдвинул из-под кровати сундучок, отпер его и вытащил тяжелый пуленепробиваемый жилет. Разделся, натянул жилет на шерстяное белье, надел поверх рубашку и пиджак. Подумал было, не позвонить ли дону в Лонг-Бич и не сообщить ли о развитии событий, – но он знал, что дон Корлеоне сам никогда не говорит по телефону, а так как задание было дано ему секретно, то, следовательно, дон не хочет, чтобы кто-либо узнал о нем, будь то даже его старший сын или Хейген.

Люка всегда был вооружен. У него было право на ношение оружия – оно стоило таких бешеных денег, что, возможно, второго такого не выдавали еще нигде и никому. Десять тысяч долларов, сказать страшно, – зато при личном обыске оно спасло бы Люку от тюрьмы. Как высшей в семейной иерархии фигуре по оперативной, исполнительной части, такое право полагалось ему по чину. Однако сегодня, на тот случай, если представится возможность решить вопрос с Солоццо окончательно, Люка предпочел взять «безопасный» пистолет. Такой, по которому нельзя выследить владельца. Впрочем, прикинув все «за» и «против», он склонился к мысли, что этой ночью только выслушает предложение и доложит о нем Крестному отцу, дону Корлеоне.

Люка снова вернулся в клуб, но только больше уже не пил. дождался ночи и побрел на Сорок восьмую улицу, где не торопясь поужинал у Патси, в своем любимом итальянском ресторанчике. Ближе к назначенному часу, так же не торопясь, зашагал в клуб. Швейцара за дверью уже не было. Гардеробщица тоже ушла. Его встретил Бруно Татталья и повел к опустевшему бару у боковой стены. Впереди рассыпались по залу столики, посередине, точно желтый алмаз, сверкала воощенным паркетом площадка для танцев. Безлюдные подмостки для оркестра тонули в полумраке, и над ними, точно цветок на металлической ножке, замер микрофон.

Люка подсел к бару, Бруно Татталья зашел за стойку. От выпивки Люка отказался и закурил. Он допускал, что Турок здесь, возможно, ни при чем, что разговор будет о другом. И тут увидел, как из сумрачной глубины зала возник Солоццо.

Солоццо пожал ему руку, сел рядом. Татталья поставил перед ним стакан, и Солоццо кивком поблагодарил его.

– Вы знаете, кто я? – спросил Солоццо.

Люка кивнул, зловеще усмехнулся. Спугнули зверя – все-таки вылез из норы. Приятно будет заняться этим сицилийцем, провонявшим туретчиной.

– И знаете, о чем я хочу вас просить? – продолжал Солоццо.

Люка помотал головой.

– Мы начинаем серьезное дело, – сказал Солоццо. – Каждому, кто будет наверху, оно сулит миллионы. С первой же партии товара могу вам обещать верных пятьдесят тысяч. Я говорю о наркотиках. За ними будущее.

Люка сказал:

– Почему вы обращаетесь с этим ко мне? Хотите, чтобы я передал дону?

Солоццо поморщился.

– С доном я уже говорил. Его это не интересует. Что ж, обойдемся без него. Но мне нужен сильный человек для физического прикрытия операции. Вам, насколько я понимаю, не очень сладко в семействе Корлеоне – так, может быть, есть смысл сменить работу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.